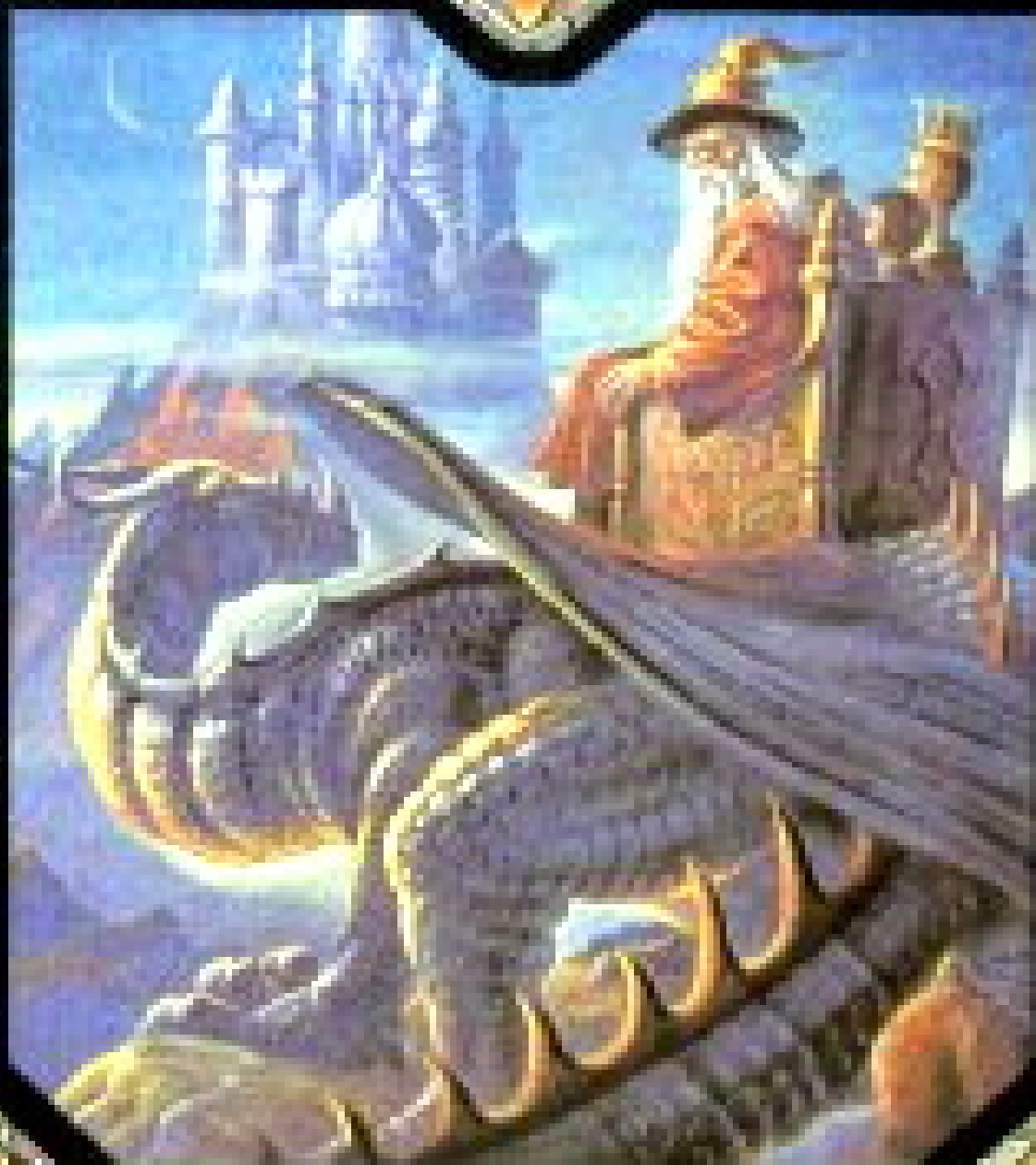

ЧЕБЫС

ДЖЕЙМС БРЭНЧ КЕЙББА
Сказание
о Мануэле

Сказание о Мануэле

Annotation

Успеху Джеймса Бренча Кейбелла у русского читателя немало вредит успех Толкина. Эта книга выходит под грифом «фэнтези», который в действительности справедлив по отношению к американскому писателю ничуть не больше, чем по отношению к Мервину Пику или к тому же Толкину. Творил Кейбелл в первой половине XX века, когда о фэнтези еще и слуху не было, и занимался своими делами. Сравнить его уместнее не с фэнтези, а, например, со Свифтом, но если это и Свифт, то еще более ироничный и метафизически настроенный.

Юрген

(Комедия Справедливости)

*«Of Jorgen eke they maken mencioune,
That of an old wyf gat his youthe agoon,
And gat himselfe a shirte as bright as fyre
Wherein to jape, yet gat not his desire
In any countrie ne condicioun».*

*О Юргене я песнь пою,
Что юность вновь обрел свою,
Обрел рубаху – огонь, сверканье,
Но не обрел предмет желанья
Ни в преисподней, ни в раю.*

Глава I

Почему Юрген совершил мужественный поступок

Эту историю в Пуактесме рассказывают так. В стародавние времена жил один ростовщик по имени Юрген. Но жена частенько называла его куда более дурными именами. Она была вспыльчивой женщиной, не обладавшей особым даром молчания. Говорят, имя у нее было Аделаиза, но люди обычно называли ее госпожой Лизой.

Рассказывают также, что в стародавние времена, закрыв как-то на ночь окна лавки, Юрген по пути домой проходил мимо цистерцианского монастыря, а один из монахов споткнулся на дороге о камень. Он проклинал дьявола, положившего его здесь.

– Фу, брат! – говорит Юрген. – Разве у дьявола недостаточно силы, чтобы перенести его?

– Я никогда не соглашался с Оригеном, – отвечает монах. – И, кроме того, у меня страшно болит большой палец.

– Тем не менее, – замечает Юрген, – богобоязненному человеку не надлежит говорить с неуважением о божественно назначенном Князе Тьмы. Для еще большего смущения рассмотри промысел этого монарха! Ты можешь заметить, что он денно и ночно трудится над задачей, поставленной перед ним Небесами. Такое можно сказать лишь о нескольких причастниках, но никак не о монахах. Подумай, к тому же, о его изящном искусстве, о котором свидетельствуют все те опасные и прелестные ловушки сего мира, бороться с которыми твое дело, а мое – ссужать на это деньги. А не будь его, мы оба остались бы без работы. Рассмотри также его филантропию и взвесь, насколько невыносимо было бы наше положение, если б ты и я, да и все наши прихожане сегодня водили бы дружбу с остальными зверями в Саду, отсутствие которого мы притворно чувствуем по воскресеньям! Встать со свиньей и лечь с гиеной?.. О, нестерпимо!

Так он пошел дальше, придумывая поводы для того, чтобы не размышлять слишком сурово о Дьяволе. Большею частью это были отрывки стихов, сочиняемых Юргеном в лавке, когда дела шли вяло.

– Я считаю, что все это чепуха и ерунда, – была реплика монаха.

– Без сомнения, в твоей точке зрения больше чувства, – заметил ростовщик, – зато в моей – красоты.

Затем Юрген миновал цистерцианский монастырь и уже подходил к Бельгарду, когда повстречал некоего черного господина, который поприветствовал его и сказал:

– Благодарю, Юрген, за доброе слово.

– Кто вы такой и почему меня благодарите? – спрашивает Юрген.

– Мое имя большой роли не играет. Но у тебя мягкое сердце, Юрген. Да будет твоя жизнь лишена забот!

– Спаси нас от зла и вреда, мой друг, но я уже женат.

– Эх, господа, такой изящный и умный поэт, как ты!

– Я уже с давних пор занимаюсь поэзией.

– Конечно же! У тебя темперамент художника, который не совсем соответствует ограничениям

семейной жизни. Я предполагаю, что у твоей жены особое мнение о поэзии, Юрген.

– В самом деле, сударь, ее мнение нельзя повторить, ибо уверен, что вы не привыкли к таким выражениям.

– Весьма печально. Боюсь, жена не совсем тебя понимает, Юрген.

– Сударь, – говорит пораженный Юрген, – вы умеете читать самые затаенные мысли?

Черный господин казался весьма удрученным. Он сжал губы и начал что-то считать на пальцах: когда те двигались, острые ногти сверкали, словно язычки пламени.

– Весьма плачевно для тебя, – говорит господин в черном, – оказаться первым человеком, в котором я нашел готовность замолвить доброе слово о зле. Да к тому же, за все эти века! Это же самый прискорбный пример дурного управления! Неважно, Юрген, утро вечера мудренее. Теперь же я, разумеется, награжу тебя!

И Юрген вежливо поблагодарил прямодушного старика. А когда Юрген пришел домой, его жены нигде не было видно. Он искал ее, где только можно, и расспрашивал всех подряд, но безрезультатно. Госпожа Лиза исчезла во время приготовления ужина – внезапно, бесследно и необъяснимо, словно (в юргеновских образах) пронесся ураган и оставил позади себя спокойствие, которое, по контрасту, казалось жутким. Ничто не могло пролить свет на это чудо, своего рода магию, и Юрген вдруг вспомнил странное обещание черного господина. Юрген перекрестился.

– Как же несправедливо, – говорит Юрген, – в благодарность создавать людям скверную репутацию! Но я осознаю, насколько я мудр, что в этом мире сплетников всегда обо всех говорю любезно.

Затем он приготовил себе ужин, а после лег в постель и спал очень крепко.

– У меня безоговорочная уверенность в Лизе, – говорит он. – У меня исключительная уверенность в ее способности позаботиться о себе при любых обстоятельствах.

Все было очень хорошо, но время шло, и поползли слухи, что госпожа Лиза разгуливает по Морвену. Ее брат, бакалейщик и член городского совета, пошел туда проверить это сообщение. И действительно, в сумерках там бродила жена Юргена и непрерывно что-то бормотала.

– Фу, сестра! – говорит член городского совета. – Это весьма недостойное поведение для замужней женщины, и об этом, похоже, начнут говорить.

– Следуй за мной! – отвечает госпожа Лиза. И член совета последовал за ней в потемках, но, когда она пришла на Амнеранскую Пустошь и продолжала идти дальше, он понял, что лучше за ней не следовать.

На следующий вечер в Морвен отправилась старшая сестра госпожи Лизы. Эта сестра была замужем за нотариусом и считалась весьма проницательной женщиной. Как следствие этого, вечером она взяла с собой очищенный от коры ивовый прут. А по Пустоши в сумерках разгуливала жена Юргена и непрерывно что-то бормотала.

– Фу, сестра! – говорит жена нотариуса, которая была проницательной женщиной. – Разве ты не знаешь, что сейчас Юрген сам себе штопает носки и опять положил глаз на графиню Доротею?

Госпожа Лиза вздрогнула, но сказала лишь то же самое:

– Следуй за мной!

И жена нотариуса последовала за ней на Амнеранскую Пустошь и пересекла эту Пустошь, а там оказалась пещера. Об этом месте ходила дурная слава. В сумерках навстречу им вышел, высунув язык, тощий пес, но жена нотариуса трижды хлестнула его прутом, и молчаливый зверь оставил их. Госпожа Лиза молча прошла в пещеру, а ее сестра повернулась и, плача, отправилась домой к детям.

На следующий вечер Юрген сам пошел в Морвен, поскольку родственники жены убедили его, что нужно совершить этот мужественный поступок. Юрген оставил лавку на Уриена Вильмарша, считавшегося весьма достойным служащим. Юрген последовал за своей женой через Амнеранскую Пустошь и достиг пещеры. Юрген охотно оказался бы где-нибудь в другом месте.

Там сидел пес на задних лапах и, казалось, ухмылялся Юргену. А вокруг были и другие твари,

летавшие в сумерках низко над землей, как совы. Но они были значительно крупнее сов, и от этого становилось не по себе. И, более того, все это происходило сразу после заката в канун Вальпургиевой ночи, когда случается даже более чем невероятное.

Тогда Юрген сказал немного брюзгливо:

– Лиза, моя дорогая, если ты войдешь в пещеру, мне придется последовать за тобой, поскольку нужно совершить этот мужественный поступок. А ты знаешь, как легко я простужаюсь.

Голос госпожи Лизы казался тонким и причитающим, он престранным образом изменился.

– У тебя на шее крест. Ты должен его выбросить.

Юрген носил крест из сентиментальных воспоминаний, поскольку тот когда-то принадлежал его покойной матери. Но теперь, к удовольствию жены, он снял эту безделушку и повесил на барбарисовый куст. И с мыслью, что дело, похоже, принимает скверный оборот, он последовал за госпожой Лизой в пещеру.

Глава II

Принятие примечательного одеяния

История рассказывает, что там было темно и Юрген не мог никого разглядеть. Но пещера тянулась вперед и вниз, а в дальнем конце мерцал свет. Юрген все шел и шел, и вскоре наткнулся на кентавра, и это его вовсе не удивило, поскольку Юрген знал, что кентавры являются воображаемыми существами.

Определенно, на него было интересно посмотреть. Нижняя часть была телом прекрасного гнедого коня, верхняя – загорелого молодого юноши, который смотрел на Юргена суровым, но далеко не недружелюбным взглядом. Кентавр лежал у костра, в котором горели кедровые и можжевельниковые дрова и чем-то намазывал себе копыта. Это вещество по мере того, как кентавр втирал его пальцами, делало копыта похожими на золотые.

– Приветствую тебя, мой друг, – говорит Юрген, – если ты творенье Бога.

– Твое условное предложение звучит не совсем по-гречески, – замечает кентавр, – поскольку в Элладе мы не делаем таких оговорок. Кроме того, тебя волнует не столько мое происхождение, сколько цель моего путешествия.

– Хорошо, мой друг, куда же ты собираешься?

– В сад между рассветом и закатом, Юрген.

– Это, несомненно, прекрасное название для сада! И я бы с радостью увидел это место.

– Садись ко мне на спину, Юрген, и я доставлю тебя туда, – говорит кентавр и поднимается на ноги. Заметив же, что ростовщик колеблется, кентавр добавляет: – Поскольку, как ты должен понять, другого пути нет. Этот сад не существует и никогда не существовал там, что люди забавно называют реальной жизнью. В него могут войти, конечно же, лишь воображаемые существа вроде меня.

– Это звучит весьма разумно, – оценивает предложение Юрген, – но так случилось, что я ищу свою жену, которую, как я подозреваю, утащил дьявол. Бедняжка!

И Юрген начал объяснять кентавру, что произошло.

Кентавр рассмеялся.

– Возможно, по этой причине я здесь и нахожусь. В любом случае, существует лишь одно средство достижения этой цели. Над всеми дьяволами и всеми богами, – так мне говорят, но, несомненно, и над всеми кентаврами, – власть Кощея Бессмертного, который создал все таким, какое оно есть.

– Не всегда безопасно, – указал Юрген, – говорить о Кошее. Похоже, это особо нежелательно в таком темном месте.

– Тем не менее я подозреваю, что в поисках справедливости ты должен отправиться именно к нему.

– Я бы предпочел этого не делать, – сказал Юрген с неподдельной искренностью.

– Я тебе сочувствую, но вопрос предпочтения не стоит, когда речь идет о Кошее. Или ты думаешь, например, что я околачиваюсь в этом подземелье по собственному желанию? И случайно узнал твоё имя?

Юрген немного испугался.

– Хорошо, хорошо! Но совершение мужественного поступка обычно предполагает наличие всяких там чертей. Как же тогда смогу я дойти до Кощея?

– Окольным путем, – ответил кентавр. – Другой дороги нет.

– А путь в этот сад окольный?

– О, во многом, поскольку он обходит как судьбу, так и здравый смысл.

– Значит, необходимость требует, – сказал Юрген. – Во всяком случае, я готов отведать любой напиток.

– Однако ты простудишься, путешествуя вот так. В поисках справедливости мы отправимся в странный путь над могилой мечты и через злобу времени. Так что тебе лучше всего надеть поверх своей одежды вот эту рубаху.

– В самом деле, это прекрасное и удобное блестящее одеяние с любопытным рисунком. Я с радостью принимаю такое облачение. И кого же мне благодарить за доброту?

– Меня зовут, – сказал кентавр, – Несс.

– Тогда, друг Несс, я к твоим услугам.

В один миг Юрген оказался на спине кентавра, и они вдвоем каким-то образом выбрались из пещеры и помчались по Амнеранской Пустоши. Так они попали в некий лес, где совсем необъяснимо еще виднелся отсвет заката. Теперь кентавр направился на запад. На плечах ростовщика, на его груди и согнутых руках сверкала, словно радуга, многоцветная рубаха Несса.

Через некоторое время они миновали лес, состоявший из больших деревьев, росших достаточно далеко друг от друга через равные промежутки, не прерываемые каким-либо подлеском, и золоченые копыта кентавра шуршали по толстому серо-бурому ковру палой листвы. А потом лес кончился, и они выехали на белую дорогу, тянувшуюся на запад. Тут произошло нечто совершенно немыслимое, во что Юрген никогда бы не поверил, не узри он этого своими собственными глазами. Теперь кентавр скакал настолько быстро, что понемногу нагонял солнце, таким образом вынуждая его понемногу подниматься над горизонтом все выше. И они неслись на запад в сиянии былого заката. Солнце било Юргену в лицо, пока они скакали прямо на запад, так что он заморгал, прикрыл глаза и смотрел то в одну сторону, то в другую. Таким образом, местность вокруг него и люди, которых они миновали, виделись ему в коротких

вспышках света, словно картины, внезапно сменяемые другими картинами. И соответственно все его воспоминания об этой сверкающей дороге были путаными и бессвязными.

Он удивлялся, что по пути к саду им попадалось очень много молодых женщин. Тут была и стройная девушка в белом, дразнившая крупную рыже-бурую собаку, неуклюже тершуюся у ее ног, и девушка, сидевшая на ветвях искривленного и сучковатого дерева, а позади нее текла широкая мутная река, в лучах солнца отливавшая медью, и прекрасная высокая девушка на коне, которая, по-видимому, кого-то ждала. Словом, девушек вдоль дороги было великое множество, и Юргену показалось, что он узнал пару из них.

Но кентавр скакал настолько резво, что Юрген не мог быть в этом уверен.

Глава III

Сад между рассветом и закатом

Юрген и кентавр добрались до сада между рассветом и закатом, войдя в него так, что это не совсем удобно описывать. В то время как они переходили через мост, перед ними с криками выбежали трое. А когда жизнь была выдвлена из их маленьких, покрытых шерстью тел, уже некому было препятствовать вхождению кентавра в сад между рассветом и закатом.

То был прекрасный сад, однако в нем не было ничего странного. Возникло такое впечатление, что все здесь было до боли знакомо и весьма дорого Юргену. Он подошел к широкой лужайке, спускающейся на север к достопамятному ручью. Тут и там в беспорядке стояли многочисленные клены и акации, и ими лениво играл нерешительный западный ветер, так что листва повсюду металась и дрожала, словно зеленый поток. Но осень была не за горами, и с акаций лился Данаин дождь из круглых желтых листочков. Сад со всех сторон окружали незабываемые голубоватые холмы. Повсюду таился прозрачный полумрак, не освещенный ни солнцем, ни звездами, и вокруг в рассеянном слабом излучении, озарявшем этот сад, который был виден лишь в краткие промежутки между рассветом и закатом, не было ни единой тени.

– Но это же сад графа Эммерика в Сторизенде, – промолвил Юрген, – где я чудесно проводил время еще юношей.

– Держу пари, – сказал Несс, – ты гулял по этому саду не в одиночку.

– В общем, нет. Там еще была девушка.

– Точно, – согласился Несс. – Таков местный указ: и вот те, кто ему подчиняется.

В лучах рассвета к ним подошли привлекательные юноша и девушка. Девушка была невероятно красива, поскольку все в саду видели ее глазами юноши, бывшего с ней.

– Меня зовут Рудольф, – сказал юноша, – а ее Анна.

– И вы здесь счастливы? – спросил Юрген.

– О да, сударь, мы счастливы, но отец Анны очень богат, а моя мать бедна, так что мы не можем быть совершенно счастливы до тех пор, пока я не отправлюсь в чужие края и не вернусь со ста тысячами рупий и песо.

– И что ты будешь делать со всеми этими деньгами, Рудольф?

– Выполнять свой долг, как я его вижу. Но я унаследовал плохое зрение.

– Бог поспособствует тебе, Рудольф! – сказал Юрген. – Как и многим другим в твоём положении.

Затем к Юргену и кентавру подошел еще один юноша с маленькой голубоглазой особой, от одного присутствия которой он приходил в восторг. И этот толстый и ленивый на вид юноша осведомил их, что он со своей девушкой гуляет по глянцу банки с горчицей, что Юрген воспринял как тарабарщину, а толстяк сказал, что он со своей девушкой решил больше не взрослеть, и Юрген воспринял это как замечательное проявление здравого смысла, если только у них это получится.

– О, у меня получится, – задумчиво сказал толстяк. – Если только при этом не возникнет неудобств.

Юрген какое-то время рассматривал его, а затем важно пожал ему руку.

– Я сочувствую тебе, – сказал Юрген, – ибо осознаю, что ты тоже чудовищно умный малый: поэтому жизнь тебя обжулит.

– Но разве ум не самое главное, сударь?

– Время покажет, дружок, – ответил Юрген немного печально. – И Бог поспособствует тебе, как и многим другим в твоём положении.

И встретил Юрген в саду сонм юношей и девушек. И лица, увиденные Юргеном, были молоды, радостны, весьма прелестны и необычайно самоуверенны, а юноши и девушки толпами приближались к

Юргену и проходили мимо него в первых лучах рассвета. И вот так все они шли, ликуя в сиянии собственной юности, а будущая жизнь казалась им лишь неким тщедушным антагонистом, от которого можно с неимоверной легкостью получить все, что пожелаешь. И все проходили парами – «словно вышли из Ковчега», сказал Юрген. Но кентавр сказал, что они унаследовали традиции, которые намного старше Ковчега.

– В этом саду, – сказал кентавр, – пребывает некоторое время каждый человек лишь в окружении своих иллюзий. Я вновь должен тебе напомнить, что в этом саду не встретишь никого, кроме воображаемых существ. Выдающиеся люди отдыхают здесь час-другой и уходят отсюда в одиночестве, чтобы стать старейшинами, и уважаемыми всеми торговцами, и епископами, и восхитительными полководцами на гарцующих конях, или даже королями на высоких тронах. Каждый, находясь потом на своем месте, больше вообще никогда не думает о саде. Но то и дело появляются робкие люди, Юрген, которые страшатся оставить этот сад без сопровождения. Они считают необходимым уйти отсюда с тем или иным воображаемым существом, которое проведет их по тропинкам и обходным путям, ведь воображаемые существа находят не много пропитания на общедоступных дорогах и избегают их. Таким образом, эти робкие люди должны красться в потемках со своими застенчивыми или игривыми провожатыми, и они никогда не рискнут по своей охоте появиться в тех людных местах, где скачут на конях и возводят троны.

– И что становится с этими робкими людьми, кентавр?

– Порой они переводят бумагу, Юрген, а порой переводят человеческие жизни.

– Тогда это отвратительные люди, – решил Юрген.

– Тебе лучше знать, – ответил кентавр.

– О, весьма вероятно, – сказал Юрген. – Между тем здесь есть некто, кто гуляет по саду в одиночку, и меня удивляет, что нарушаются местные указы.

Несс какое-то время смотрел на Юргена, ничего не говоря. И во взоре кентавра было так много понимания и сочувствия, что Юрген встревожился. Такой взгляд показался ему весьма неприятным.

– Да, несомненно, – сказал кентавр, – та женщина гуляет в одиночку. Но ее одиночеству не поможешь, так как юноша, любивший эту женщину, умер.

– Несс, мне бы хотелось благоразумно пожалеть об этом факте. Однако стоит ли принимать столь скорбный вид? В конце концов, умерло огромное количество людей, и, если посмотреть с другой стороны, этот молодой человек мог вообще не оказаться особой потерей для кого-либо.

И вновь кентавр сказал:

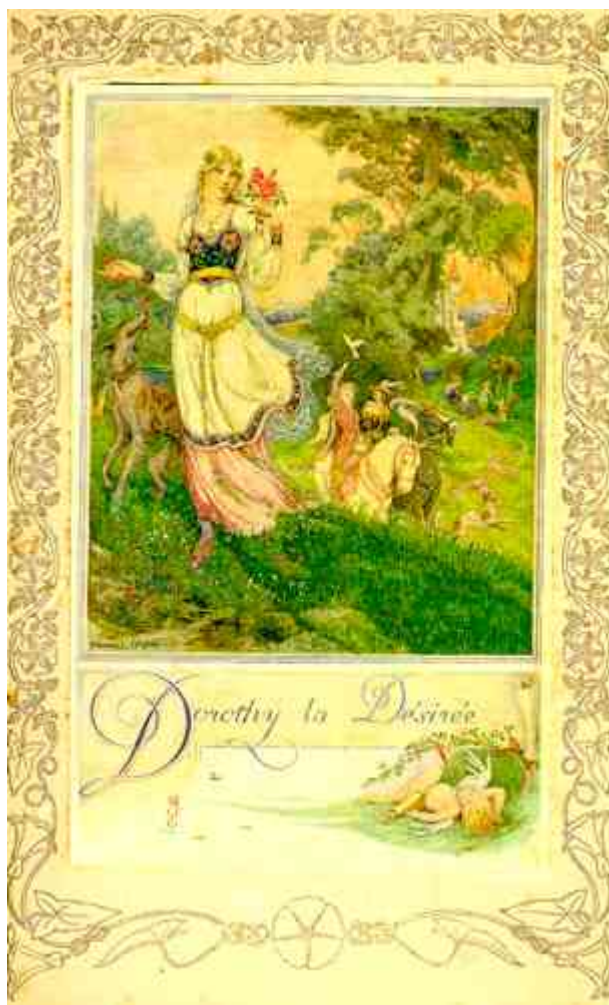
– Тебе лучше знать.

Глава IV

Доротея непонявшая

В этот момент к Юргену и кентавру подошла златовласая женщина, одетая во все белое, – та, что гуляла в одиночку. Она была высока, привлекательна и нежна, ее миловидность не была румяно-бледной, как у многих дам, славившихся своей красотой, но скорее имела ровный блеск слоновой кости. У нее был большой, с горбинкой, нос, а изогнутый рот – не из самых маленьких. И однако, что бы ни говорили другие, для Юргена внешность этой женщины была во всем совершенной. Вероятно, происходило так потому, что он никогда не видел ее такой, какой она была на самом деле. Ибо несомненно, что цвет ее глаз навечно остался для Юргена загадкой – нельзя было сказать, серые они, голубые или зеленые: они менялись, как море, но вместе с тем глаза эти всегда были привлекательны, дружелюбны и волнующи.

Юрген вспомнил это, увидев, что то была вторая сестра графа Эммерика, Доротея ла Желанэ, которую Юрген давным-давно (за много лет до того, как повстречал госпожу Лизу и завел ростовщическое дело) воспел в бесчисленных стихах под именем Желанье Сердца.

«И это единственная женщина, которую я когда-либо любил», – вспомнил Юрген внезапно, так как люди не могут постоянно думать о таких тонких материях.

И он поприветствовал ее с почтительностью, соответствующей обращению лавочника к графине, но и с незабываемым трепетом, пробудившимся в его степенном теле. Но самым странным, как он сейчас заметил, являлось то, что это была не привлекательная женщина средних лет, но молодая девушка.

– Ничего не понимаю, – сказал он вслух, – ведь вы – Доротея. И, однако, мне кажется, что вы не графиня Доротея, жена гетмана Михаила.

А девушка тряхнула светлыми прядями беззаботным, милым движением, которое графиня уже забыла.

– Гетман Михаил достаточно хорош для дворянина, и мой брат денно и ночью уговаривает меня выйти за него замуж. И, несомненно, жена гетмана Михаила будет появляться в атласе и бриллиантах при половине дворов христианского мира, и ей будет прислуживать множество лакеев. Но меня этим не купишь.

– Так давным-давно вы и сказали одному юноше, которого я помню. Однако вы вышли замуж за гетмана Михаила, несмотря на все это и вопреки большому числу других блистательных заявлений.

– О нет, только не я, – удивившись, сказала эта Доротея. – Я никогда ни за кого не выходила замуж. И гетман Михаил до сих пор еще не женился. Но ему сейчас двадцать восемь, и он к этому ежедневно стремится! Но кто вы, мой друг, и откуда у вас такие любопытные сведения обо мне?

– На этот вопрос я отвечу, словно он поставлен вполне разумно. Вы наверняка осознаёте, что я – Юрген.

– Я знала лишь одного Юргена. И тот был юношей, едва ли совершеннолетним... – Тут она прервала свою речь, и, каким бы ни был предмет, о котором задумалась эта девушка, мысль о нем нежно окрасила ее щеки, а воспоминание придало ее взору бесконечную радость.

И Юрген все понял. Он непостижимым образом вернулся к той Доротее, которую любил, но оставил. В прошлом же, на верстанном резвыми копытами кентавра, остался юноша, который когда-то любил эту Доротею и слагал о ней вирши как о Желанье Сердца Своего. Но в саду не было и следа этого юноши. Вместо него девушка разговаривала со степенным и полноватым ростовщиком сорока с лишним лет.

Юрген пожал плечами и посмотрел на кентавра, но Несс благоразумно отошел от них в поисках клевера. Теперь восток светлел, и его багрянец начинал отливать золотом.

– Да, я слышал о том, другом, Юргене, – сказал ростовщик. – О, госпожа Доротея, но он же любил вас!

– Не больше, чем я любила его. Целое лето любила я Юргена.

И осознание того, что девушка говорит удивительную истину, теперь пронзило Юргена острой, как боль, радостью. И он какое-то время стоял неподвижно, хмурясь и покусывая губы.

– Интересно, как долго бедняга любил вас! Может, он тоже любил целое лето. Однако, может быть, он любил вас всю свою жизнь. В течение двадцати лет и даже более двадцати лет я обдумывал это: и увлечен этим сейчас так же, как и в самом начале.

– Но, мой друг, вы говорите загадками.

– Разве это не обычное дело, когда взрослый говорит с молодым? Ведь я – старый человек, которому за сорок... или, скорее, без четырех месяцев восемнадцать, поскольку сейчас август. Нет, больше, это же август того года, который бы я пожелал никогда не увидеть снова. И снова нами правит дон Мануэль, тот железный человек, ужасную смерть которого я видел. Все это кажется весьма невероятным.

Тут Юрген на некоторое время задумался. Потом пожал плечами.

– Что можно ожидать от меня в данном случае? Каким-то образом случилось так, что я, ставший лишь тенью того, кем я был, разгуливаю ныне среди теней, и беседую с прошлым. Госпожа Доротея, – а вам нет еще и восемнадцати, – в этом же саду когда-то бывал юноша, любивший одну девушку так страстно, что одно воспоминание об этом ставит меня сейчас в тупик. Я верю, что и она его любила. Да, несомненно, весьма полезно усталому и изношенному сердцу, которое перекачивает мою кровь теперь, думать о том, что некогда, на протяжении целого лета, эти двое были такой прекрасной, привлекательной и чистой парой влюбленных, какая только возможна в подлунном мире.

Так говорил Юрген. Но его мысль заключалась в том, что это была девушка, равной которой по красоте и прелести не найти между двух океанов. Давным-давно сомнение, обволакивающее его, как кожа, привело Юргена к выводу, что та Доротея, которую он любил, была лишь твореньем его воображения. Но, несомненно, эта девушка была реальна. И мила была она, и невинна, и легка сердцем и поступью, и находилась за пределами изобретательности человеческого ума. Нет! Юрген ее не выдумал, и

это странным образом его волновало.

– Расскажите мне про себя, сударь, – попросила девушка, – я люблю все романтическое.

– О, мое дорогое дитя, я не смогу рассказать тебе вполне складно о случившемся. Когда я смотрю в прошлое, меня слепит сияние зеленых лесов, лугов, лунных ночей, музыки и беспричинного смеха. Я вспоминаю ее волосы и глаза, изгиб и прикосновение ее алого рта, вспоминаю, как однажды, когда я был смелее, чем обычно... Но едва ли стоит на склоне лет беречь старые переживания. И хотя я вижу все это в памяти так же отчетливо, как сейчас вижу твое лицо, но я едва ли могу припомнить ее слова. Вероятно, как я теперь думаю, она не была очень умна и не сказала ничего, достойного воспоминаний. Но юноша любил ее и был счастлив, поскольку ее губы и сердце принадлежали ему, и он, как говорится, вызволил бриллиант из кольца, принадлежавшего высшему свету. Поистине, она была дочерью графа и сестрой графа, но в те дни юноша вполне твердо намеревался стать герцогом, или императором, или кем-то еще в том же роде, так что разница в социальном положении их не беспокоила.

– Знаю. Юрген тоже собирался стать герцогом, – сказала девушка с гордостью, – хотя еще прежде, много лет тому назад, до того, как мы познакомились, он мечтал стать кардиналом – из-за их одеяний. Но кардиналам, понимаете ли, нельзя жениться... Но я прервала ваш рассказ! Что случилось потом?

– В сентябре они расстались... дав клятвы, которые сейчас едва ли имеют значение... и юноша отправился в Гатинэ, чтобы заслужить звание рыцаря при дворе старого видама де Суэкура. И там-то... о, задолго до Рождества!.. пришло известие, что Доротея ла Желанэ вышла замуж за богача гетмана Михаила.

– Но к этому-то меня и призывают! И, как вы знаете, существует некий гетман Михаил, который вечно мне досаждал. Разве не странно? Ведь вы утверждаете, что все это произошло много лет тому назад.

– В самом деле, история очень стара, она была стара еще тогда, когда у Мафусаила только резались зубы. Нет более старой и более типичной истории. В качестве высокопарного продолжения можно было бы сказать вам, что жизнь этого юноши оказалась сломана. Но не думаю, что было так. Скорее всего, он внезапно узнал то, что для двадцатилетнего является опьяняющим знанием. Тот час научил его печали и гневу, но также и насмешке ради спасения. О, именно это оружие принес ему тот час, да еще склонность использовать его, и теперь ни одна женщина не смогла бы причинить ему серьезную боль. Нет, больше уже никогда!

– Ах, бедный юноша! – сказала девушка нежно, с улыбкой богини, улыбающейся не совсем от радости.

– В общем, женщины, как он узнал теперь из собственного опыта, были приятнейшими сотоварищами по играм. И он начал играть. Он отправился буйствовать по свету с гордостью молодости и во всеоружии боли. И он слагал песни для удовольствия королей, и фехтовал для удовольствия мужчин, и нашепывал комплименты для удовольствия женщин в местах, где был знаменит, и смело самоутверждался, доставляя всем удовольствие в те прекрасные дни. Но нашепывание и все, что следовало за нашепыванием, было самой лучшей игрой – игрой, в которую он играл дольше всего со многими ярко раскрашенными партнершами, воспринимавшими игру более серьезно, нежели он. И их веру в важность игры, в него и его высокопарный вздор он очень часто находил занятой. А от других их достоинств он также получал естественное удовольствие. Затем, когда он вполне наигрался, то прибегнул к советам рассудительных людей, советам остепенившегося влечения. И он женился на миловидной дочери достойного уважения ростовщика, честно ведшего свое дело. И жил с женой так, как обычно живут вместе два человека. И, в конце концов, я не сказал бы, что его жизнь была сломана.

– Что ж, значит, так и было, – сказала Доротея. Она с нетерпеливым вздохом беспокойно передернула плечами, и было видно, что она крайне смущена. – О, но мне почему-то думается, что вы весьма жуткий старикашка. И вы кажетесь еще более жутким в этом странном блестящем одеянии.

– Ни одна женщина никогда еще не хвалила дело рук другой женщины, и каждая из вас особенно бранит свое собственное. Но вы прервали мое сказание.

– Не понимаю, – сказала девушка, и большие сияющие глаза, цвет которых был так неопределенен и так дорог Юргену, казались теперь еще больше. – Я не понимаю, как все это могло обрести счастливый

конец.

– Тем не менее человеческие сердца переживают благословение священника, что вы можете видеть каждый день. Этот человек в конце концов унаследовал дело своего тестя и нашел это, совершенно так, как и предвкушал, занятием, наиболее подходящим для отставного поэта. И этим, предполагаю я, он был удовлетворен. О да, но через некоторое время из чужих краев вернулся гетман Михаил вместе со своими лакеями, столовым серебром и сундуками добра, с прекрасными лошадьми и женой. И юноша, бывший некогда ее возлюбленным, мог теперь видеть ее, после многих лет, когда ему вздумается. Теперь она стала для него некоей миловидной незнакомкой. Вот и все. Она была весьма глупа. В ней, так или иначе, не было ничего замечательного. Уважаемый всеми ростовщик видел это совершенно ясно: изо дня в день он терзался осознанием этого, поскольку, как я должен вам сказать, он не мог сохранять самообладание в ее присутствии даже теперь. Нет, он никогда на это не был способен.

При этом известии девушка нахмурилась.

– Вы имеете в виду, что он ее по-прежнему любил. Ну, конечно же!

– Дитя мое, – отвечал Юрген, в порицательном жесте подняв указательный палец, – ты – неизлечимый романтик. Человек ее больше не любил и даже презирал. В любом случае, он уверил себя, что это так. Но миловидная и глупая незнакомка все равно приковывала его взгляд, путала его мысли и вносила ошибки в его расчеты, а когда днем он касался ее руки, то не спал ночами. Так он видел ее изо дня в день. А люди шептались, что эта миловидная и глупая незнакомка имеет расположение к молодым людям, помогавшим ей искусно обманывать мужа. Но она ни разу не выказала какого-либо благоволения уважаемому всеми ростовщику. Ибо его юность прошла, и казалось, что ничего особенного не случилось. В общем, вот его сказание. О ней я ничего не знаю. И никогда не узнаю! Но определенно поговаривали, что она обманывала гетмана Михаила с двумя молодыми людьми или, может, с пятью молодыми людьми, но ни разу с уважаемым всеми ростовщиком.

– Полагаю, что это чрезвычайно циничная и глупая история, – заметила девушка. – А я отправляюсь на поиски Юргена. В любви он весьма занятен, – проговорила Доротея со сладчайшей и прелестнейшей задумчивой улыбкой, достойной рая.

И там, в саду между рассветом и закатом, на Юргена нашло безумие и неверие в такую несправедливость, которая теперь казалась немыслимой.

– Нет, Желанье Сердца! – воскликнул он. – Я не отпущу тебя. Ты – дорога мне, чиста и верна, и все мои дурные сны, в которых ты распутничала и дурачила меня, не были правдой. Наверняка мои сны никогда и не могли быть правдой, пока на земле существует справедливость. Можно ли вообразить себе Бога, который бы позволил, чтобы у юноши украли то, что в моих дурных снах было у меня отобрано!

– И все же я не понимаю ваших речей об этих снах!..

– Что ж, мне кажется, я потерял многие свои достоинства, и остался лишь мозг, играющий идеями, да тело, слабо идущее вперед удобными путями. И я не мог верить в лучшее, как верили мои товарищи, и не мог их любить, и не мог обнаружить ничего в том, что они говорили или делали, кроме их чрезвычайной глупости, потому что я потерял их общую искреннюю веру в важность использования ими получаса, месяца или многих лет. И потому, что одна ветреница открыла мне глаза и я увидел слишком много, я потерял веру и в важность своих собственных поступков. Было мало времени, за которое прошлое могло бы стать приемлемым, по ту сторону зияющей непредсказуемой тьмы: а это все, что где-либо определенно существовало. Скажи мне, Желанье Сердца, разве это всего лишь не дурацкая мечта? Ведь всего этого никогда не происходило. Что ж, было бы нечестно, если б такое когда-либо произошло!

Глаза девушки были широко открыты, а она смущена и немного напугана.

– Я не понимаю того, что вы говорите, и в вас есть нечто такое, что невыразимо меня тревожит. Вы называете меня именем, которым пользовался лишь Юрген, и мне кажется, что вы – Юрген. И, однако, вы – не Юрген.

– Но я поистине Юрген. И посмотрите же, я сделал то, чего не делал прежде ни один человек: я добрался до той первой любви, которую каждый должен потерять, неважно, на ком он женат. Я вновь

вернулся, очень быстро промчавшись над могилой мечты и через злобу времени к Желанью Сердца Моего! И насколько странным кажется то, что я не знал, что такое неизбежно!

– Все же, мой друг, я вас не понимаю.

– А я зевал и мучился в приготовлениях к некоему великому и прекрасному приключению, которое вскоре должно было со мной произойти, и с изумлением продолжал трудиться. Тогда как позади меня все это время находился сад между рассветом и закатом, в котором меня ждала ты! Теперь несомненно, что жизнь каждого человека есть причудливо построенный рассказ, в котором справедливая и соответствующая концовка появляется в самом начале. Поэтому время бежит вперед не как в схоластической притче, по прямой, но по замкнутой кривой, возвращаясь к месту своего начала. И именно благодаря смутному предвидению этого и некоему слабому предвкушению вскоре даруемой им справедливости люди имеют силы жить. И теперь я уверен, что всегда это знал. Зачем еще было жить праведно, если это не привело бы меня назад к тебе?

Но девушка очень грустно покачала своей великолепной головкой.

– Я не понимаю вас и боюсь. Вы говорите глупости, а в вашем лице я вижу лицо Юргена, как можно видеть лицо мертвеца, утонувшего в мутной воде.

– Однако я поистине Юрген, и, как мне кажется, впервые с тех пор, как мы расстались. Я силен и восхитителен – даже я, который так долго насмехался и играл, поскольку думал о себе, как о вообще никчемном человеке. То, что случилось с тех пор, как мы с тобой были молоды, – лишь растаявший туман. И все мое существо полно неутолимой жажды тебя, моя дорогая, и я не отпущу тебя, потому что лишь ты, ты одна – Желанье Сердца Моего.

Девушка взглянула на него очень серьезно и смущенно нахмурилась, а ее нежные юные губы слегка раскрылись. И вся ее мягкая прелесть была озарена светом небес, приобретающих цвет золотого песка.

– Но вы говорите, что вы – сильны и восхитительны, а я могу лишь удивляться таким речам, так как вижу то, что видят все люди.

И тут Доротея показала ему зеркальце, висевшее на длинной бирюзовой цепочке у нее на шее. И Юрген внимательно всмотрелся в испуганное глуповатое лицо пожилого человека, которое он обнаружил в зеркале.

С ужасающей внезапностью к Юргену вернулся здравый рассудок: и пыл его страсти угас, и жар, буря и стремительное кружение затихли, и человек почувствовал себя очень утомленным. А в тишине он услышал пронзительный крик птицы, которая, казалось, искала то, чего никак не могла найти.

– Я получил ответ, – сказал ростовщик, – однако я знаю, что он не окончательный. Дороже любой небесной надежды был тот миг, когда впервые проснулись устрашающие догадки при виде незнакомых прелестных черт на лице Доротеи. Тогда-то я и заметил нежный румянец, покрывавший ее лицо от подбородка до лба, когда наши глаза встретились, и обнаружил новый свет в сияющих глазах, которые больше не могли совершенно честно встретиться с моим взглядом. Пусть будет так, я не люблю жену гетмана Михаила...

...Горько вспоминать, как мы предавались нашей любви и находили служение ей прелестным. Мучительно воскрешать в памяти сладость тех клятв, что объявили ее моей навеки, – клятв, что прерывались долгими, незабываемыми поцелуями. Мы тогда обычно смеялись над гетманом Михаилом, мы смеялись вообще надо всем. И некоторое время, целое лето, мы были такой прекрасной, привлекательной и чистой парой возлюбленных, какая только известна миру. Но пусть будет так, потому что я не люблю больше жену гетмана Михаила...

...Наша любовь была честна, но недолговечна. Никто не может оживить ее, поскольку ножки Доротеи растоптали жизнь этой любви. Однако раз эта наша жизнь тоже завершилась – эгоистичная жизнь, которая не могла позволить нам любить кого-либо другого, – не должны ли мы каким-то образом добраться до той веры, которой мы поклялись перед вечностью, и вновь ощутить удовлетворение в некоем сказочно-красочном царстве? Я думаю, это несомненно произойдет. Пусть будет так, я не люблю жену гетмана Михаила.

– Что ж, слушать вас – одно удовольствие, – заметила Доротея, – поскольку я вижу, как вы обращаете свою печаль в сырье для стихов. А я отправляюсь на поиски Юргена, так как он любит совершенно иначе и намного занятнее.

И опять, каким бы ни был предмет, о котором задумалась девушка, мысль о нем нежно окрасила ее щеки, а воспоминание придало взору бесконечную радость.

Это длилось лишь мгновение. Девушка оставила Юргена, дружески помахав ему рукой, и ушла от него, больше не думая об этом старике (как он мог видеть) уже в тот миг, когда отвернулась от него. И она направилась в сторону рассвета на поиски того юного Юргена, которого она, будучи во всем совершенна, любила, хотя и весьма недолго, но вполне заслуженно.

Глава V

Требования хлеба с маслом

– Несс, – говорит Юрген, – неужели я так изменился? Ведь та Доротея, которую я любил в юности, не узнала меня.

– У добра и зла очень точные расчеты, – отвечал кентавр, – и лицо каждого человека – своеобразный гроссбух. Между тем солнце встает, начинается новый день. А когда тени тех двоих, что придут сюда, упадут на сад, предупреждая тебя, поразительные перемены будут вызваны требованиями хлеба с маслом. У тебя нет времени оживлять старые воспоминания беседами с теми, с кем ты был в саду прежде.

– О, кентавр, в саду между рассветом и закатом никогда не было никого, кроме Доротеи ла Желанэ. Кентавр пожал плечами.

– Возможно, ты все забыл. Определенно, ты недооцениваешь окружающих людей. Тех случайных посетителей, которых ты видел. Вдобавок поблизости круглый год обитают все разновидности воображаемых существ. К югу отсюда живут феи, и там же гномы. Справа от тебя – царство Валькирий; их союзники – Амазонки и Кинокефалы. Все три этих народа находятся в постоянной вражде со своими соседями – Бабами-Ягами, для которых стряпает Морфей и чьим монархом является Ох – существо чрезвычайно опасное, чтобы называть его по имени. К северу обитают лепрехуны и Люди Голода, чьим королем является Клобхэр. Мой народ, которым правит Хирон, живет еще дальше к северу. Там в горах пасется Сфинга, а Химера сейчас стара и всеми осмеивается. Говорят, что в сумерки Сфингу посещает Цербер, хотя я никогда не распространял сплетен...

– Кентавр, – сказал Юрген, – а что здесь делает Доротея?

– Ведь здесь живут все женщины, которых когда-либо любил мужчина, – ответил кентавр, – по весьма очевидным причинам.

– Это суровые слова, мой друг.

Несс постучал указательным пальцем Юргену по тыльной стороне ладони.

– Мясо для червей! Делай что угодно, но эта пища предназначена маленьким белым червям. Оно вскоре станет бурлящей бледной гнилью, наподобие кипящего молока. Это тоже суровые слова. Но они истинны.

– И та Доротея, которую я любил в юности, была воображаемым существом?

– Мой бедный Юрген, ты, который когда-то был поэтом! Она – шедевр твоего воображения. Ведь это была лишь пустая, глупая и ветреная, горбоносая и белобрысая барышня, не обладающая особо примечательной внешностью – и оцени, что твое искусство сотворило из столь бедного материала! Ты должен собой гордиться!

– Нет, кентавр, я не могу вполне гордиться своей глупостью, однако я о ней не сожалею. Я был одурачен яркой тенью собственного создания, говоришь ты мне, и допускаю, что, вероятно, это так. Тем не менее я служил прелестной тени, и мое сердце будет хранить память о той прелести до конца жизни, в некоем мире, где другие люди, задыхаясь, следуют за тенью, которые даже не привлекательны.

– В этом что-то есть, Юрген. Что-то также есть и в одной старой истории, которую мы обычно рассказываем в Фессалии, о лисе и винограде.

– Но послушай, Несс, существует император, что правит нынче в Константинополе и время от времени имеет дела со мной. Да, я мог бы рассказать тебе историю про то, какими хитростями он достиг трона...

– Люди при восхождении обычно марают руки, – процитировал кентавр.

– «Юрген, – говорит мне этот император несколько месяцев тому назад, сидя в своем дворце венценосный и тоскливый, пытаюсь при выплате моей честной прибыли надуть меня на несколько изумрудов, – Юрген, я не сплю ночами из-за дурака Алексия, который является ко мне в покои с

выпученными глазами и тетивой вокруг шеи. А мои варяги, должно быть, в сговоре с этим слабоумным призраком, потому что я постоянно приказываю им не допускать Алексия ко мне в спальню, а они не повинуются. Быть Царем Востока совсем не просто, Юрген, когда нужно покоряться таким обстоятельствам». Да, это мне говорил сам кесарь Фарамон, а я делаю вывод, что тень венца доведет его до ужасно плачевного состояния, несмотря на то что он – могущественнейший монарх на свете. И я не поменялся бы местами с кесарем Фарамоном, я, уважаемый всеми ростовщик со своим домом и наделом земли. Разумеется, это чудесный мир, а этот сад посещают не более странные существа, чем те, что порой появляются у человека в голове, а он и сам не знает, как это случилось.

– Но ты должен понять, что сад вскоре будет переделан. Вон там ты можешь заметить двоих, которые требуют очистить это место от всех фантастических, бесполезных видений и которые преобразуют естественные богатства этого сада согласно всеобщим одобренным методам.

И вдалеке Юрген разглядел две фигуры, приближавшиеся с востока, настолько высокие, что их головы поднимались над окружающими холмами и озарялись лучами солнца, которого еще не было видно. Один из приближавшихся был белый, одутловатый на вид великан со сварливым выражением лица: он шел, опираясь на палку. Другой великан был бледно-желтым; его лицо лоснилось, и он ехал верхом на огромной корове, которую звали Аудумла.

– Двигай туда, брат, со своим посохом жизни, – говорит желтый великан, – там есть чем заняться.

– Да, брат, это место должно сильно измениться, чтобы удовлетворять нашим требованиям, – проворчал другой. – Пусть меня поджарят на костре, если я знаю, с чего начать!

А когда великаны обратили свои скучные и грубые лица к саду, солнце поднялось над кругом голубых холмов, так что слитые воедино тени двух великанов упали на сад. На мгновение Юрген увидел, что местность накрыта длиннющей узкой тенью: так в геральдике можно увидеть черную полосу, начертанную прямо поперек ярко раскрашенного щита. Затем окружающее сияние задрожало и исчезло, как лопнувший пузырь.

А Юрген стоял посреди чистого поля, добросовестно вспаханного, но на котором еще ничего не возшло. А кентавр, похоже, по-прежнему был с ним. Юрген заметил копыта этого существа, но все золото смылось или стерлось с них во время путешествия.

– Видишь, Несс! – воскликнул Юрген. – Сад опустел. О, Несс, разве справедливо, что такая прелесть должна быть уничтожена?

– Не-е, – ответил кентавр, – не-е! – Долго, причитающе он ржал: – Не-е!

А когда Юрген поднял голову, то увидел, что его спутник – не кентавр, но лишь заблудившаяся верховая лошадь.

– Был ли ты прежде животным, – говорит Юрген, – и обычное ли животное привезло меня в сад между рассветом и закатом? – И Юрген безутешно рассмеялся: – В любом случае, ты надел на меня странную и прекрасную рубаху. И теперь я вижу, что твоя уздечка отмечена диадемой. Так что я верну тебя в замок Бельгард, и, может, гетман Михаил меня наградит.

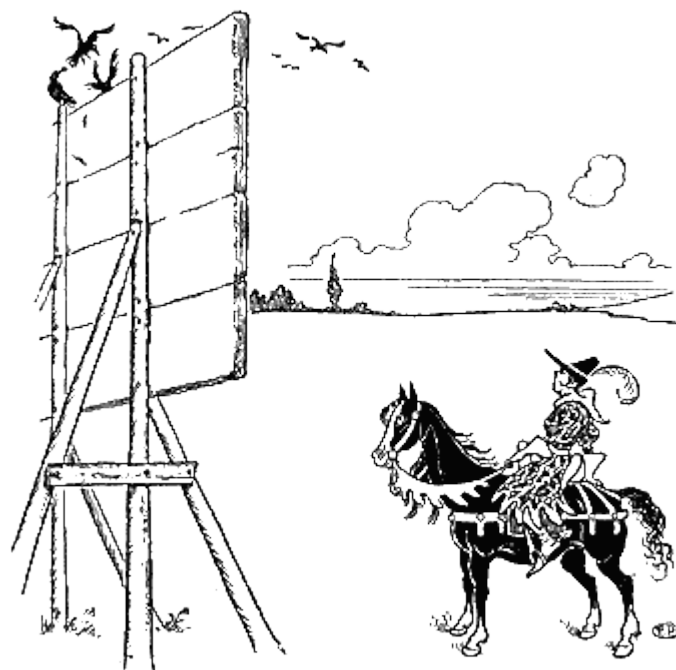
Затем Юрген вскочил на коня и поскакал прочь со вспаханного поля, на котором все еще ничего не возшло. Оставив позади пашню, он подъехал к дорожному щиту с какой-то надписью чудными красными и желтыми буквами.

Юрген замедлил движение, чтобы ее разобрать.

«Прочитай меня! – было написано на щите. – Прочитай меня и пойми, если сможешь! Я позвал, и ты остановился на своем пути, предвидя нечто необычное, нечто забавное. Это так, хотя я – ничто, и даже менее того. Никто не видит меня, кроме того, кто здесь прозябает. Путник, я есмь закон Вселенной. Путник, воздай закону должное!»

Юрген почувствовал себя обманутым.

– На самом деле, очень глупый щит! Разве может он быть «законом Вселенной», когда в нем нет никакого смысла? – пробормотал Юрген. – Ведь любой бессмысленный закон был бы нечестным.

Глава VI

Показывающая, что Середа – женщина

Махнув рукой на этот дурацкий щит, Юрген повернул было на восток к Бельгарду, но его конь запротивился. Ростовщик воспринял это как знак.

– Тогда вперед! – сказал он. – Во имя Кощея! – И впоследствии Юрген позволял коню самому выбирать дорогу.

Так Юрген, проехав через лес, где увидел множество вещей далеко не лицеприятных, чтоб их замечать, оказался у большого каменного дома, похожего на тюрьму, и стал искать там прибежища. Но внутри он не обнаружил ни души, пока не дошел до большого, только что подметенного зала. Помещение удручало своей холодной опрятной пустотой, так как в нем не было никакой обстановки, если не считать голого соснового стола, на котором лежали измерительная линейка и чашечные весы. Над столом висела плетеная клетка с синей птицей и еще одна плетеная клетка с тремя белыми голубями. И в этом зале уже немолодая женщина, одетая во все синее и повязавшая вместо головного убора полотенце, разбирала необычайно цветастые ткани.

У нее были очень ясные глаза с морщинистыми веками, а когда она взглянула на Юргена, ее сморщенный подбородок задрожал.

– О, – сказала она, – у меня гость. Добрый день тебе в твоей блестящей рубашке. Это одеяние я, похоже, узнаю.

– Добрый день, бабушка! Я ищу жену, которую, как подозреваю, утащил дьявол. Бедняжка! Теперь же, заблудившись, я собрался провести эту ночь под твоей крышей.

– Очень хорошо: лишь немногие ищут Матушку Середу добровольно.

Тут Юрген понял, с кем говорит, и хотя беспокоился, но не показал виду. Все Лешие в делах весьма ненадежны.

Поэтому он заговорил очень учтиво:

– И что же ты здесь делаешь, бабушка?

– Отбеливаю. В свое время я отбелю и одежду, которую носишь ты. Я все обесцвечиваю. Сейчас ты видишь эти тряпки такими, какие они есть на самом деле. Клото спрятала сверкающие нити, а Лахезида соткала из них, как ты можешь заметить, причудливые узоры, весьма дикий на вид, но, когда я разберусь с этими тряпками, в них будет красоты, цвета и странности не больше, чем в посудных полотенцах.

– Теперь я осознаю, – сказал Юрген, – что твоя сила и власть намного больше любой силы на свете.

Он создал об этом песнь в честь лешах и их дней, но особо в честь всемогущей Матушки Середы и останков, которые упали на среду. И Четвергице, Вторнице и Субботице отдал он должное. Пятницу и Неделю Юрген также похвалил за те разрушения, которые указаны под их именами в святцах. О, не было никого, сравнимого с Матушкой Середой: ее власть была центром всех сил Леших. Другие совершали незначительные поступки, словно мышки; она же опустошала, словно песчаная буря, и там, где проходила Матушка Середа, оставалось множество куч песка, а больше ничего.

Песнь не являлась шедевром и не улучшилась бы при повторении. Но это был неоспоримый панегирик, и старуха прихлопывала в такт тощими руками, а ее сморщенный подбородок дрожал, и она делала обмотанной полотенцем головой круговые движения, а ее тонкие губы искривила гордая и глупая улыбка.

– Хорошая песня, – сказала она. – О да, превосходная песня! Но ты ничего не доложил мне о моей сестре Понедельнице, управляющей днем Луны.

– Лунник-понедельник! – воскликнул Юрген. – Да, я упустил понедельник, вероятно, потому, что Понедельница старше вас всех, но отчасти из-за условностей, вызванных моей системой стихотворных размеров. Мы должны оставить Понедельницу невоспетой. К тому же, как я могу все упомянуть, когда воспеваю силу Середы?

– Но, – возразила Матушка Середа, – Понедельнице это может не понравиться, и она может устроить в стирке выходной, чтобы поговорить с тобой. Однако повторяю, это превосходная песня. И в ответ на твою хвалу я расскажу тебе, что, если твою жену утащил дьявол, твое дело способен разрешить лишь один Кощей. Думаю, несомненно, что в поисках справедливости ты должен идти к нему.

– Но как мне добраться до него, бабушка?

– О, что касается этого, вообще неважно, какой тропинкой идти. Все дороги, как говорится, окольным путем ведут к Кощей. Необходимо лишь не оставаться на месте. Я рассказываю тебе так много в благодарность за твою песню, потому что она была превосходна, и никто до сего дня не слагал песни в мою честь.

Юрген удивился, увидев, насколько простодушна эта Матушка Середа, сидевшая перед ним, трясаясь и ухмыляясь, хрупкая, как опавший листок, с головой, обвязанной обычным кухонным полотенцем, но чья сила была так огромна.

«Подумать только, – размышлял Юрген, – мир, в котором я живу, управляется существами, у которых нет даже и одной десятой доли ума, который есть у меня! Я часто подозревал об этом, и это решительным образом несправедливо. И, вероятно, стоит посмотреть, не смогу ли я что-нибудь извлечь из того, что я такой чудовищно умный».

Вслух же Юрген сказал:

– Я не удивляюсь, что ни один профессиональный поэт никогда не пытался сложить песнь о тебе. Ты слишком величественна. Ты напугала этих рифмоплетов, которые чувствуют себя недостойными столь крупной темы. Так что тебе остается лишь быть оцененной ростовщиком, поскольку именно мы имеем

дело с сокровищами этого мира и наблюдаем за ними после того, как с ними уже разделились вы.

– Ты так думаешь? – сказала она, польщенная еще больше. – Ну, может, и так. Но я удивляюсь, что ты, такой прекрасный поэт, должен был стать ростовщиком.

– На самом деле, Матушка Середа, твое удивление заставляет, в свою очередь, удивиться меня, ведь я не могу и представить занятия более подходящего для отставного поэта. Какое разнообразное общество окружает ростовщика! Люди высокого и низкого положения и даже представители света порой испытывают денежные затруднения: тогда пахарь топает прямо ко мне в лавку, а герцог тайком посылает кого-нибудь. Поэтому люди, которых я знаю, и частички их жизней, в которые я вникаю, дают мне много тем для сочинительства.

– О да, в самом деле, – мудро произнесла Матушка Середа, – может, суть именно в этом. Но я сама не одобряю сочинительства.

– Более того, сидя у себя в лавке, я тихонько жду, когда ко мне придет дань со всех концов земли. Все, что где-либо ценят люди, рано или поздно приходит ко мне: драгоценности и изящные безделушки, бывшие гордостью цариц, и колыбель со следами зубок на краю, и серебряные ручки от гроба; или это может оказаться старая сковорода; но все приходит к Юргену. Так что просто тихонько сидеть в своей темной лавке и удивляться историям принадлежащих мне вещей и тому, как они сделались моими, – поэзия; это глубокое, высокое и древнее размышление бога, который дремлет посреди того, что время оставило от мертвого мира, если ты меня понимаешь, Матушка Середа.

– Понимаю! Да, я понимаю подобающее богам по вполне определенной причине.

– И потом еще одно: тебе не нужна никакая деловая изобретательность. Люди согласны на любые твои условия, иначе они бы не пришли. Так что ты получаешь блестящие, с острыми кромками, монеты, на которых можешь ощутить, у себя под пальцами, рельеф гордой царской головы с лавровым венком, наподобие метелки проса. И ты получаешь стертые, позеленевшие монеты, опозоренные титулами, подбородками и крючковатыми носами императоров, которых никто не помнит или на которых уже всем наплевать. И все это – лишь тихонько ожидая и делая одолжение посетителям, позволяя отдать тебе принадлежащее им за треть своей стоимости. И это легкий труд, даже для поэта.

– Понимаю. Я понимаю любой труд.

– И люди относятся к тебе более учтиво, чем в действительности требуется, поскольку им вообще стыдно с тобой торговаться. Сомневаюсь, мог ли бы поэт удостаиваться такой учтивости при любой другой профессии. И, наконец, существуют периоды длительной праздности между деловыми беседами, когда делать нечего, кроме как тихонько сидеть и думать о странности вещей. А это редкое занятие для поэта, даже не умудренного опытом многих жизней и судеб, наваленных на него, словно бирюльки. Поэтому я бы сказал, Матушка Середа, что, определенно, не существует профессии более подходящей для старого поэта, чем ростовщичество.

– Определенно, в сказанном тобой что-то есть, – заметила Матушка Середа. – Я знаю, кто такие Малые Боги, и знаю, что такое работа, но не думаю ни о подобных материях, ни о чем-либо еще. Я отбеливаю.

– О, я мог бы сказать больше, крестная, но боюсь утомить тебя. Не коснулся я совершенно и своих личных дел, будто мы двое не настолько близко связаны. Ведь от родни, как говорят люди, одно добро.

– Но как ты и я можем быть родней?

– Как же, разве я родился не в среду? Это делает тебя моей крестной, не правда ли?

– Не знаю наверняка, милочка. Прежде никто не имел желания заявлять права на родство с Матушкой Середой, – жалобно сказала она.

– Однако в этом не может быть никаких сомнений. Сабеллий настоятельно это утверждает. Артемидор Малый, делаю тебе уступку, считает этот вопрос спорным, но причины, по которым он так заявляет, пользуются дурной славой. Кроме того, что может сделать вся его гнилая софистика против отличной главы на этот самый предмет у Никанора? Я это рассматриваю как разгром. Его логика – окончательна и неопровержима. Что можно сказать против Севия Никанора?.. В самом деле, что? –

вопросил Юрген.

И он бы удивился, если бы в конце концов хоть где-нибудь не оказалось таких личностей. Их имена, в любом случае, звучали для Юргена весьма правдоподобно.

– О милоч, я никогда не была способна к учению. Может быть, все и так, как ты говоришь.

– Ты говоришь «может быть», крестная. Это весьма смущает меня, поскольку я собирался попросить у тебя подарок как крестнику, который при большом объеме неотложной работы ты позабыла сделать где-то сорок лет тому назад. Ты охотно осознаешь, что твоя небрежность, пусть и ненамеренная, могла бы дать толчок недоброй критике, и чувствую, что мне следует упомянуть об этом из элементарной честности по отношению к тебе.

– Что касается этого, милоч, проси, что пожелаешь, в пределах моей власти. Моими являются все сапфиры и бирюза и все, что в этом пыльном мире синее и голубое. И моими также являются все среды, которые когда-либо были или будут. И любое из этих пожеланий я охотно выполню в ответ на твои изящные речи и мягкое сердце.

– Но, крестная, вполне ли справедливо жаловать меня чем-то большим, нежели предоставляемое другим людям?

– Конечно, нет. Но что я должна сделать по справедливости? Я отбеливаю. Давай делай свой выбор! И я могу тебя уверить, что сапфиры – чистойшей воды, а многие из грядущих сред стоит увидеть.

– Нет, крестная, меня никогда по-настоящему не волновали драгоценные камни, а будущее – это лишь одевание и раздевание, и бритье, и еда, и вычисление процентов, и так далее. Будущее меня сейчас не интересует. Поэтому я скромно удовлетворюсь поддержанной средой – той, которую ты уже использовала и которая тебе в дальнейшем не понадобится; и это будет среда в августе такого-то года.

Матушка Середа согласилась.

– Но нужно соблюсти определенные правила, – сказала она, – потому что требуется следовать системе.

Говоря это, она сняла с головы полотенце и вынула из седых волос синий гребень; и она показала, что выгравировано на гребне. Это немного испугало Юргена, но он утвердительно кивнул.

– Однако сначала, – сказала Матушка Середа, – вот тебе синяя птица. Не возьмешь ли лучше ее, милоч, чем свою среду? Большинство именно так бы и сделало.

– Но, крестная, – ответил он, – я же Юрген. Нет я желаю не синюю птицу.

Матушка Середа сняла со стены плетеную клетку с тремя белыми голубями и, пройдя впереди Юргена, ссутулившись и шаркая ногами по плитам пола, вывела его во двор, где они, конечно же, обнаружили привязанного козла. Животное было темно-синего цвета, а глаза у него были мудрее, чем у животного.

И вот тут-то Юрген приступил к тому, что, по словам Матушки Середы, являлось необходимым.

Глава VII

О компромиссах в среде

И произошло так, что верхом на коне, чья уздечка была отмечена диадемой, ростовщик вернулся в то место и в то время, которые остались в его памяти. Было весьма странно вновь оказаться прекрасным юношей и предвидеть все, что произойдет в последующие двадцать лет.

Так получилось, что первой, кого он встретил, была его мать Азра, которую Котт любил очень сильно, но недолго. И Юрген говорил с Азрой о тех нарядах, которые понадобятся ему в Гатинэ, и о том, как часто он будет ей писать. Как и ожидалось, она пренебрежительно отнеслась к новой рубашке, которую он носил, поскольку Азра всегда предпочитала сама выбирать одежду сыну, а не доверяться вкусам Юргена. Она признала, что его новая лошадь – милое животное, и понадеялась, что он не украл ее у кого-нибудь, кто навлек бы на него неприятности. Ибо нужно отметить, что Азра никогда не верила в сына, но была единственной женщиной, как чувствовал Юрген, которая действительно его понимает.

И теперь, пока его красивая молодая мать то ласкала, то журила его, бедный Юрген подумал о том самом разладе и разрыве, который в последующие годы возник между ними; и о том, как она умрет, а он не будет знать о ее смерти целых два месяца; и о том, как его жизнь впоследствии почему-то изменится, а окружающий мир станет неким ненадежным местом, и в него нельзя уже будет простодушно верить. И он предвидел все раскаяния, которые он отбросит, промотав такое количество чести и любви. Всего этого еще не было. Но все это было неизбежно.

– И, однако, то, что все это должно неизбежно произойти, решительным образом несправедливо, – сказал Юрген.

Так было со всеми, кого он встречал. Люди, которых он любил, когда был прекрасным юношей в расцвете сил, стали очень скоро и по маловажным причинам для него никем, а он сам превратился в обычного лавочника. И жизнь показалась Юргену расточительным и несправедливым процессом.

Затем Юрген покинул дом своей юности и поехал в Бельгард, привязал коня на пустоши и вступил в замок. Так Юрген явился к Доротее. Та была мила и прелестна, но, однако, в связи с какой-то странной переменной обстоятельств, не так мила и прелестна, как Доротея, которую он видел в саду между рассветом и закатом. А Доротея, как и все, похвалила чудесную новую рубашку Юргена.

– Она сшита именно для таких празднеств, – скромно сказал Юрген, – это отчасти моя задумка. Немного экстравагантно, как могут посчитать некоторые, но всем не угодишь. А мне нравятся цветастые вещи.

В тот вечер в замке Бельгард показывали спектакль, и безумно чудно и грустно было вспоминать Юргену, что случится со многими из присутствующих.

Юрген не забыл эту среду, эту давнюю среду, когда мессир де Монтор привез из Брунбелуа Братство Святого Медара, чтобы оно разыграло пьесу в жанре маски «Рождение Геракла», чем ныне, вызывая шумное одобрение, занимаются всякие бродяги. Юрген помнил, что это произошло за день до того, как Бельгард обнаружил, что гость графа Эммерика, виконт де Пизанж, в действительности является знаменитым разбойником Перионом де ла Форэ. Ну, а вон там еще не раскрытый самозванец ведет задушевный разговор с госпожой Мелицентой; а Юрген знал все, что оставалось в запасе у этой пары влюбленных.

Между тем, как размышлял Юрген, в данное время настоящий виконт де Пизанж лежал в бреду в «Бенуа»; завтра истинного виконта признают, и через год виконт женится на Фелиции де Суаэкур, а позднее Юрген встретит ее во фруктовом саду. И Юрген также знал, что именно тогда произойдет.

А мессир де Монтор, искоса наблюдая за госпожой Мелицентой, шутил с крошкой Эттаррой, которой в этот вечер разрешили лечь спать позднее обычного в честь спектакля; и Юрген знал, что этот молодой епископ станет не кем иным, как Папой Римским, и что этот ребенок, с которым он шутил, превратится в женщину, ради обладания которой Гирон де Рок и вон тот угрюмый на вид юноша, Можи д'Эгрмон, будут

соперничать друг с другом до тех пор, пока край не будет опустошен; замок же, в котором сейчас находится Юрген, будет осажден, а это его крыло сгорит. И безумно чудно и грустно было Юргену вот так вспоминать все, что произойдет с этими людьми и со всеми другими, резвившимися под тенью судьбы и смеявшимися над тривиальной постановкой.

Ибо здесь – при таком количестве нависших крушений, неудач и печали, готовой вскоре поразить многих из этих пирующих заранее известными Юргену способами, и смерти, неизбежно приближающейся, чтобы покончить почти со всей этой компанией в несколько непривлекательной форме, что Юргену было точно известно, – здесь смех казался чрезмерным и отвратительным. Что ж, а вон там Рено, смеющийся слишком громко, запрокинув стриженую голову; смеялся бы так же Рено, если б узнал, что круглая сильная глотка, которую он таким образом показывает, будет перерезана, как у теленка, когда его захватят трое бургундцев? Юрген знал, что это случится с Рено Венсофом еще до конца октября. Поэтому он смотрел на горло Рено и с дрожью вдыхал воздух сквозь сжатые зубы. «А он, этот мальчик, стоит дюжины таких, как я, – подумал Юрген, – и я собираюсь жить, чтобы стать стариком с клочком земли спустя годы после того, как этого красивого добродушного юноши не станет, как грязь забьет эти ясные благородные глаза! И спустя годы после того, я тоже забуду о нем. Марион д'Эдоль, та очень привлекательная девушка, позади него, превратится в прыщавую и беззубую завсегдатайшу задворков и будет плотоядно хватать мужчин за рукава! А вот голубоглазый Колен со своим детским ротиком будет повешен за обрезание монет, – дайте припомнить, – да, через шесть лет, считая с этого вечера! Но некоторым образом эти люди блаженны, ничего не предвидя. Они смеются, а я смеяться не могу, и для меня их смех более ужасен, чем плач. Да, они, возможно, очень мудры, что не горюют над неизбежным. И, несомненно, я не могу зайти так далеко и сказать обратное. Но все же, в то же самое время!.. И, конечно же, жизнь мне во всем кажется расточительным и несправедливым процессом».

Вот над чем размышлял Юрген в то время, как остальные проводили весьма приятный вечер.

А потом, когда спектакль закончился, Доротея и Юрген вышли на террасу на восточном крыле Бельгарда к незабываемому миру лунного света. Они сели на резную каменную скамью у балюстрады с видом на дорогу. Юноша с девушкой задумчиво всматривались в уходившую вдаль дорогу, в светлые долины и верхушки деревьев. Так они тут и сидели, что хорошо помнил Юрген, когда Матушка Середа впервые использовала эту среду.

– Желанье Сердца Моего, – говорит Юрген, – мне грустно этим вечером. Я думаю о том, что сотворит с нами жизнь и в какие ничтожества превратят нас с тобой года.

– Возлюбленный мой, – говорит она, – разве мы не знаем превосходно, что именно произойдет? – И Доротея начала рассказывать обо всех тех великолепных поступках, которые совершит Юрген, и о счастливой жизни, которая станет для них совместной.

– Это жутко, – сказал он, – мы уже никогда не будем столь прекрасны, как сейчас. У нас есть великолепие, для которого у мира нет применения. Оно пропадет. А такая потеря несправедлива.

– Но вскоре ты достигнешь небывалых высот, – возразила она и с любовью предсказала все виды рыцарских подвигов, которые, как помнил Юрген, когда-то ему тоже казались очень правдоподобными. Теперь же у него появилось ясное осознание способностей юноши, о котором он думал так хорошо.

– Нет, Желанье Сердца. Нет, я буду совершенно другим.

– ...и думать о том, как горда я буду тобой! «Но я всегда это знала», – буду говорить я всем весьма снисходительно...

– Нет, Желанье Сердца. Потому что ты вообще не будешь обо мне думать.

– О, милый. А может, ты действительно считаешь, что меня когда-либо будет волновать кто-то, кроме тебя?

Тут Юрген рассмеялся. Ибо по пустынной террасе в поисках госпожи Доротеи шел гетман Михаил, и Юрген знал заранее, что это мужчина, которому через два месяца, считая с этого вечера, Доротея отдаст любовь и всю свою красоту и с которым она разделит губительные годы, что ждут впереди.

Но девушка этого не знала и слегка пожала плечиками.

– Я обещала танцевать с ним, так что придется выполнять обещание. Но этот старик – сплошное наказание.

Гетману Михаилу шло к тридцати, а для Доротеи и Юргена это был возраст, граничащий с дряхлостью.

– Клянусь небом, – сказал Юрген, – где бы ни танцевал гетман Михаил следующий танец, здесь этого не произойдет.

Юрген решил, что он должен сделать.

И тут их учтиво поприветствовал гетман Михаил.

– Боюсь, я должен украсть у вас эту прекрасную даму, господин Юрген, – говорит он.

Юрген помнил, что много лет тому назад, были сказаны именно эти слова, а Юрген промямлил вежливые сожаления и посторонился, когда гетман Михаил увел Доротею танцевать. И этот танец стал началом сближения гетмана Михаила и Доротеи.

– Гетман, – говорит Юрген, – тяжелая утрата, которой вы пугаете, весьма удачно обойдет меня, поскольку так получилось, что следующий танец – мой.

– Мы можем лишь оставить решение за дамой, – говорит, смеясь, гетман Михаил.

– Но не я, – говорит Юрген. – Я слишком хорошо знаю, что из этого выйдет, и не намерен предоставлять свою судьбу кому бы то ни было.

– Ваше поведение, господин Юрген, несколько странно, – замечает гетман Михаил.

– Но я покажу вам кое-что еще более странное. Посмотрите: может показаться, что здесь, на этой террасе, нас трое. Однако, могу вас уверить, четверо.

– Разгадайте загадку, милый юноша, и дело с концом.

– Кроме нас троих, гетман, здесь присутствует богиня, у которой крапчатое одеяние и черные крылья. Она не может похвастаться храмами, и нигде священники не призывают к ней, потому что она – единственное божество, которое не могут тронуть молитвы или задобрить жертвоприношения. Я намекаю, сударь, на старшую дочь Ночи и Эреба.

– Я так понимаю, вы говорите о смерти.

– Вы быстро схватываете суть, гетман. Но, боюсь, недостаточно быстро, чтобы предсказать прихоти богини. В самом деле, кто бы мог предвидеть, что этой неумолимой даме придется так по душе ваше общество?

– О, мой юный забияка, – отвечает гетман Михаил, – совершенно верно, что мы с ней знакомы. Я даже могу похвастаться тем, что отослал пару отважных воинов прислуживать ей в подземном царстве. Теперь же, насколько я угадываю смысл ваших слов, вы надеетесь, что я уменьшу долг, отправив ей какого-то молокососа.

– Мое мнение, гетман, заключается в том, что, поскольку эта темная богиня вот-вот покинет нас, ей нельзя, из обычной любезности, позволить уйти отсюда без сопровождающего. Поэтому предлагаю тотчас же решить, кто станет ее спутником.

Тут гетман Михаил вынул шпагу:

– Вы сумасшедший. Но вы сделали предложение, на которое я еще ни разу не отвечал отказом.

– Гетман, – воскликнул Юрген с искренней благодарностью и в восхищении, – я не питаю по отношению к вам никакой злобы. Но вы должны умереть сегодня вечером для того, чтобы моя душа не погибла на много лет раньше моего тела.

С этими словами он тоже выхватил шпагу. И они стали драться. Юрген был весьма признанным фехтовальщиком, но с самого начала обнаружил в гетмане Михаиле настоящего мастера. Юрген на это не рассчитывал и был раздражен. Если гетман Михаил продырявит Юргена, будущее, несомненно, изменится, но не совсем так, как задумал Юрген. Это непредвиденное осложнение казалось нелепым, и Юргена начало сердить подозрение, что он сам может быть убит. Между тем его невозмутимый высокий соперник, казалось, лишь играет с Юргеном, и Юрген был вынужден постоянно отступать к балюстраде. А вскоре шпага Юргена, сверкнув над балюстрадой, вылетела из его руки прямо на проезжую дорогу.

– Теперь, господин Юрген, – говорит гетман Михаил, – вашему вздору положен конец. Что ж, не стоит стоять, как изваяние. Я не собираюсь вас убивать. Зачем, черт возьми, мне это делать? Из-за такого поступка лишь возникнут дурные отношения с вашими родителями. И, кроме того, бесконечно приятнее танцевать с этой дамой, что я сперва и собирался сделать. – И он весело обернулся к госпоже Доротее.

Но Юрген нашел такой исход событий невыносимым. Этот человек сильнее его, он относится к людям того склада, которые доблестно получают и пользуются всеми наградами на свете, а простые поэты могут лишь с уважением восхищаться ими. Все надо начинать сначала: гетман Михаил, по его собственному выражению, поступает так, как он сперва и собирался, а Юрген отброшен в сторону звериной силой этого человека. Этот человек уведет Доротеею и оставит Юргену ту жизнь, о которой Юрген вспоминал с отвращением. Это несправедливо.

Поэтому Юрген выхватил кинжал и глубоко всадил его в незащищенную спину гетмана Михаила. Три раза юный Юрген пронзил дюжего воина точно под левое ребро. Даже в ярости Юрген помнил, что надо бить в левый бок.

Все произошло очень быстро. Руки гетмана Михаила дернулись вверх, и в лунном свете его пальцы растопырились, а потом сжались в кулак. Он издал забавные булькающие звуки. Затем его колени подогнулись, и он повалился назад. Голова упала Юргену на плечо, по-братски покоясь там какой-то миг, а

когда Юрген отскочил из-за этого мерзкого прикосновения, тело гетмана Михаила рухнуло вниз. Теперь он лежал мертвый у ног своего убийцы, глядя вверх. У него был жуткий вид, но он был мертв.

– Что с тобой станет? – прошептала Доротея через какое-то время. – О, Юрген, это подлый поступок. То, что ты сделал, постыдно! Что с тобой станет, мой дорогой?

– Я приму свою долю, – говорит Юрген, – без хныканья и добьюсь справедливости. Я несомненно добьюсь справедливости. – Затем Юрген поднял лицо к ясным небесам: – Этот человек был сильнее меня и хотел того же, чего и я. Поэтому я нашел единственное решение, которое наверняка поможет добиться того, что мне нужно. Я требую справедливости у небесной власти, которая дала ему силу, а мне слабость, и дала каждому из нас его желания. То, что я сделал, я сделал. Теперь судите меня.

Затем Юрген отволоч тяжелое тело гетмана Михаила с видного места под скамью, на которой еще недавно сидели Юрген и Доротея.

– Покойся тут, отважный рыцарь, пока тебя не найдут. Иди же ко мне, Желанье Сердца Моего. Отлично! Превосходно! Вот я сижу со своей истинной любовью над телом своего врага. Справедливость удовлетворена, и все совершенно так, как должно быть. Ты обязана понять, что мне по наследству достался прекрасный скакун, чья уздечка отмечена диадемой, – я так понимаю, пророчески, – и на этом скакуне ты помчишься со мной в Лизуарт. Там мы найдем священника, который нас повенчает. Мы вместе отправимся в Гатинэ. Между тем надо заняться одним упущенным делом. – И он привлек к себе девушку. В этот миг Юрген ничего не боялся. Он думал: «О, если б я мог удержать этот миг! Если б мог создать несколько соответствующих стихов, чтобы сохранить этот миг в памяти! Я могу лишь облачить в слова благоуханную и пышную мягкость волос этой девушки, когда мои ладони, дрожа каждым нервом, ласкают их; и облачить в непреходящие слова блеск и смутные оттенки ее волос под этим ливнем лунного света! Ибо я забуду всю эту красоту или, в лучшем случае, вспомню этот миг весьма неотчетливо».

– Ты поступил подло... – говорит Доротея.

Юрген же говорит самому себе:

«Этот миг уже проходит, этот ужасно счастливый миг, в который жизнь еще раз встряхивает и останавливает сердце на вершине блаженства! Он проходит, и я знаю даже то, как приподнимаю нежное лицо этой девушки и замечаю на ее лице веру, покорность и ожидание: что бы будущее нам ни приготовило и что бы за счастье мы вдвоем ни познали впоследствии, мы не найдем более счастливого мгновения, чем это, которое безвозвратно уходит от нас, пока я о нем думаю, несчастный дурак, вместо того чтоб перейти к сути».

– ...И только Бог знает, что с тобой станет, Юрген. Юрген же по-прежнему продолжал говорить самому себе:

«Да, что-то должно остаться мне из всего этого восторга, хотя это будет лишь ощущение вины да печаль. Я имею в виду нечто, что нужно вырвать из этого высшего мига наслаждения, который когда-то был безвозвратно утрачен. Теперь я мудрее, так как знаю, что нет менее утешающих воспоминаний, чем воспоминания об искушении, против которого мы устояли. Поэтому я не растрочу одну известную мне настоящую страсть и не оставлю неутоленным одно желание, которое вызвало у меня сердцебиение, заставившее позабыть о благополучии Юргена. Итак, что бы ни случилось, я никогда не буду сожалеть, что не воспользовался любовью этой девушки до того, как ее у меня отобрали».

Делая подобные, по его мнению, полезные умозаключения, Юрген заметил, с изумлением вспоминая, как сильно боялся когда-то потрясти представления своей Доротеи о внешних приличиях, что она не слишком рьяно отталкивает его.

– Только не здесь, над мертвым телом! О, Юрген, это ужасно! Юрген, вспомни, что кто-нибудь может появиться в любую минуту! А я думала, что могу тебе доверять! И разве это демонстрирует уважение, которое ты испытываешь ко мне? – Она сказала это в основном из чувства долга. Между тем ее глаза стали шире и нежнее.

– Клянусь честью, во второй раз я не примирюсь со своей судьбой. И, что бы ни случилось, я никогда не буду сожалеть о том, что оставил незавершенным.

Теперь у него на устах играла улыбка, а руки обнимали смиренную девушку. Но сердце его было наполнено невыразимой подавленностью и одиночеством, поскольку ему казалось, что это не та Доротея, которую он видел в саду между рассветом и закатом...

«В моих объятиях сейчас просто очень миловидная девушка, которая не слишком осторожна в отношениях с молодыми людьми, – подумал Юрген, когда их губы встретились. – Что ж, моя жизнь – компромисс. И миловидная девушка, в любом случае, есть нечто осязаемое».

Тут он победно рассмеялся и приготовился к последующим действиям.

Но пока Юрген победно смеялся, его рука лежала на плечах Доротеи, нежное податливое лицо Доротеи было под его губами, а беспричинная тоска – в сердце, колокол в замке пробил полночь. Последовавшее вслед за этим было весьма любопытным. Когда среда прошла, лицо Доротеи начало меняться, кожа огрубела, щеки ввалились, морщины окружили глаза, и она стала графиней Доротеей, которую Юрген помнил в качестве жены гетмана Михаила. Под струящимся лунным светом рассеялись все сомнения. Она с вожделием смотрела на него, а он ласкал ее – эту чрезмерно сладострастную женщину, которая определенно была достаточно опытна, чтобы знать, кому позволять подобные вольности. А ее дыхание было несвежим и тошнотворным. Юрген, содрогнувшись, с отвращением отпрянул и закрыл глаза, чтобы отгородиться от этого чувственного лица.

– Нет, – сказал он, – это было бы нечестно по отношению к другим. По сути, это был бы тяжкий грех. Мы, сударыня, иногда должны взвешивать подобные соображения.

Затем Юрген со сдержанным достоинством оставил свою искустельницу.

– Я отправляюсь на поиски своей дорогой жены, сударыня, находясь в расположении духа, которое я весьма посоветовал вам иметь по отношению к собственному мужу.

И он пошел прямо по террасам Бельгарда, а потом повернул на юг, где на Амнеранской Пустоши был привязан его конь. Чувствовал себя Юрген очень добродетельным.

Глава VIII

Старые забавы и новая тень

Юрген вел себя с подозрительным благородством (размышлял Юрген), но он уже взял на себя обязательство. «Я иду на поиски своей дорогой жены», – заявил он, придя в восторг от ощущения собственной добродетельности. И сейчас Юрген оказался один в мире лунного света – там, где он в последний раз видел жену.

– Ну-ну, – сказал он. – С той моей средой покончено, и я вновь почтенный ростовщик. Давайте запомним, что совершать иногда мужественные поступки весьма полезно. Лиза вошла именно в эту пещеру. Так что туда во второй раз иду и я, а не домой к несимпатичным мне родственникам жены. Или, по крайней мере, представляю, что иду...

– Да, – пропищал кто-то, – пришло время. А аб хур хус!

– Самое время!

– О, более чем время!

– Гляди, человек в дубе!

– Ого, огнедышащий дракон!

Вот так беспорядочно кричало и вопило множество голосов. Но Юрген, оглядевшись, никого не увидел. А все тонюсенькие голоса, похоже, исходили откуда-то сверху, где не было ничего, кроме внезапно собравшихся туч. Поднялся ветер, и луна уже скрылась из виду. Через некоторое время этот шум высоко наверху в воздухе стал напоминать разноголосицу воробьев, в которой слов было не разобрать.

Затем какой-то пронзительный голосок отчетливо произнес:

– Заметьте, милые мои, как высоко мы находимся над взбудораженной ветром пустошью, где поскрипывает виселица, раскачиваясь в ночи туда-сюда! Сейчас дождь вырвется, словно сокол от охотника, а печальная царица Хольда раскинет свои косы по сияющему щиту луны. Постель приготовлена, вода зачерпнута, и мы, подружки невесты, ищем девицу, которая станет невестой Склауга.

Другой голос сказал:

– О, ищите девицу с золотыми волосами, совершенную, нежную и чистую, достойную царя, который стар, как любовь, и не имеет в себе ни следа любви. Как раз пробудился наш ухмыляющийся, покрытый пылью хозяин, и его пожелтевшие пальцы трясутся при мысли о ее мягких, как цветы, губах, которые попадут этой ночью в его костлявые объятия и согреют выпирающие ребра. А кто же будет невестой Склауга?

А третий голос пропищал:

– Свадебный наряд мы принесли с собой, а девица отправится отсюда на Форгемон в саване Клеопатры. Ха, эту пару обвенчает Блуждающий Огонек...

– Нет, нет! Пускай Брахиот!

– Нет, это будет Китт с подсвечником!

– Эман хетан, бой, бой!

– Эй, Пат Акробат, берегись Стадлина!

– Есть ли у тебя, Тиб, мармаритин?

– А аб хур хус!

– Давай, Бембо, уходи!

Так все они начали кричать, свистеть и спорить высоко над головой у Юргена, от чего он не получал удовольствия.

«Это же Амнеранские ведьмы, занимающиеся тем или иным видом черной магии, в которой я предпочитаю не участвовать. Сейчас я сожалею, что совсем недавно выбросил поблизости отсюда крест, и полагаю, этот поступок был понят соответствующим образом. Если бы моя жена не высказалась по этому поводу и не настояла на своем, я бы никогда и не подумал так поступить. Я не намеревался на кого-либо бросить тень. И я считаю эту пустошь небезопасной. Но я буду искать свою жену, кого бы я ни повстречал в этой пещере».

Так Юрген вошел туда во второй раз.

А история рассказывает, что там было темно и Юрген не мог ничего разглядеть. Пещера тянулась вперед и вниз, а в дальнем конце мерцал свет. Юрген все шел и шел, и так добрался до того места, где увидел кентавра. Эта часть пещеры сейчас была пуста. Но дальше того места, где прежде в ожидании Юргена лежал Несс, в стене пещеры имелся проем, и из него струился свет. Юрген встал на четвереньки и заполз в это отверстие.

Он распрямился, и у него перехватило дыхание. У его ног – подумать только – находилось надгробие с высеченным на нем изображением лежащей женщины. Сейчас эта часть пещеры освещалась лампами на высоких стойках, так что даже Юргену, чье зрение с годами ухудшилось, все было отчетливо видно. Это была низкая и плоская надгробная плита, подобные которой Юрген встречал во множестве церквей. Но подцвеченное изображение на ней почему-то его заинтересовало. Юрген взглянул более пристально и даже дотронулся до него.

Тут он отпрянул, потому что безошибочно ощутил мертвую плоть. Фигура не была раскрашенным камнем: это было тело мертвой женщины. Еще более необъяснимым образом это тело принадлежало Фелиции де Пизанж, которую Юрген давным-давно любил в Гатинэ, за много лет до того, как завел ростовщическое дело.

Для Юргена было очень странно вновь увидеть ее лицо. Он часто гадал, что станет с этой крупной смуглой женщиной; гадал, правда ли, что он первый мужчина, с которым она обманывает мужа; и гадал, что в действительности за особа эта мадам Фелиция де Пизанж.

«Два месяца мы играли с тобой в близость, не так ли, Фелиция? Понимаешь ли, моя дорогая, по правде сказать, я почти забыл о тебе. Но совершенно отчетливо вспоминаю оставленную приоткрытой дверь, а когда я ее осторожно отворял, первым делом видел лампу на туалетном столике, едва горящую и светящуюся пыль на стеклянном абажуре. Разве не странно, что нашу безмерную порочность подытоживает не что иное, как память о пыли на стекле лампы? Ты была очень миловидна, Фелиция. Смею сказать, что полюбил бы тебя, если б когда-нибудь тебя понимал. Но когда ты рассказала мне о ребенке, которого потеряла, и показала мне его портрет, я тебя разлюбил. Мне почудилось, что ты предаешь того ребенка, обращаясь со мной чересчур благородно. И впоследствии между нами всегда находился его маленький призрак. Однако меня вообще не волновало, что ты обманываешь мужа. Правда, я знал твоего мужа весьма хорошо... Мне говорили, что милостивый виконт был крайне доволен сыном, которого ты ему родила через несколько месяцев после нашего расставания. Так что, в конце концов, большого вреда не причинено...»

Тут Юрген увидел другое женское тело, лежащее наподобие скульптуры на другом низком и плоском надгробии, а за ним еще одно, и еще. И Юрген присвистнул.

– Что ж, вот они все! – сказал он. – Значит, я приведен на очную ставку со всей нежной плотью, которую когда-либо обнимал? Да, вот Грана, и Розамунда, и Маркуэва, и Элинора. Хотя вот эту девушку я вообще не помню. А это, по-моему, маленькая еврейка, которую я приобрел в Сидоне у Хассан-бея, но можно ли быть уверенным в этом? Все же вот это, несомненно, Юдифь, а это – Мирина. Я бы не прочь вновь поискать ту родинку на ее теле, но, полагаю, это было бы непристойно. Боже, здесь все женщины, которые когда-то были моими! Всего их должно быть несколько десятков. Такое зрелище наводит мужчину на серьезные размышления. Но испытываешь великое успокоение при мысли, что с каждой из них обошелся честно. Некоторые из них поступали со мной весьма несправедливо. Но все это в прошлом, а с ним покончено. И я не держу зла на столь непостоянные и близорукие создания, которые не могли удовлетворяться одним любовником, хотя им и был Юрген.

Затем Юрген, стоя посреди мертвых женщин, раскинул руки, словно для объятий.

– Приветствую вас, дамы, и прощаюсь с вами! И вы, и я покончили с любовью. За любовью приятно наблюдать, когда она развивается, со смехом опрокидывая все старые воспоминания. Однако для каждого беспутного влюбленного, который признает власть любви и бесстрашно служит под ее знаменами, конец всего – смерть. Сев любви намного приятнее жатвы; или давайте выразим это так: любовь заманивает нас на окольные дорожки, ведущие среди цветов, которые осыпаются еще до первого свежего ветра, в никуда. Поэтому в итоге, при огромном количестве растрченных волнений, вздохов и драгоценного времени, мы обнаруживаем, что конец всего – смерть. Тогда не было бы более пронзительным, дорогие дамы, избегать любви? С другой стороны, мы были несказанно мудры, предавшись отважному безумию, которое вызывает любовь. Поскольку лишь одна любовь может предоставить молодым восторг, хотя и преходящий, в мире, где итог любых человеческих усилий преходящ, а конец всего – смерть.

Тут Юрген учтиво поклонился своим умершим возлюбленным и, покинув их, пошел прямо по тянувшейся дальше пещере.

Но теперь свет находился позади него, и тень Юргена, когда он подошел к крутому повороту, внезапно замаячила перед ним на стене пещеры. Эта тень была четкой и безупречной.

Юрген пристально ее рассмотрел. Он повернулся в одну сторону, потом в другую; оглянулся назад, поднял руку, на пробу помотал головой; потом откинул голову, задрал подбородок и скосив глаза, чтобы увидеть тень от профиля. Все проделываемое Юргеном тень повторяла, что было вполне естественно. Станным же являлось то, что в ней ничто не напоминало тень, которой следовало сопутствовать мужчине, и от такого открытия глубоко под землей, в одиночестве становилось неуютно.

– Я не совсем похож на нее, – сказал Юрген. – По правде говоря, я вообще на нее не похож. Это кажется ненормальным. Совершеннейшая нелепица. Но, – и тут он пожал плечами, – чего можно ожидать от меня в данном случае? В самом деле, чего? Лучше я отнесусь к инциденту с величавым презрением и продолжу исследование пещеры.

Глава IX

Общепринятое спасение Гиневры

Дальше история рассказывает, что пещера сузилась и вновь резко изогнулась, а Юрген прошел, словно по коридору, в совершенно другие подземные покои. Однако они тоже являлись весьма неудобным местом.

Здесь со сводчатого потолка склепа свисал котел, а под ним плясали красные языки пламени. Они освещали злодейского вида старика в доспехах, опоясанного мечом и в царском венце. Он с ничего не видящими выпученными глазами неподвижно восседал на троне. За его спиной Юрген заметил множество сидевших рядами воинов, и все они уставились на Юргена широко открытыми, невидящими глазами. Красное пламя отражалось в их глазах, и наблюдать за этим было не совсем приятно.

Юрген в нерешительности ждал. Ничего не происходило. Тут Юрген увидел, что у ног этого непривлекательного монарха стоят три сундука. У двух из них крышки сорваны, и они наполнены серебряными монетами. На среднем сундуке, непосредственно перед королем, сидела женщина. Ее голова покоилась на коленях у пучеглазого, ссохшегося и неподвижного разбойника.

«А это молодая женщина. Явно! Заметьте блеск густых вьющихся волос, роскошный изгиб шеи! О, очевидно, за лакомый кусочек стоит сразиться, несмотря на довольно скромные шансы!»

Таков был ход мыслей Юргена. Смелый, словно дракон, он шагнул вперед и поднял девичью голову. Глаза девушки были закрыты. Но даже так она казалась самым прекрасным созданием, какое только мог вообразить Юрген.

«Она не дышит. Однако, если мне не изменяет сознание, у меня в руках, несомненно, живая

женщина. Ясное дело, это сон, вызванный некромантией. Я не зря прочитал так много сказок. В пробуждении любой заколдованной принцессы наблюдаются общие моменты. А Лизы – где же она может быть, бедняжка! – нигде поблизости нет, поскольку я не слышу, чтобы кто-то говорил. Поэтому я могу считать себя свободным и совершить традиционный поступок. В самом деле, это единственный честный поступок, который можно совершить, и этого требует справедливость».

И тут Юрген поцеловал девушку. Ее губы раздвинулись и смягчились, они были полны далеко не неприятного, покорного рвения. Ее глаза, огромные, если смотреть на них с близкого расстояния, томно раскрылись и поглядели на него безо всякого удивления. А потом веки наполовину опустились, как и следовало, по воспоминаниям Юргена, поступать векам женщины, когда ее целуют надлежащим образом. Она прильнула к нему и слегка задрожала, но не от холода. Юрген отлично помнил этот восторженный трепет женского тела. Короче, все происходило точно так, как и должно происходить. Юрген прервал поцелуй, который, как вы можете догадаться, оказался довольно продолжительным.

Его сердце колотилось, словно решило вырваться из тела, и он ощутил, как кровь прилила к кончикам пальцев. Он удивлялся, что это нашло на него, слишком пожилого для подобных чувств.

Но, поистине, это была самая прелестная девушка, какую Юрген только мог вообразить. Она была прекрасна внешне: с сияющими серыми глазами и маленьким улыбающимся ротиком. Ни один мужчина не мог похвастаться тем, что видел более прекрасную особу. А она снисходительно рассматривала Юргена, ее щеки озарялись красноватым мерцанием над головой, и за нею очень мило было наблюдать. На ней было платье из шелка цвета пламени, а на шее ожерелье из червонного золота. Когда она заговорила, ее голос зазвучал, словно музыка.

– Я знала, что вы придете, – радостно произнесла девушка.

– Я очень доволен, что пришел, – заметил Юрген.

– Но времени мало.

– Время дает нам восхитительный шанс, моя дорогая принцесса...

– О, мессир, но разве вы не осознаете, что привнесли жизнь в это жуткое место? Вы дали мне эту жизнь самым непосредственным и быстрым способом, но жизнь очень заразна. Инфекция уже начала распространяться.

И Юрген по жесту девушки взглянул на старого короля. Ссохшийся головорез оставался неподвижен, но из ноздрей медленно исходили расширяющиеся струи пара, словно он дышал в некоем прохладном месте. Это казалось странным, поскольку в пещере было не холодно.

– И все остальные тоже пыхтят и выпускают пар, – говорит Юрген. – Честно говоря, по-моему, это очаровательное местечко нужно покинуть.

Но сначала он отстегнул пояс короля вместе с мечом и сам опоясался мечом, кинжалом и всем прочим.

– Теперь у меня оружие, достойное моей прекрасной рубахи, – говорит Юрген.

Затем девушка показала ему своеобразный проход, и они поднялись по сорока девяти ступеням, вырубленным в камне, и так вышли на белый свет. На верху лестницы находилась железная, опускающаяся дверь, и эту дверь по указанию девушки Юрген открыл. Снаружи дверь не запиралась.

– Но Фрагнара не остановят замки и засовы, – сказала девушка. – Вместо этого мы должны немедленно отметить дверь крестом, так как этот символ Фрагнар преодолеть не может.

Рука Юргена инстинктивно поднялась к горлу. Тут он пожал плечами.

– Моя дорогая юная дама, я больше не ношу креста. Я должен сразиться с Фрагнаром другим оружием.

– Будет достаточно двух палочек, сложенных крест-накрест...

Юрген почтительно указал, что нет ничего легче, чем поднять дверь и этим сбросить с нее палочки.

– Они разлетятся в стороны даже без чьего-либо прикосновения, и что тогда станет с нашим

символом?

– Как быстро вы обо всем догадываетесь! – в восхищении сказала девушка. – Тогда вот лоскут от моего рукава. Мы свяжем прутики.

Юрген так и сделал, водрузив на дверь нечто похожее на крест.

– Все же, когда кто-нибудь поднимет дверь, все, что лежит на ней, скатится. Не принижая силу ваших чар, не могу не заметить, что в этом случае дело необычайно усложнится. Не полагаясь на силы волшебства, я бы от всей души поверил только в прочный замок.

И девушка оторвала еще один лоскут от подола платья, а потом еще один от правого рукава, и ими они привязали крест к двери так, что прутики нельзя было сдвинуть. Они вскочили на прекрасного скакуна, чья уздечка отмечена диадемой, – девушка – по-женски, свесив ноги с одного боку, – и повернули на запад, поскольку, по словам девушки, так было лучше всего.

Она рассказала Юргену, что она – Гиневра, дочь Гогирвана, короля Глатиона и Красных Островов. А Юрген сказал, что он – герцог Логрейский, поскольку чувствовал, что ростовщику не пристало спасать принцесс; и он также поклялся, что вернет ее в целости и сохранности отцу, какие бы попытки ни предпринял Фрагнар. А пока они ехали вместе прекрасным майским утром, госпожа Гиневра поведала Юргену всю историю своего бесчестного похищения и заточения королем Фрагнаром.

Она считала, что король троллей не мог им помешать.

– Теперь у вас есть его заколдованный меч Калибур – единственное оружие, которым можно убить Фрагнара. Кроме того, он не сможет пройти мимо креста. Он узрит его и затрепещет.

– Моя дорогая принцесса, ему нужно лишь толкнуть снизу дверь, и креста, привязанного к ней, тут же не окажется на его пути. Не сумев воспользоваться таким приемом, он может выйти из пещеры через другое отверстие, в которое вошел я. Если у этого Фрагнара есть хоть какой-то рассудок и достаточно упорства, он вскоре будет тут как тут.

– Даже при этом он не сможет причинить никакого вреда, если только мы не примем от него подарка.

Трудность заключается в том, что он появится в чужом облике.

– Что ж, тогда мы ни от кого не примем подарков.

– Более того, существует признак, по которому можно отличить Фрагнара: если отрицаешь то, что он говорит, он тотчас же признает, что ты прав. Это проклятие, наложенное на него Мираном Ллуагором, чтобы можно было обнаружить его и противостоять ему.

– По этой, совершенно не свойственной человеку черте, – говорит Юрген, – Фрагнара, наверное, очень легко узнать.

Глава X

Жалкие обличья Фрагнара

Затем история рассказывает, что, едва Юрген с принцессой приблизились к Тихону, к ним подъехал всадник в черных доспехах, а на щите у него был изображен красный змей с яблоком в зубах.

– Милостивый рыцарь, – глухо говорит всадник из-под опущенного забрала, – вы должны уступить эту даму мне.

– По-моему, – почтительно говорит Юрген, – вы ошибаетесь.

Тут они начали драться, и вскоре, поскольку Калибур – неодолимое оружие, а носящего ножны Калибура нельзя ранить, Юрген одержал победу. Он нанес неизвестному рыцарю такой сильнейший удар, что рыцарь упал без чувств.

– Вы думаете, – спрашивает Юрген, собираясь снять с соперника шлем, – что это Фрагнар?

– Распознать невозможно, – ответила госпожа Гиневра. – Если это король троллей, он бы предложил нам дары, а когда вы перечили ему, он должен был признать, что вы правы. Вместо этого он ничего не предлагал, а на возражения никак не ответил, что ничего не доказывает.

– Но молчание – общепринятый знак согласия. В любом случае, мы взглянем на него.

– Но это также ничего не докажет, поскольку Фрагнар выделяет свои проказы настолько замаскированный чарами, что неизменно напоминает кого-нибудь другого, но только не самого себя.

– Допускаю, что такие нечестивые привычки содержат элемент неопределенности, – говорит Юрген. – Все же редко можно ошибиться, приняв верное решение. Он, так или иначе, очень дурно воспитанный малый, вероятно, с гнусными намерениями. Да, главное – осторожность. Полагаясь на самих себя, мы примем верное решение.

Поэтому, не сняв шлема, он отрубил неизвестному рыцарю голову и так оставил его. Принцесса же вскочила на коня убитого противника.

– Несомненно, – говорит тут Юрген, – волшебный меч – прекрасная штука и, к тому же, весьма необходимое снаряжение для странствующего рыцаря моих лет.

– Но вы говорите так, словно вы старик, мессир де Логрей!

«Ну и ну, – думает Юрген, – эта принцесса не очень-то разборчива. Но что такое, в конце концов, сорок с хвостиком, когда мужчина хорошо сохранился? Эта необычайно разумная девушка немного напоминает мне Маркуэву, которую я любил в Артене. Кроме того, она смотрит на меня не так, как смотрят женщины на пожилого человека. Мне действительно нравится эта принцесса, я ее просто обожаю. Интересно, что она заявит, если я ей все расскажу?»

Но Юрген на сей раз не стал искушать судьбу, так как в этот момент им повстречался мальчик с завитыми волосами и нарумяненными щеками. Он жеманно семенил ножками, был одет в чудной черный наряд, усыпанный золотыми ромбами, и нес позолоченные вилы для навоза.

* * *

Тут Юрген и принцесса подъехали к серебряно-черному павильону, стоящему у дороги. У дверей павильона цвела яблоня, а на одной из ее веток висел черный охотничий рог, отделанный серебром. Здесь же ждала кого-то некая женщина. Перед ней располагалась шахматная доска с расставленными для игры фигурами из серебра и черного дерева, а по левую руку на столике сверкали серебряные кубки и бокалы. Женщина проворно поднялась и подошла к путникам.

– О мой дорогой Юрген, – говорит она, – как мило ты выглядишь в новой рубашке! Ни у кого никогда не было к нарядам лучшего вкуса – я всегда это говорила. Я так долго ждала тебя в этом павильоне, принадлежащем одному черному человеку, который, по-видимому, твой большой друг. Но этим утром, он,

к несчастью, отправился в Крымские Тартары с какими-то проповедниками, и я знаю, как он будет сожалеть, что разминулс с тобой, мой милый. Но я забыла, что ты после своих путешествий, наверно, очень устал и хочешь пить, мой дорогой. Так что сделайте с твоей юной дамой по глотку, а потом мы расскажем друг другу о наших приключениях.

Женщина эта внешне походила на жену Юргена – госпожу Лизу. Юрген рассмотрел это обстоятельство с двух сторон.

– Вы определенно похожи на Лизу. Но я видел Лизу в таком дружелюбном настроении лишь много лет назад.

– Ты должен знать, – говорит она, по-прежнему улыбаясь, – что с тех пор, как мы расстались, я научилась ценить тебя.

– Возможно, это чудо сотворил демон, укравший тебя. Тем не менее ты встретила меня едущим верхом навстречу приключениям с молодой женщиной. И ты не набрасываешься на нас, даже не повышаешь голоса. Нет! Совершенно определенно, здесь имеет место диво дивное, на которое нет сил ни у какого демона.

– О, но я очень много думала, дорогой Юрген, о наших с тобой разногласиях в прошлом. И мне кажется, что ты почти всегда был прав.

Гиневра подтолкнула Юргена локтем.

– Вы заметили? Это, несомненно, Фрагнар в чужом обличье.

– Начиная думать, что в любом случае это не Лиза. – Тут Юрген солидно откашлялся. – Лиза, если ты в самом деле Лиза, ты должна понять, что у нас с тобой все кончено. Незамысловатая истина заключается в том, что ты меня утомила. Ты так много говоришь, что вряд ли найдется женщина, чьи легкие сравнятся с твоими по объему. Но при этом ты не сказала ничего такого, чего бы я не слышал семьсот восемьдесят раз, если не больше.

– Ты совершенно прав, мой милый, – жалобно говорит госпожа Лиза. – Но я же никогда не притворялась, что так же умна, как ты.

– Если можно, избавь меня от своей лжи. И, кроме того, я влюблен в эту принцессу. Избавь меня и от встречных обвинений, потому что у тебя нет никакого права выражать недовольство. Если бы ты оставалась особой, которую я обещал, священнику любить, я бы продолжал души в тебе не чаять. Но отзывчивую и веселую девушку, думавшую, что все мои поступки – само совершенство, ты решила превратить в необычайно безобразную и вспыльчивую старуху. – И тут Юрген замолчал. – А? – спросил он. – Разве ты этого не сделала?

Госпожа Лиза печально ответила:

– Мой милый, ты совершенно прав со своей точки зрения. Однако я не могу не стареть.

– Но, Боже мой! – сказал Юрген. – Это же потрясающе неподобающее исполнение роли, как сразу же увидел бы любой женатый мужчина. Я не договаривался любить такую безобразную и вспыльчивую особу. Я отвергаю требования такой особы как явно несправедливые. Я отдаю свою бессмертную привязанность этой возвышенной и благородной принцессе Гиневре, являющейся самой прекрасной дамой, которую я когда-либо видел.

– Ты прав, – возопила госпожа Лиза, – а во всем виновата я. Потому что любила тебя и хотела, чтобы ты преуспел в высшем свете и сделал честь отцовскому делу, чем я тебя также изводила. Но ты никогда не поймешь чувств жены, как и того, что сейчас я превыше всего желаю тебе счастья. Вот наше обручальное кольцо, Юрген. Возвращаю тебе твою свободу. И молю, чтобы эта принцесса смогла сделать тебя очень счастливым, мой милый. Ты наверняка заслуживаешь принцессы, как никто другой.

Юрген покачал головой.

– Поразительно, что злой дух, о котором так много говорят, настолько плохой актер. Он выдвигает шаткое предположение, что большинство замужних женщин должно отправиться на Небеса. Что касается твоего кольца, я этим утром ни у кого не принимаю подарков. И, полагаю, ты понимаешь, что я безумно

увлечен принцессой вследствие ее красоты.

– О, не могу винить тебя, мой милый. Она – прелестнейшая особа, которую я когда-либо видела.

– Ха, Фрагнар! – говорит Юрген. – Теперь ты попался. Женщина бы могла, вероятно, допустить собственную невзрачность, но ни одна из живших когда-либо женщин не признала бы в принцессе ни малейшей красоты.

Тут он взмахнул Калибуром и отрубил голову существу, которое так бездарно притворялось госпожой Лизой.

– Здорово! О, великолепно! – воскликнула Гиневра. – Теперь чары исчезли, и Фрагнар убит моим умным защитником.

– Мне бы хотелось иметь более верный признак этого, – сказал Юрген. – Я бы предпочел, чтобы павильон и обезглавленный король троллей исчезли в сопровождении раскатов грома, землетрясения и других подходящих случаю явлений. В действительности же ничего не изменилось. Лишь женщина, говорившая со мной минуту назад, лежит у моих ног в весьма неприглядном виде. Понимаете ли, сударыня, я обычно дразнил ее по поводу изогнутого мизинца еще до того, как мы начали пререкаться из-за пустяков. И меня раздражает, что Фрагнар не пропустил даже кривого мизинца у нее на левой руке. Да, такая кропотливая точность беспокоит меня. Поймите также, сударыня, было бы некрасиво, если бы я совершил ошибку и за внешностью не распознал ее настоящего обладателя, поскольку мне иногда случается перестараться. В любом случае, я сделал то, что казалось мне справедливым, и не обнаружил при этом никаких угрызений совести, но мне это место не нравится.

Глава XI

Явление герцога Логрейского

Юрген смахнул со стола шахматные фигуры расставленные для игры, и вылил содержимое серебряного кубка на землю. Причину того, почему он не стал связываться с рогом, он объяснил принцессе: та вздрогнула и сказала, что в таком случае он, определенно, очень благоразумен. Затем они вскочили на коней и ускакали от серебряно-черного павильона. В скором времени они без приключений добрались до Камельяра – города Гогирвана Гора.

Когда люди узнали, что к ним вернулась их принцесса, повсюду послышались крики и зазвонили колокола. На домах развевались цветные полотнища, звучали трубы, когда Гиневра и Юрген входили к королю в его Судный Зал. И этот самый Гогирван, который был королем Глатиона и властелином Энисгарта, Камвея и Саргилла, сошел с широкого трона и обнял сначала Гиневру, а потом Юргена.

– Требуй от меня чего хочешь, герцог Логрейский, – сказал Гогирван, когда услышал имя победителя, – ты заслужил это право, возвратив мне самую любимую дочь, которая является гордостью величественного короля.

– Сударь, – разумно ответил Юрген, – служба, исполняемая с радостью, уже сама по себе – награда. И я прошу, чтобы вы, в свою очередь, возвратили мне принцессу Гиневру посредством почетного брака – понимаете? Потому что я бедный несчастный вдовец, в чем я абсолютно уверен. И я совершенно уверен также, что люблю вашу дочь всем сердцем.

Таков был Юрген, красноречию которого мешали душевные переживания.

– Не понимаю, что общего состояние вашего сердца имеет с такой неразумной просьбой. Бессмысленно просить меня об этом, когда слуги Артура, являющегося сейчас королем бриттов, пришли просить мою дочь ему в жены. Вы сказали, что вы – герцог Логрейский, и я признаю, что герцог – это очень здорово, но я ожидаю, что вы, в свою очередь, согласитесь с любым человеком, у которого дочь на выданье, что король имеет преимущество перед герцогом. Но завтра или, быть может, послезавтра мы с вами поговорим о награде более частным образом. Между тем вы выглядите очень странным и очень напуганным для человека, одолевшего Фрагнара.

Юрген уставился в большое зеркало за королевским тронном. В этом зеркале он увидел затылок венценосной головы Гогирвана, а за ним – странного, испуганного молодого человека с прилизанными черными волосами, вздернутым носом и широко открытыми, ясными карими глазами, которые в упор уставились на Юргена. А очень красные и очень пухлые губы этого парня были полуоткрыты, так что виднелись прекрасные крепкие зубы. И на нем была блестящая рубашка с причудливым рисунком.

– Полагаю, – сказал Юрген и увидел, что парень в зеркале тоже говорит, – полагаю, у вас замечательное зеркало.

– Как любое другое, – отвечает король. – Показывает вещи такими, какие они есть. Но если оно вам нравится, что ж, берите его, пожалуйста, в качестве награды.

– А вы по-прежнему говорите о наградах! – восклицает Юрген. – Если это зеркало показывает вещи такими, какие они есть, то я вышел из своей взятой на время среды в возрасте двадцати одного года. О, я был умным малым, что так хитро льстил Матушке Середе и обманом добился такой щедрости! И я дивлюсь, что вы – лишь какой-то король с затуманенным взором под короной и со свисающим брюшком под всеми вашими царскими одеждами – говорите о награждении прекрасного молодого человека двадцати одного года, ибо у вас нет ничего, что бы мне сейчас понадобилось.

– Значит, вы не будете больше досаждать мне своим вздором относительно моей дочери? Это превосходное известие.

– Теперь у меня нет нужды просить ваших милостей, – сказал Юрген, – да и расположения любого ныне живущего человека, у которого есть привлекательная дочь или жена. Теперь мне помогает юноша, что совсем недавно сделался герцогом Логрейским. А с его внешностью я могу постоять за себя и могу

добиться справедливости где угодно, во всех спальнях на свете.

Юрген махнул рукой и уже собирался отвернуться от короля. Зал был наполнен солнечным светом, так что в полуобороте он встретился со своей тенью, лежавшей на плитах пола. Юрген очень пристально на нее посмотрел.

– Конечно, – сказал он спустя некоторое время, – я, так сказать, с добрыми намерениями перефразировал великолепный, но затасканный пассаж из Сорнатия, с которым вы, без сомнения, знакомы, в котором он говорит, намного красивее, чем я могу выразить, не цитируя слово в слово, о том, что все это было сказано в шутку и без малейшей попытки кого-либо обидеть – кого угодно, могу вас уверить, сударь.

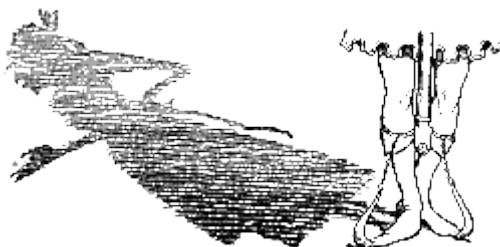
– Отлично, – сказал Гогирван Гор и улыбнулся без очевидного для Юргена повода. А тот все рассматривал сбоку свою тень. – Повторяю, что завтра я должен буду поговорить с вами в более частной обстановке. Сегодня же я даю пир, которому не было равных в этих краях, потому что мне возвращена моя дочь и потому что дочь станет королевой всех бриттов.

Так сказал Гогирван, являвшийся королем Глатиона и властелином Энисгарта, Камвея и Саргилла: и с этим было покончено. А на пиру Юрген повсюду слышал разговоры об этом короле Артуре, который должен жениться на госпоже Гиневре, и о пророчестве молодому монарху Мерлина Амброзия. Мерлин предсказал: «Он придет на помощь и наступит на горло своим врагам; острова в океане покорятся ему, и он завладеет Галлийскими лесами; дом Ромула устрасится его гнева, а его деяния станут пищей для рассказчиков».

«Что ж, тогда, – говорит Юрген самому себе, – этот монарх во всем напоминает мне Давида Израильского, который был в древние века так великолепен, жаден и знаменит. Ибо к лесам, островам, горлу врагов и другим владениям этот Артур Пендрагон наверняка прибавит и моего жертвенного ягненка. А у меня нет Нафана, который бы привел его к раскаянию. И это, разумеется, очень нечестно».

Затем Юрген вновь посмотрел в зеркало: и вскоре в глазах юноши, которого он там обнаружил, вспыхнул огонек.

– Берегись, Давид, – отважно сказал Юрген. – Поскольку, в конце концов, я не вижу причин для отчаянья.

Глава XII

Отклонение от темы и погубленная Иоланта

Теперь Юрген, самозванный герцог Логрейский, пребывал при дворе короля Гогирвана. Месяц май прошел быстро и бесхлопотно. Но чудовищная тень, преследовавшая Юргена, не исчезала. И, самое главное, ее никто не замечал. Что касается самого Юргена, то он не боялся теней, и странности этой тени было недостаточно, чтобы отвлечь его мысли от Гиневры и от его любви к Гиневре.

Сейчас в Глатионе царили спокойные времена, когда война с Риенсом Нортгальским закончилась победой, и в моде повсеместно была любовь. Развлекаясь, мужчины выезжали на соколиную охоту, ходили на рыбную ловлю и дружески рубили и колотили друг дружку на турнирах. Но их по-настоящему серьезным занятием являлось ухаживание за дамами в манере рыцарей, которые знают, что вскоре королевские трубы призвут их на менее мягко застеленные поля сражений, с которых они могут и не вернуться. Так что Юрген вздыхал, пел оды и строил дамам глазки вместе со многими другими превосходными воинами. А принцесса слушала их комплименты вместе со множеством других дам, чьи сердца были далеко не каменными. А Гогирван размышлял.

У Гогирвана появилась царственная привычка: когда около полудня подавали обед, он не приступал к приему пищи до тех пор, пока не оказывал всех почестей победителю с целью загладить обиду.

Однажды, когда изможденный король сидел вот так в главном зале на троне, набитом зеленым тростником и покрытом желтым атласом, с желтой атласной подушечкой под локтем и со своими баронами, выстроившимися согласно рангу, появилась некая девица с душераздирающим рассказом о притеснениях, которым она подверглась.

Выслушав ее, Гогирван закрыл глаза и кивнул.

– Вы самая привлекательная женщина, которую я встретил за долгое время, – совершенно неуместно сказал он. – Вы женщина, которую я ждал. Рискованным предприятием – защитой вашей чести – займется герцог Юрген Логрейский.

Делать было нечего, и Юрген, не совсем довольный, выехал с этой госпожой Иолантой. Но пока они ехали, он с ней смеялся и шутил. Так, в сопровождении смеха, Иоланта препроводила его к Зеленому Замку, который отнял у нее отвратительнейший великан Гремагог.

– Рыцарь, готовься к встрече со смертью! – воскликнул Гремагог, жутко смеясь и размахивая дубиной. – Я поклялся убить всех рыцарей, приходящих сюда.

– Если говорить правду – грех, то вы очень добродетельный великан, – сказал Юрген и поднял меч Фрагнара – неодолимый Калибур.

Затем они начали драться, и Юрген убил Гремагога. Так Зеленый Замок был возвращен госпоже Иоланте, а девушки-служанки были освобождены из погребов. Сейчас они назывались девушками лишь вследствие этикета, но настолько нежны были сердца женщин, что все они оплакивали Гремагога.

Иоланта была очень благодарна и предложила Юргену любую награду.

– Нет, я не возьму ни одной из этих прекрасных драгоценностей, ни денег, ни земель, – говорит Юрген, – потому что Логрей, должен вам сказать, – довольно состоятельное герцогство, а поединки с великанами – мое любимое времяпрепровождение. Моральное удовлетворение – лучшая плата. Однако, если вы непременно хотите наградить меня за эту небольшую услугу, обещайте помочь мне добиться любви дамы моего сердца, и этого будет достаточно.

Иоланта без особого энтузиазма согласилась. Иоланта, в самом деле, по просьбе Юргена поклялась четверьма Евангелистами сделать все, что в ее силах, и оказать ему содействие.

– Отлично, – сказал Юрген, – вы пообещали, а люблю-то я именно вас.

Удивление приумножило женскую прелесть. Иоланта от всего сердца обрадовалась при мысли о браке с молодым герцогом Логрейским и предложила тотчас же послать за священником.

– Моя дорогая, – сказал Юрген, – нет нужды беспокоить священника из-за наших личных дел. Она поняла его мысль и вздохнула.

– Теперь я сожалею, – сказала она, – что дала такую торжественную клятву. Ваша выходка бесчестна.

– Ничего подобного, – сказал Юрген, – и некоторое время спустя вы не пожалеете об этом. Игра в самом деле стоит свеч.

– Когда это станет очевидным, мессир де Логрей?

– Как же, естественно, при свете свечей, – ответил Юрген.

– В таком случае мы больше не будем говорить об этом до вечера.

А вечером Иоланта послала за Юргеном. Она была, как и сказал Гогирван, необычайно привлекательной женщиной – пышной, холеной и увенчанной медного цвета волосами. В этот день она была хороша как никогда, в блестящем голубом платье с золотым шитьем и с расшитыми золотом длинными рукавами, касавшимися пола. Вот такой она предстала перед Юргеном.

– Теперь, – нахмурясь, сказала Иоланта, – вы можете напрямик заявить о том, на что вы намекали утром.

Прежде всего Юрген оглядел комнату: она освещалась высоким позолоченным канделябром, на котором горели свечи.

Он их пересчитал и присвистнул.

– Семь свечей! По правде сказать, милая моя, вы оказали мне высокую честь, поскольку это чересчур сильная иллюминация. Можно подумать, что вы чтите меня, как святого, семью свечами! А я лишь простой смертный, но тем не менее я – Юрген и попытаюсь отплатить за такую высочайшую любезность сполна.

– О, мессир де Логрей, – воскликнула госпожа Иоланта, – какой непостижимый вздор вы несете! Вы все неверно истолковали, и могу вас уверить, что у меня на уме ничего подобного не было. Кроме того, я вообще не понимаю, о чем вы говорите.

– На самом деле, должен предупредить вас, что часто мои поступки говорят за себя безошибочнее слов. Это то, что ученые люди называют идиосинкразией.

– ...И я определенно не понимаю, какое отношение к этому имеют какие-то святые. Вы сказали, что четыре Евангелиста... Ибо мы сегодня утром говорили, если вы помните, о четырех Евангелистах... О, но как глупо с вашей стороны, мессир де Логрей, стоять ухмыляясь и смотреть на меня так, что я краснею!

– Это легко излечимо, – сказал Юрген, задувая свечи, – поскольку в темноте женщины не краснеют.

– Что вы задумали, мессир де Логрей?

– О, не тревожьтесь! – сказал Юрген. – Я обойдусь с вами вполне благородно.

И Иоланта на самом деле впоследствии признала, что при ближайшем рассмотрении мессир де Логрей оказался очень благороден. Юрген ни в чем не признавался. А так как комната была совершенно темна, никто другой не может со всей ответственностью сказать, что именно там произошло. Достаточно того, что герцог Логрейский и хозяйка Зеленого Замка расстались позднее весьма по-дружески.

– Вы погубили меня своими играми, свечами и щепетильным возвратом любезностей, – сказала Иоланта, зевая, поскольку ей хотелось спать. – Но, боюсь, я не ненавижу вас так, как следовало бы.

– Ни одна женщина никогда этого не делала, – сказал Юрген, – в такой час. – Он приказал принести завтрак, а затем поцеловал Иоланту, потому что это, как сказал Юрген, час их расставания, и он ускакал из Зеленого Замка в отличном настроении.

– Как же замечательно опять стать прекрасным молодым юношей! – сказал Юрген. – Даже если ее большие карие глаза чересчур навывкате – как у рака, – эта госпожа Иоланта великолепная женщина. И приятно думать и знать, как справедливо я с ней обошелся.

Затем он вернулся в Камельяр, радостно распевая при мысли, что направляется к принцессе Гиневре, которую любил всем сердцем.

Глава XIII

Философия Гогирвана Гора

В Камельяре молодой герцог Логрейский проводил большую часть времени в обществе Гинервы, чей отец открыто этому не препятствовал. И Гогирван провел обещанную беседу с Юргеном. – Я сокрушаюсь, что госпожа Иоланта чересчур сдержанно обошлась с вами, – в первую очередь сказал король. – Я рассудил, что вы вдвоем будете, как искра и трут, устраивающие огромный пожар, который сожжет весь вздор в вашей голове относительно моей дочери.

– Сдержанность, сударь, – осторожно сказал Юрген, – общеизвестная добродетель, а огонь не может поглотить настоящую любовь.

– Это правда, – признал Гогирван, – кто бы это ни говорил. – И он вздохнул.

Затем какое-то время он сидел в дремотной задумчивости. В этот вечер на короле была довольно поношенная мантия из какой-то черной материи с меховой оторочкой на вороте и рукавах, а его редкие седые волосы прикрывала очень потертая черная шапочка. Он копошился у слабого огня в большом каменном камине, украшенном щитами. Рядом с ним стояло белое и красное вино, которое оставалось нетронутым, пока Гогирван размышлял над беспокоившими его вещами.

– Значит, так! – произнес наконец Гогирван Гор. – Эта свадьба с великим королем бриттов, конечно же, должна состояться. О ней договорились в прошлом году, когда Артур и его торговцы чертовщиной – Хозяйка Озера и Мерлин Амброзий – взяли на себя труд спасти меня в Кароззе. Я полагаю, что послы Артура, вероятно, сами торговцы чертовщиной, приедут за моей дочерью в июне. Между тем у вас двоих вместо игрушек есть молодость и любовь, а сейчас весна.

– Что для меня время года, – простонал Юрген, – когда я размышляю, что через неделю или чуть больше даму моего сердца увезут от меня навеки? Как я могу быть счастлив, когда знаю, что наступают долгие годы страданий и тщетного сожаления?

– Вы говорите так, – заметил король, – отчасти потому, что выпили лишку прошлой ночью, а отчасти потому, что, по-вашему, этого от вас и ждут. В сущности же, вы счастливы, как может быть счастлив любой в этом мире, по той простой причине, что вы молоды. Страдания, раз уж вы употребили это слово, я считаю поэтическим тропом, но могу вас уверить, что тогда, когда вы больше не будете молоды, так или иначе придут годы тщетного сожаления.

– Это правда, – искренне сказал Юрген.

– Откуда вы знаете? Значит, так: если б я даже был достаточно безумен, чтобы отдать дочь за простого герцога, вы бы от нее ужасно устали. Могу уверить вас в этом, так как по своему нраву Гиневра – вылитая мать. Она, конечно же, мила внешне, потому что в этом пошла по моей линии. Но, между нами, она не особенно разумна и всегда будет строить глазки мужчинам. Сегодня пришел ваш черед служить ей мишенью – в прекрасной блестящей рубахе, ничего похожего на которую никогда не видели в Глатионе. Я считаю ваши права в качестве победителя, спасшего ее, предосудительными, но даже при этом не могу их отрицать. И должен просить вас использовать такой поворот событий наилучшим образом.

– Между тем мне приходит на ум, сударь, что не совсем разумно обручать дочь с одним человеком и разрешать ей свободно разгуливать с другим.

– Если вы настаиваете, – сказал Гогирван Гор, – я, конечно, могу запереть вас обоих в отдельные темницы до дня свадьбы. Но мне кажется, что вы-то должны жаловаться в последнюю очередь.

– Скажу вам прямо, сударь, что разборчивые люди заявили бы, что вы очень мало заботитесь о чести дочери.

– На это есть несколько ответов, – сказал король. – Первый состоит в том, что я вспоминаю покойную жену с большой нежностью и думаю, что у меня есть лишь ее слово в отношении того, что Гиневра – моя дочь. Другой ответ гласит, что хотя моя дочь – тихая, хорошо воспитанная молодая женщина, я никогда не

слышал, чтобы король Фрагнар был чем-то в этом же роде.

– О, сударь, – ужаснувшись, сказал Юрген, – на что вы намекаете?

– В пещерах происходят всевозможные вещи – вещи, которыми мудрее пренебрегать при солнечном свете. Я и пренебрегаю! Я не задаю вопросов. Мое дело – пристойно выдать дочь замуж и только. Открытия, которые может сделать ее муж впоследствии, – его трудности, а не мои. Вот что я мог бы сказать вам, мессир де Логрей, в качестве ответа. Но настоящий ответ – попросить вас обдумать такое заявление: честь женщины обеспокоена одной-единственной вещью, а честь мужчины этой вещью не обеспокоена вовсе.

– Но вы говорите загадками, король, и я не понимаю, чего вы от меня хотите.

Гогирван ухмыльнулся.

– Очевидно, я советую вам быть благодарным, что вы родились мужчиной, поскольку у сильного пола намного меньше нужды волноваться по поводу разрыва.

– Какого разрыва? – спросил Юрген.

Гогирван рассказал ему.

Герцог Логрейский во второй раз ужаснулся.

– Ваши умствования, король, отвратительны и вряд ли облегчат мои страдания. Однако мы говорим о вашей дочери, и рассматривать нужно скорее ее, чем меня.

– Теперь я чувствую, что вы меня правильно поняли. Но во всем, касающемся моей дочери, я хочу, чтобы вы лгали, как порядочный человек.

– Боюсь, сударь, – сказал Юрген после небольшой паузы, – что вы человек с отчасти вырождающимися идеалами.

– Но вы же молоды. Молодость, будучи достаточно энергична, может позволить себе идеалы и выдерживать тяжелые удары, которые из-за этих идеалов получает их владелец. Но я-то старик, мучимый вялым сердцем и довольно пронизательным взглядом на жизнь. Такое сочетание, мессир де Логрей, очень часто вынуждает меня не вовремя смеяться просто потому, что я знаю, что вот-вот совершенно некстати расплачусь.

Так ответил Гогирван. Он некоторое время молчал, созерцая огонь. Затем махнул сморщенной рукой в сторону окна и начал задумчиво говорить:

– Мессир де Логрей, сейчас в моем городе Камельяре ночь. А где-то одна из крыш скрывает девушку, которую назовем Линеттой. У нее есть возлюбленный – скажем, его зовут Саграмор. Имена не важны. Этой ночью, когда я говорю с вами, Линетта неподвижно лежит на широкой резной кровати, которая прежде принадлежала ее матери. Она думает о Саграморе. Комната темна, только лунный свет серебрит ромбовидные стекла в старинных окнах. В каждом углу комнаты таятся трепещущие тени.

– О, сударь, – говорит Юрген, – да вы тоже поэт!

– Не перебивайте меня! Линетта, повторяю, думает о Саграморе. Они сидят у озера под яблоней, более старой, чем Рим. Узловатые ветви подняты, словно в благословении, а лепестки соцветий – дрожащие, трясущиеся, колышущиеся, – вечные белые лепестки беззвучно падают в тишине. Никто не произносит ни слова, ибо в этом нет нужды. Саграмор молча смахивает лепестки с черных волос девушки и молча целует ее. Озеро сумеречно и полупрозрачно, как нефрит. Низко на бледном небе светят две одинокие звезды. Забавно, что грудь у мужчины волосатая, очень забавно! Поет какая-то птица, и серебряная игла звуков пунктиром прокалывает тишину. Разумеется, высокие небеса окрашены в спокойные, удивительно прелестные тона. Так, по крайней мере, думает Линетта, лежа без движения, как мышка, на широкой кровати, на которой она родилась.

– Очень волнующий штрих, – вставил Юрген.

– Теперь возникает совсем иное пение. Сейчас в этой песне закрываются кабаки, гремят ставни, шаркают подошвы и икают пьяные. Саграмор убивает любовную песню. Он льет хмельные слезы,

подбираясь все ближе и ближе к окну Линетты, а его сердце полно великодушия, ведь Саграмор празднует свою самую последнюю победу. Не думается ли вам, что это или нечто похожее происходит сейчас в моем городе Камельяре, мессир де Логрей?

– Это происходит ежеминутно, – сказал Юрген, – повсюду, потому что такова порой каждая женщина и таков постоянно каждый мужчина.

– Это жуткая истина, – продолжил Гогирван. – Вы можете воспринять ее в качестве одной из многих причин, почему я не вовремя смеюсь, чтобы нехотать не расплакаться. Ибо это происходит: происходит в моем городе и в моем замке. Хотя я и король, я не в силах предотвратить это. Я могу лишь пожать плечами и взбодрить старую кровь новой бутылочкой. Тем не менее, я сильно привязан к молодой женщине, которая, вполне возможно, является моей дочерью. И вам было бы полезно вспомнить это обстоятельство, мессир де Логрей, если вас когда-либо будут проверять на искренность.

Юрген ужаснулся.

– Но, сударь, невысказано, чтобы я повел себя с принцессой нечестно.

Король Гогирван продолжал смотреть на Юргена. Гогирван Гор ничего не говорил, и ни одна мышца на его лице не дрогнула.

– Хотя, конечно, – сказал Юрген, – из простой справедливости по отношению к ней я никогда добровольно не стану обсуждать какие-либо сведения, могущие причинить ей боль.

– Вновь я чувствую, – сказал Гогирван, – что вы меня понимаете. Однако я говорил не только о дочери, но обо всех.

– Как же тогда, сударь, вы хотите, чтоб я обращался со всеми?

– Что ж, я лишь могу повторить свои слова – сказал Гогирван весьма настойчиво. – Я хотел бы, чтоб вы лгали, как порядочный человек. А теперь уходите, я хочу спать. Я не проснусь до тех пор, пока моя дочь не выйдет замуж. И это единственное что я могу для вас сделать.

– Вы думаете, король, что такое поведение достойно уважения?

– О, нет же! – с удивлением проговорил Гогирван. – Это то, что мы назовем филантропией.

Глава XIV

Предварительная тактика герцога Юргена

Так Юрген жил при дворе и какое-то время был доволен своим положением. Он любил принцессу – прекраснейшую и совершеннейшую из смертных, и он любил ее (обстоятельство, которое вновь и вновь приходило ему на ум) так, как не любил никто за всю всемирную историю! А очень скоро ему предстояло посторониться и увидеть, как она выходит замуж за другого. Такая ситуация доставила бы наслаждение рыцарственному двору Глатиона, так как в точности выполнялось все, требуемое для рыцарского романа.

Внешность Гиневры, которую Юрген любил всем сердцем, такова: она была среднего роста, а ее фигура еще не вполне стала фигурой женщины; у нее были прекрасные, очень густые волосы пшеничного цвета; когда Гиневра распускала волосы, Юрген, словно за настоящим чудом наблюдал, как они, ниспадая, прилегают к маленькой головке и тонкой шейке, а затем смело рассыпаются и обволакивают ее плечи легким нежным потоком бледного золота. Юрген получал истинное наслаждение от ее волос и при все усиливающейся близости любил притянуть большие пряди к своему затылку, переплести их там и прижать нежные пригоршни ее душистых волос к своим щекам, целуя принцессу.

Голова у Гиневры, нужно повторить, была маленькая: вы удивились бы гордому свободному вскидыванию этой головки, которой приходилось удерживать на себе такую тяжесть. Лицо у Гиневры было нежного, мягкого оттенка: лица других женщин он делал похожими на произведение живописца вывесок, просто на мазню. У Гиневры были серые глаза, прикрытые невероятно длинными ресницами, которые причудливым образом загибались. Брови образовывали над глазами весьма высокие дуги: это казалось почти недостатком. Нос у нее был тонким и вздернутым, подбородок – воплощенной дерзостью, а рот – крошечным, неодолимым искушением.

– Но на самом деле нет никакого смысла описывать эту прелестную девушку, словно я занимаюсь переучетом товаров на витрине, – сказал Юрген. – Аналогии весьма хороши, и у них есть неопровержимое одобрение привычки. Тем не менее, когда я заявляю, что волосы у обожаемой возлюбленной напоминают мне золото, я совершенно сознательно лгу. Они выглядят, как любые желтоватые волосы, и никак иначе. И я добровольно не рискну пройти ближе, чем в трех саженьях, от женщины, у которой на голове растет проволока или еще какое-то железо. А уверять, что глаза у нее серые и бездонные, как море, тоже весьма занятно, и подобного рода вещей, по-видимому, от меня ждут. Но вообразите, насколько ужасны были бы лужи, разлитые у дамы в глазницах! Если бы мы, поэты, действительно узрели чудовищ, о которых слагаем стихи, мы бы с криком убежали прочь. Все же мне весьма нравится эта сирвента.

Юрген создал сирвенту в честь Гиневры. При дворе Гогирвана существовал приятный обычай: каждый мужчина должен сложить стихи, посвященные даме, в которую он безнадежно влюблен. В этих стихах он обязан обращаться к даме (как к той, чье имя чересчур свято, чтоб ее упоминать) иначе, нежели поступали ее крестные. Так что герцог Логрейский соответственно воспел свою Филлиду.

– Я позаимствовал для моей дорогой возлюбленной имя той знаменитой, но стоящей намного ниже для меня дамы, которую любил Ариф Бельсизский, – объяснил он. – Вы вспомните: Полигер подозревал, что она была княжной дома Склеровеев. И вы, конечно, не забыли мастерские резюме о правдоподобности этого в «Гераклии» Пизандера.

– О да, – сказали все. И на придворных Гогирвана Гора, как и на Матушку Середу, эрудиция молодого герцога Юргена произвела сильное впечатление.

Ибо ныне Юрген являлся герцогом Логрейским в блестящей рубаше и с диадемой на уздечке коня, показывающей это. Она с натяжкой походила на герцогскую корону, но несоответствия всегда можно объяснить.

– Это конь графа Джармуида. Вы, несомненно, слышали о Джармуиде, спрашивать просто оскорбительно.

– О, вовсе нет. Это же юмор. Мы отлично понимаем ваш юмор, герцог Юрген.

– И я нашел этого славного Джармуида очень неплохим бойцом, когда путешествовал по западу. И так как в пылу беседы он убил моего скакуна, я был вынужден взять его коня, после чего устроил бедному Джармуиду соответствующее погребение. О да, очень неплохой боец, и я много слышал о нем в Логрее. Он был, как помните, властелином Орка и Персонта, хотя, конечно же, поместье досталось ему по материнской линии.

– О да, – сказали все. – Не думайте, что мы здесь, в Глатионе, совершенно отгородились от внешнего мира. Мы слыхали обо всем этом. И мы также слыхали много прекрасного о вашем герцогстве Логрей, мессир.

– Вне всякого сомнения, – сказал Юрген и вновь обратился к пению.

– Молю, неоценимая Любовь, – распевал он, – чтоб ты превознесла мою любовь; Логрей Филлиде дарит ту любовь, не отвергай нежнейшую любовь! А почему? Отвечу я: любовь – мои еда, питье; когда ж любовь во мне, нет ничего вокруг, любовь одна; ты мне преподала любовь.

Тут Юрген застонал с прекрасно модулированным пылом и продолжил:

– Она ж коль так третирует любовь, что игнорирует мою любовь, то больше не прошу! Не ты, Любовь, а Смерть, моим предметом будь, любовь которая не терпит; но любовь – сладка, отдай Ей свой соблазн, Любовь.

Так, довольно мелодично, Юрген пел о своей Филлиде, а подразумевал (как знал каждый) принцессу Гиневру. Поскольку обычай вынуждал его торговать аналогиями, он торговал ими оптом. Самоцветы и металлы, цветы полей и садов, огни и раны, рассветы и благовония, арсеналы смертоносного оружия, лед и скопления мифологических божеств были его товаром. Затем моря и небеса посыпались явлениями, упоминаемыми с пренебрежением, по сравнению с той или иной чертой Юргеновой Филлиды. Зоология и история, а главным образом запавшее в память содержимое его ростовщической лавки, тщательно рассматривались и делались мишенями обесценивания, тогда как, говоря о знаменитых женщинах, которых любили поэты древности, герцог Юрген наносил безусловные оскорбления, позволяя себе довольно грубые шутки. И все же он старался быть справедливым и допускал, что эти бедные создания могли представляться в достаточно благоприятном свете тем, кто никогда не видел его Филлиду. И всем этим сведениям дама, которую он воспевал, охотно внимала.

«Она – принцесса, – раздумывал Юрген. – Она очень красива. Она молода, и, каким бы ни было мнение ее отца, довольно смыслена для женщины. Нельзя желать большего. Тогда почему же я не схожу от нее с ума? Она уже позволила пару поцелуев, когда поблизости никого не было, а вскоре позволит большее. И она думает, что я умнее всех на свете. Давай же, Юрген! Неужели в этом молодом подвижном теле, которое ты снова получил, нет сердца? Давай же испытаем небольшой восторг и возбуждение в этой многообещающей ситуации!»

Но Юргену почему-то это не удавалось. Его интересовало то, что, как он знал, должно произойти. Да, без сомнения, он предвкушал более интимную беседу с этой прекрасной юной принцессой, но скорее так, как ожидают любимый десерт. Юрген чувствовал, что связь, достигнутая в таком духе, была бы ни то ни се.

«Если б я чувствовал себя только хладнокровным злодеем, меня бы, на худой конец, можно было понять. Но я не намереваюсь причинить девушке какого-либо вреда, мне она искренне нравится. Я буду говорить как никогда великолепно, расширю ее воображение и доставлю ей (я льщу себе) огромное удовольствие. Оставив в стороне вульгарные предрассудки, я не сделаю ее ни на йоту хуже. Что ж, дорогое мое создание, даже ради выкупа семи императоров я не причиню тебе вреда! В таких вопросах благоразумие – это все, просто все. Но, совершенно определенно, я не хладнокровный злодей и буду обращаться с принцессой честно».

Так Юрген разочаровывался в собственных чувствах, пока исследовал их, ощупывал и переносил на новую точку зрения лишь для того, чтобы найти их не более подходящими, чем прежде: но он прикрывал несоответствие своих чувств весьма трогательным усердием. История не увековечивает его разговоров с Гиневрой. Юрген теперь изрекал явный бред: так ребенку дают конфеты с безосновательным изумлением от аппетита дитяти. И Юрген лениво наступал, спешки не было, для завершения плана оставались недели. Между тем в этой обыденной работе была известная привлекательность.

Любитель согласовывает разные предметы, зная, что одно непременно ведет к другому. В достойных уважения намеках на любовь, которая осознает свою безнадежность, нет вообще никакого вреда. Это обстоятельство Юрген просто отметил и собирался миновать его. Лишь Гиневра была вынуждена благопристойно принижать собственную привлекательность как причину, не соответствующую таким сильным страданиям. Обычная любезность требовала, чтобы Юрген дал опровержение. Чтобы подчеркнуть особый момент, оратор был вынужден взять свою слушательницу за руку: посторонние делали это каждый день, и она не возражала. Более того, вот она, рука, и не так уж незаконно задержана, как на это явно намекается. Как еще он докажет, что у принцессы Глатиона самая прелестная ручка на свете? Суть не в том, что он мог просить Гиневру признать молву: ведь Юрген хотел обращаться с ней честно.

Но, перед тем как потерять прелестнейшую на свете ручку ценитель, естественно, поцелует каждый пальчик: этот поступок – просто дань совершенству и не служит каким-либо личным нуждам. Кроме того, поцелуй, если об этом хорошенько подумать, где бы его ни запечатлеть, как полагал Юрген, лишь церемониал без какой-либо существенной неправомерности. Девушка, не возражавшая против этого церемониала – чего опять-таки требовал обычай – все еще была, оставаясь непорочной, убеждена в своей ошибке.

«Так что теперь, – сказал некоторое время спустя Юрген, – вы сами все видите. Разве между нами что-нибудь изменилось? Разве мы не сидим здесь, как и прежде? Что ж, разумеется, поцелуй, как подтверждено, это совершенно безобидное действие, и в нем, так или иначе, нет ничего страшного. У него даже есть своя приятная сторона. Поэтому нет нужды устраивать шум по поводу поцелуев или обнявшей вас руки, когда так сидеть намного удобнее: как можно разумно отказывать искреннему другу в том, что позволяет кузену или старой рясе?»

Это было бы бессмыслицей, как продемонстрировал Юрген с помощью очень удачных цитат из Напсака.

Продолжая сидеть таким образом, говорящий без умолку, в пылу беседы он, естественно, жестикулировал, и красноречие во многом зависело от его рук. Когда кто-либо говорит, перебивать невежливо, тогда как прямо схватить руку мужчины (заметил в скобках Юрген) немного преждевременно. Нет, он в действительности не считал, что Гиневре вполне надлежало держать его за руку. Давайте сохранять этикет, даже в мелочах!

– Ах, но вы же знаете, что поступаете плохо!

– Я поступаю плохо? Я, который просто сидит и говорит что есть сил, пытаюсь вас развлечь? Но, принцесса, скажите мне, что вы имеете в виду?

– Вы наверняка отлично знаете, что я имею в виду.

– Но я заявляю, что не имею ни малейшего представления об этом. Откуда я могу знать, что вы имеете в виду, когда вы отказываетесь мне об этом сказать.

А поскольку принцесса не была склонна выражать словами то, что она имела в виду, все какое-то время оставалось, как и прежде.

Таким образом, Юрген согласовывал предметы, зная, что одно непременно ведет к другому. Короче, как Юрген и предчувствовал, дело продвигалось очень быстро.

Обычно Юрген разговаривал с Гиневрой в скудно освещенных помещениях. Он предпочитал их, потому что там его не беспокоила та необъяснимая тень, которая на солнце выводила его из себя. Никто, по-видимому, не замечал этой нелепой тени. В действительности, было ясно, что никто не видел ее, кроме Юргена. Тем не менее, она его тревожила. С самого начала он помнил Гиневру лишь как нежный голос и усадительный аромат в сумерках, как не совсем отчетливо видимую красоту.

И его тревожили люди Гогирвана. Крючковатый долговязый старик король был выкинут Юргеном из головы, как загадка, достаточно несерьезная для того, чтоб ее стоило разгадывать. Гогирван, похоже, сразу же набрался терпения, несмотря на некоторую раздражительность характера, и обдумывал какую-то тайную шутку. Он был странен и, похоже, отвратителен. Но, надо отдать старому мошеннику должное, он

не вмешивался не в свои дела.

Окружение Гогирвана, однако, сбивало с толку. Эти люди, считавшие, что все, чем ты владеешь, дано взаймы для того, чтобы ты посвятил себя служению своему Богу, своему королю и каждой женщине, встретившейся на пути, едва ли могли вести себя разумно. Разговоры о служении Богу звучали высокопарно и вдохновенно, как барабан; да, но у барабана внутри нет ничего, кроме воздуха. Священники разглагольствовали о всевозможных вещах; но верил ли кто-нибудь, что на галантного епископа Мерионского, к примеру, всегда можно положиться?

– Мне понравилось мнение на этот счет жены принца Эврока, – сказал Юрген с усмешкой. Было хорошо известно, что отношения между госпожой Алундиной и епископом были налажены настолько осмотрительно, что не давали никакого повода для скандала.

Что касается служения королю, тут явно для любого, кто это выбрал, существовал Гогирван Гор, чтобы уважать его и им восторгаться. Гогирван, возможно, был достаточно хитер, но, по мнению Юргена, очень мало походил на помазанника Божьего. С другой стороны, он напоминал Юргену свояка-бакалейщика, не одаренного дружеской заинтересованностью торговца в покупателях. Гогирван Гор являлся личностью, которая, по представлениям Юргена, просто не могла быть избрана любым смышленным божеством в качестве наместника. И, в конце концов, когда доходило до служения женщинам, какого рода службу больше всего ценили женщины? У Юргена был припасен довольно удачный ответ, но он не подходил для высказывания в их присутствии.

«По моему разумению, в сущности, никто не способен содействовать повышению моей популярности в Глатионе, поскольку я чудовищно умный малый, относящийся ко всему по справедливости. Поэтому я всегда должен помнить, из справедливости к самому себе, что, весьма вероятно, имею дело с сумасшедшими. Однако Рим был прекрасный город, а спасли-то его гуси. Эти люди, возможно, правы. И, определенно, я не могу зайти так далеко и сказать обратное: но все же, в то же самое время... Да, вот так я все это ощущаю».

И Юрген жил при рыцарственном дворе Глатиона и приспосабливался ко всем его обычаям. В вопросе любовных песен никто более не возражал, что дама, которую он любил (конечно же, абсолютно безнадежно), воплощала все божественные совершенства. А когда доходило до рыцарского служения, обладание Калибуром делало отправление на тот свет воров, великанов и драконов едва ли похожим на занятие для порядочного мужчины. Все же Юрген время от времени немного сражался для того, чтобы соответствовать обычаям Глатиона. И герцога Логрейского повсеместно считали весьма многообещающим молодым рыцарем.

И все время он волновался, поскольку смутно ощущал тот идеал, которому служили в Глатионе, и красоту этого идеала, но не мог в него верить. Тут вновь была прелесть, ощущаемая в полумраке, не совсем отчетливо видимая красота.

«Однако, разве я не чудовищно умный малый, – успокаивал он себя, – чтобы их всех обмануть? На подобную шалость, я, по-моему, имею полное право».

Таким образом, Юрген пребывал среди особ, для которых жизнь была суровым путешествием к Дому. Там их ждал Бог Отец, готовый, если надо, наказать, но преисполненный желания простить, по обычаю всех отцов. То, что человек в пути немного марался, а порой по ошибке забредал не на ту тропинку, отцы понимали. Между тем здесь находилось вездесущее напоминание о Его совершенстве в образе женщины – прекраснейшем и благороднейшем из Его творений. Таким образом, каждая женщина была символом великодушного и благоговейного почитания. Так говорили все.

– Ну, разумеется! – подтверждал Юрген. И в поддержку своей позиции он весьма поучительно цитировал Офелиона, Фабиана Папирия и в придачу Секстия Черного.

Глава XV

О компромиссах в Глатионе

История гласит, что некоторое время спустя из простой справедливости к Гинебре герцог Юрген предоставил ей возможность для искреннего разговора в действительно частной обстановке. Ибо с условностями, конечно же, нужно считаться. Время принцессы ей не принадлежит, и в любое время дня всевозможные люди склонны просить ее аудиенции как раз тогда, когда какая-нибудь наиболее важная беседа может принести весьма значительные плоды. Но по ночам Судный Зал оставался свободным и неохраемым.

– Но мне бы никогда и в голову не пришло такое, – сказала Гинебра, – и что вы обо мне думаете, делая такое предложение?

– Этот вопрос, моя дорогая, я тоже хочу обсудить в приватной обстановке.

– А если бы я доложила о вашей наглости отцу?..

– Вы бы чрезвычайно его взволновали. А наш долг – защищать стариков от любых огорчений.

– Но, кроме всего прочего, я боюсь.

– О, моя дорогая, – сказал Юрген, и его голос задрожал, потому что его любовь и печаль показались ему очень сильными. – Но, моя дорогая, возможно ли, что у вас нет веры в меня? Всем своим телом и душой я люблю вас, я люблю вас с тех пор, как впервые взял в свои ладони ваше лицо и понял, что никогда прежде не знал подобной красоты. На самом деле я, как мне кажется, люблю вас так, как ни один мужчина в прошлом не любил женщину, ибо моя любовь – это поклонение, никак не меньше. Прикосновение вашей руки приводит меня в трепет, дорогая моя, а взгляд серых глаз заставляет забыть, что где-то есть боль, горе и зло. Вы прелестнейшее из всего, что Бог сотворил, радуясь новому искусству, которому научились Его пальцы. А у вас нет в меня веры!

Тут принцесса, чуть всхлипнув, рассмеялась от удовольствия и раскаяния и сжала руку своего разбитого горем возлюбленного.

– Простите меня, Юрген, я не могу вынести вашего несчастного вида!

– О, что вам мои невзгоды? – с горечью спросил он.

– Они значат для меня очень много, мой дорогой! – прошептала она.

И Юрген никогда не забывал развязку: когда он ждал за дверью, а в щели между полуоткрытой дверью и косяком видел, как нерешительно приближается Гинебра – колеблющееся белое пятно в темном коридоре. Она пришла поговорить с ним туда, где их никто не побеспокоит и не прервет. Она пришла, изысканно надушенная, в одной ночной рубашке. Юрген дивился манерам этих женщин даже тогда, когда его руки обняли ее в темноте. Он всегда помнил ощущение этого теплого, гибкого и податливого тела, совершенно нагого под тонкой тканью рубашки, когда его руки впервые обняли принцессу. Из всех мгновений та последняя напряженная минута, перед тем как заговорить, осталась в его памяти в качестве самой совершенной.

Однако последовавшее за этим было достаточно приятным, так как происходило не на чем ином, как на широком и мягком королевском троне, где Гинебра и Юрген нашли пристанище, чтобы поговорить там, где их никто не побеспокоит и не прервет. Трон Гогирвана под балдахин в неосвещенном зале был совершенно темен, а в темноте никто не мог видеть, что происходит.

Впоследствии они вдвоем умудрялись беседовать на троне Глатиона ежедневно. Но в памяти Юргена остался лишь тот последний миг за дверью да шесть высоких окон на восточной стороне зала – голубые с серебром окна, которые роскошно блестели в это время ночи, когда луна уже поднялась над верхушками деревьев, но еще недостаточно высоко, чтобы скрыться за карнизом. Это, по сути, все, что видел Юрген в Судном Зале. Был короткий промежуток времени, когда на полу под каждым окном показывался узкий прямоугольник лунного света. Но окна так глубоко сидели в стенах, что это вскоре прекращалось. На

западной стене было также шесть окон, но там располагался портик, и свет с запада никогда не проникал.

Вот так в темноте они смеялись и переговаривались, понизив голос до шепота. Юрген приходил на эти встречи, изрядно накачавшись вином, и вследствие этого, как он вполне понимал, говорил, словно ангел, не ограничивавший себя исключительно небесными темами. Часто он сам получал наслаждение от собственного великолепия, и ему было жаль, что нет никого под рукой, чтоб все это записать. Многие из его речей превосходили умственное развитие любой девушки, пусть даже такой прекрасной и восхитительной.

А Гиневра, как он обнаружил, по ночам говорила намного красноречивее. Но не одно вино всецело заставляло его так думать. Девушка проявляла ту грань своей натуры, которую скрывала днем. Она утверждала, что девушка, в значительно меньшей степени принцесса, не должна знать больше, чем то, что согласуется с мужским представлением о девичьем невежестве.

– Еще никто не рассказывал мне так много о столь интересных вещах. Помню... – И Гиневра поведала необычайно трогательную историю, здесь неуместную, случившуюся с ней три или четыре года тому назад. – Тогда еще была жива моя мать, но она не говорила о подобном ни слова, и, испугавшись, я не пошла к ней.

Юрген задал несколько вопросов.

– Ну, да. Ничего иного не оставалось. Я не могу говорить свободно со своими служанками и придворными дамами – даже сейчас. То есть не могу их расспрашивать. Конечно, я слышу, как они говорят между собой. Узнавать нечто большее не подобало бы принцессе. И я лишь тихо гадала относительно множества вещей! – Она привела примеры. – После этого я стала наблюдать за животными и домашней птицей. Так я разрешила для себя некоторые проблемы – до известной степени. Но никто ничего не рассказывал мне открыто.

– Однако смею сказать, что Фрагнар... в общем, король троллей, будучи очень мудрым, должен был сделать животный мир намного нагляднее.

– Фрагнар – умелый чародей, – отозвался из темноты застенчивый голос. – И из-за мощи его отвратительного искусства я не помню ничего о Фрагнаре.

Юрген невесело рассмеялся. Все же в отношении Фрагнара он сейчас был достаточно уверен.

Так они разговаривали, и Юрген дивился, как делали в былые времена миллионы мужчин, готовности девушки – сейчас, когда преграды уничтожены, – обсуждать в подробностях все те предметы, которые этикет прежде принуждал игнорировать. О своих служанках, например, она предоставила ему очень любопытные сведения, а касательно мужчин вообще задала несметное количество вопросов, которые Юрген нашел обворожительными.

Так невинность сочеталась – в целом – с определенной нравственной тупостью, казавшейся непостижимой. Юргену сейчас стало ясно, что Гиневра не совсем соблюдала те внешние приличия, которые по праву можно ожидать от принцессы. По крайней мере, в отношении этих, совершаемых украдкой дел можно было надеяться на раскаяние. И он тревожился, замечая, что Гиневра начала воспринимать все это почти как нечто само собой разумеющееся. Определенно, она, по-видимому, вообще не думала о какой-либо порочности. Самое большее, что она имела в виду, это необходимость быть очень осмотрительной. А пока она ни разу не перечила ему в этих частных беседах и во всем принимала его суждения. Ее побуждением сейчас казалось едва ли нечто большее, чем желание ему угодить. Словно она потакает ему в его глупости. «И все это за шесть недель!» – размышлял Юрген. И он кусал ногти, косо поглядывая внутренним взором на мнение короля Гогирвана Гора.

Но при свете дня принцесса оставалась неизменной. При свете дня Юрген обожал ее, но с ощущением ночной близости. Днем им очень редко предоставлялся случай побыть действительно наедине. Пару раз, однако, он целовал ее при свете солнца. А потом ее глаза становились трогательными, но осторожными, и общение протекало весьма скучно. Она не отталкивала его, но оставалась принцессой, оценивающей свое положение, и вообще не походила на ту невидимую особу, которая говорила с ним по ночам в Судном Зале.

Некоторое время спустя, по взаимному согласию, они начали избегать друг друга при свете дня. На самом деле все время принцессы сейчас было занято, так как в Глатион пришел корабль с шафрановыми парусами и драконом, расписанным тридцатью цветами, на носу. Таков был корабль, привезший мессира Мерлина Амброзия и госпожу Анайтиду, Хозяйку Озера, с большой свитой, чтобы доставить юную Гиневру в Лондон, где она должна была выйти замуж за короля Артура.

Сначала последовала неделя пиров, турниров и всевозможных увеселений. Трубили трубы, а на помосте, разукрашенном флагами и модными гобеленами, сидел, покачивая головой и моргая, король Гогирван в ярчайшем одеянии, чтобы выявить победителя. А на поле радостно выехала толпа герцогов, графов, баронов и множество знаменитых рыцарей, чтобы состязаться за честь и жемчужное ожерелье.

Юрген пожал плечами и почтил обычай. Герцог Логрейский оправдал свою отменную репутацию на открытии турнира, выбив из седла рыцаря Додина ле Дикара, графа Рота Мелиотского, рыцаря Эпиногриса и рыцаря Гектора де Мари. Затем, как ураган, налетел граф Дамас Листенизский, и Юрген удовлетворенно соскользнул по хвосту своего прекрасного коня. Он отыграл свою роль в турнире и от души был этому рад. Он предпочитал скорее созерцать подобные празднества, нежели участвовать в них, и теперь стал следовать своему призванию с самым утонченным страданием, поскольку считал, что никогда ни один поэт не занимал более живописного положения.

Днем он был герцогом Логрейским, что само по себе являлось заметным продвижением по сравнению с ростовщичеством; после прихода ночи он обесценивал личные привилегии короля. Это была тайна, обман всех окружающих, что его особенно радовало, а при мысли, какой чудовищно умный малый Юрген, он почти забывал о том обстоятельстве, что страдает из-за нависшего над ним замужества дамы, которую любит.

Пару раз он ловил на себе взгляд ясных старческих глаз Гогирвана. Юрген к этому времени питал к Гогирвану отвращение как к человеку, занимающемуся мерзкими, бесчестными сделками.

«Так дурно заботиться о собственной дочери – размышлял Юрген, – постыдно. Человек пренебрегает отцовскими обязанностями, а поступать так нечестно».

Глава XVI

Сложная ситуация у короля Смойта

В дальнейшем случилось так, что три ночи подряд принцесса Гиневра была лишена возможности беседовать с Юргеном в Судном Зале. Поэтому в один из свободных вечеров герцог Юрген устроил попойку с Арибером и Ориеном – двумя баронами Гогирвана, только что вернувшимися из Пенгвэд-Гира и рассказывавшими сомнительные истории о Воинственных Феях, расположившихся гарнизоном в этом местечке.

Все трое слыли бывалыми пьяницами, так что Юрген лег в постель, изрядно набравшись, готовый к чему угодно. Позднее он сел в постели и обнаружил, что все происходит именно так, как он и подозревал. Комнату посетили духи, и у изножья его ложа находились два призрака: один – нахальный на вид, искоса поглядывавший фантом в старомодных доспехах, а с ним – прекрасная бледная дама в ниспадающей складками белой одежде.

– Доброе вам обоим утро, – сказал Юрген, – и прошу прощения, что не могу выразить, как рад вас видеть. Хотя вы весьма желанные гости, раз можете находиться в комнате бесшумно. – Видя, что оба фантома выглядят озадаченными, Юрген продолжил объяснения: – В прошлом году, когда я ездил по делам в Вестфалию, мне, на беду, пришлось провести ночь в населенном духами Нейедесбергском замке, где я вообще не мог заснуть. Там за главного был один призрак, который упорно звенел тяжелыми железными цепями и уныло стонал всю ночь напролет. Ближе к утру он преобразился в чудовищного кота и забрался на спинку моей кровати. Сидя на ней, он выл до рассвета. А так как я несведущ в немецком, то был манер. Сейчас же я надеюсь, что как соотечественники или, говоря более точно, бывшие соотечественники, вы оцените, что такое поведение не лезет ни в какие ворота.

– Мессир, – сказал призрак мужчины и распрямился во весь рост, – вы виновны в том, что нахально питаете такое подозрение. Я могу лишь надеяться, что оно проистекает из вашего неведения.

– Ибо я уверена, – вставила дама, – что мне всегда не нравились коты, и у нас в замке их никогда не было.

– Простите мою прямооту, мессир, – продолжил призрак-мужчина, – но вы не можете вращаться в благородном обществе, если на самом деле не в силах отличить представителей семейства кошачьих от членов правящей династии Глатиона.

– Я видел вдовствующих королей, которые оправдывали подобное замешательство, – заметил Юрген. – Все же умоляю простить меня, потому что я не имел представления, что обращаюсь к августейшим особам.

– Я – король Смойт, – объяснил фантом-мужчина, – а это моя девятая жена, королева Сильвия Теря.

Юрген поклонился так изящно, как (льстил он себе) только было возможно при таких обстоятельствах. Не так-то легко изящно поклониться, сидя в постели.

– Весьма часто я слышал о вас, король Смойт, – сказал Юрген. – Вы – дедушка Гогирвана Гора и убили свою девятую жену, и восьмую жену, и пятую жену, и третью жену тоже. Вас прозвали Черным Королем, так как вы имели репутацию самого безнравственного монарха, который когда-либо правил Глатионом и Красными Островами.

Юргену показалось, что король Смойт проявил некоторое смущение, но трудно определить, когда призрак рдеет от стыда.

– Вероятно, обо мне выражались подобным образом, – проговорил Смойт, – ибо соседи – страшные сплетники, а мне не везло в браках. И я сожалею, с горечью сожалею, но признаю, что в миг крайнего, однако не совсем уж ничем не вызванного возбуждения я умертвил даму, которую вы сейчас лицезреете.

– А я уверена, что моей вины тут нет, – сказала Сильвия Теря.

– Несомненно, моя дорогая, ты сопротивлялась изо всех сил, и мне бы лишь хотелось, чтоб ты была более крупной и здоровой женщиной. Но, полагаю, вы можете сейчас ощутить, мессир, как глупо ожидать, что возвышенный король Глатиона и его королева, в которой он души не чаёт, сядут к вам на кровать и завоюют?

И, поразмыслив, Юрген признал, что никогда ничего такого не переживал, да и не мог вспомнить (веско добавил он) ни одного подобного инцидента, происшедшего с его друзьями.

– Представление определенно нелепое, – продолжил король Смойт и очень мрачно улыбнулся. – Мы же пришли сюда с совершенно другими намерениями. По сути, мы хотим попросить у вас как у члена семьи помощи в одном деликатном деле.

– Я был бы рад, – ответил Юрген, – оказать вам услугу любым возможным способом. Но почему вы называете меня членом семьи?

– По правде говоря, – усмехнулся Смойт, – я не заявляю никаких прав на родство с герцогом Логрейским...

– Порой, – говорит Юрген, – некоторые люди предпочитают путешествовать инкогнито. Будучи королем, вы должны это понять.

– ...Меня интересует скорее внук Стейнворы. Теперь, не сомневаюсь, вы вспомните вашу бабушку Стейнвору, эту очаровательную старушку. Но я-то помню Стейнвору – жену Людвига, одну из прелестнейших девушек, которую когда-либо освещал королевский взор.

– О, сударь, – проговорил, ужаснувшись, Юрген, – что вы мне такое рассказываете?

– Всего лишь то, что у меня всегда была нежная натура, – ответил король Смойт, – и что в те дни я был прекрасным, честным и прямым молодым королем. И одним из результатов этого стал ваш отец, которого люди звали Коттом, сыном Людвига. Но могу вас уверить, что Людвиг не сделал ничего, чтобы заслужить это.

– Ну и ну! – сказал Юрген. – Все это весьма скандально и к тому же очень печально: вам всучивают совершенно нового деда в такой ранний час. Все же это произошло давным-давно, и, если Людвиг не расстраивался по этому поводу, я тоже не вижу причины расстраиваться. И, кроме того, король Смойт, возможно, вы говорите неправду.

– Если ты сомневаешься в моем признании, милостивый внук, тебе нужно лишь взглянуть в ближайшее зеркало. Именно из-за этого мы и рискнули потревожить твой сон. По-моему, ты обладаешь поразительным сходством. У тебя налицо все наши фамильные черты.

Тут Юрген внимательно рассмотрел короля Смойта Глатионского.

– На самом деле, – сказал Юрген, – разумеется, весьма лестно, когда тебе говорят, что у тебя царственная внешность. Я вообще не знаю, что сказать в ответ на подразумеваемый комплимент, не показавшись неучтивым. Я ни на миг не поставил бы под сомнение то, что вы в свое время были весьма восхитительны и также, без сомнения, весьма справедливы. Тем не менее... в общем, мой нос, по тем впечатлениям, которые до сих пор позволяли получить зеркала, не является вздернутым.

– Но общеизвестно, что внешний вид обманчив, – заметил король Смойт.

– А что касается левой стороны вашего лица, – возразила королева Сильвия Теря, – я обнаруживаю отчетливое сходство.

– Я могу показаться чересчур тупым, – сказал Юрген, – так как я немного туповат. У меня такая черта, очень плохая черта, сформировавшаяся в раннем детстве, и я не в силах от нее избавиться. Поэтому я не имею представления о том, на что вы вдвоем намекаете.

Ответил призрак короля Смойта:

– Объясню. Как раз шестьдесят три года назад в эту ночь я убил свою девятую жену при особо зверских обстоятельствах, о чем ты, проявив весьма дурной тон, сейчас упомянул.

Тут Юрген до некоторой степени смутился, почувствовав, что не пристало тому, кто совсем недавно отрезал голову собственной жене, вставать в позу праведника.

– Конечно, – сказал Юрген, мысля шире, – в браке всегда возможны такие мелкие семейные разногласия.

– Пусть будет так! Хотя, клянусь одиннадцатью тысячами спутниц Урсулы по путешествиям, было время, когда я не переносил подобной критики. Ладно, те времена давно прошли, и сейчас я – бескровное существо, которое ветер по своему усмотрению носит по краям, где еще вчера страшились короля Смойта. Но, что было, то было.

– Это кажется разумным, – сказал Юрген, – а быть малость риторичным – привилегия дедушек. Поэтому умоляю вас, сударь, продолжайте.

– Два года спустя я сопровождал императора Локрина в его походе против суетов – дурного, любящего роскошь народа, который особо почитает Гозарина. Должен сказать тебе, внучек, что это был крупный набег, совершенный отрядом неплохих бойцов на край благоденствия и красивых женщин. Но, увы, как говорится, во время нашего возвращения из Оснаха мой любимый полководец был взят в плен этим архизлодеем герцогом Коринеем Корнуоллским. А я, среди многих других, кто сопровождал императора, заплатил за наше развеселое воровство и душегубство очень горькую цену. Кориней не обладал широким кругозором и вообще не был тем, кого бы ты назвал светским человеком. Так что меня заточили в зловонную темницу... меня – Смойта Глатионского, покорившего Энисгарт и Саргилл в открытой битве и бесстрашно взявшего в жены наследницу Камвея! Но я избавлю тебя от неприятных подробностей. Достаточно сказать, что я не был удовлетворен своими покаяниями. Однако покинуть их можно было только одним способом. Он заключался в убийстве тюремщика – шаг, который, признаюсь, для меня отвратителен. Я преуспел в жизни и устал убивать людей, однако, по зрелом размышлении, жизнь бесстыдного мошенника, лишённого всякой доброты и малейшего сострадания, глухого даже к предложениям о подкупе, не казалась потрясающе важной.

– Легко могу вообразить, дедушка, что вас не очень глубоко интересовала природа и анатомия вашего тюремщика. Поэтому вы совершили неизбежное.

– Да, я вероломно убил его и бежал в неузнаваемом обличье в Глатион, где вскоре умер. Моя смерть как раз тогда была весьма досадна. Я вот-вот собирался жениться, а моя невеста была удивительно привлекательной девушкой – дочерью короля Тирного Грайнтнорского. Она стала бы моей тринадцатой женой. А за неделю до церемонии я споткнулся и упал на ступенях собственного замка, сломав себе шею. Унизительная кончина для того, кто был воином с заслуженной репутацией. По правде говоря, это заставило меня подумать, что, может, в конце концов, есть что-то в тех старых предрассудках насчет несчастливого числа «тринадцать». Но о чем я говорил?.. Ах, да! Также было несчастьем оказаться небрежным в отношении убийств. Вообрази, что за пару подобных дел я приговорен ежегодно в день совершения убийств посещать место своего преступления. Такое условие достаточно справедливо, и я не жалею, хотя, конечно же, это отнимает целый вечер. Но так случилось, что я вероломно убил тюремщика большим булыжником пятнадцатого июня. Несчастливая же сторона этого, по-настоящему неловкое положение состоит в том, что это с точностью до часа – годовщина смерти моей девятой жены.

– И ты убиваешь малозначительных посторонних в такой день! – сказала королева Сильвия. – Ты вылез из тюремного окошка, наряженный аббатисой, в ту годовщину, когда тебе следовало стоять на коленях в тщетном раскаянии! Но ты жестокий человек, Смойт, и ты оказал своей жене мало внимания тогда, когда ее вполне можно было помянуть, – это факт.

– Моя дорогая, признаю, что это небрежность с моей стороны. Не могу сказать ничего большего. В любом случае, внучек, после своей кончины я обнаружил, что подобная небрежность приводит к тому, что пятнадцатого июня в три утра я должен находиться в двух разных местах.

– Но это справедливо, – предположил Юрген.

– Пожалуй, это действительно справедливо, – согласился Смойт, – но, по-моему, это просто невозможно. Однако мне помог мой прапрадедушка Пенпингтон Врейчврас-ап-Мильванд Глазаньеф. В его лице тоже наблюдалось семейное сходство. И он настолько напоминал меня во всем, что, ко всеобщему удовлетворению, играл мою роль. И с помощью моей покойной жены каждый июнь воплощал в жизнь мое жуткое преступление на месте его происшествия.

– На самом деле, – сказала королева Сильвия, – он владел мечом намного лучше тебя, мой дорогой. Захватывающее удовольствие быть убитой Пенпингтоном Врейчврас-ап-Мильвандом Глазаньефом, и я всегда буду о нем горевать.

– Ты должен понять, внучек, что срок пребывания короля Пенпингтона Врейчврас-ап-Мильванда Глазаньефа в Чистилище истек, и он недавно отправился в Рай. Для него это, смею сказать, удовольствие, и я не жалею. А у меня не осталось никого, чтоб занять мое место. Ангелы, как ты легко поймешь, не разрешают совершать убийства, даже из доброты душевной. Они думают, что это создаст опасный прецедент.

– Все это, – сказал Юрген, – кажется прискорбным, но высказанным не до конца. Я отдам всю душу и еще половину, чтоб услужить вам, сударь, но не имею и семи восьмых представления о том, чего вы от меня хотите. Давайте же, скажите прямо!

– Ты, как я уже говорил, обладаешь семейным сходством с нами. Ты, по сути, живой двойник Смойта Глатионского. Поэтому умоляю тебя, милостивый внук, в эту ночь с помощью королевы Сильвии Терей сыграть роль моего призрака и показать для всеобщего удовлетворения, что в три часа утра в Белой Башне обитают духи. Иначе, – уныло сказал Смойт, – последствия будут плачевны.

– Но у меня нет опыта в разыгрывании из себя привидения, – признался Юрген. – Я не стану притворяться, что силен в этом деле, и даже не знаю, как это происходит.

– Все проще простого, хотя некоторая мистическая подготовка будет, конечно же, необходима для того, чтобы превратить живого человека в призрак...

– Обычная подготовка, сударь, вне всяких сомнений, и я положительно склонен быть заколотым, отравленным или каким-то еще в том же духе, чтоб ублажить своего деда.

Но Смойт и Сильвия решили, что любой такой радикальный шаг был бы излишним, поскольку предполагается лишь временное пребывание Юргена в образе привидения. По сути, Юргену придется

лишь осушить кубок, украшенный чеканкой, который протягивала ему Сильвия Терей, произнося друидские заклинания.

Какой-то миг Юрген колебался. В целом все казалось весьма невероятным. Но все же узы родства сильны, и не часто выпадает случай помочь, хотя бы немного, давно умершему деду. Кроме того, зелье имело очень соблазнительный запах.

– Хорошо, – сказал Юрген, – я готов отведать любой напиток, – и немедленно выпил.

Букет был превосходен. Однако поначалу напиток, казалось, не подействовал на Юргена. Затем он почувствовал легкое головокружение. Потом он посмотрел вниз и с удивлением заметил, что в его постели никого нет. При более тщательном изучении проявились неясные очертания человеческой фигуры, под которой находилась смятая простыня. Это все, решил он, что осталось от Юргена. И от этого у него возникло странное ощущение. Юрген подпрыгнул, как напуганный конь, да так неистово, что вылетел из кровати и обнаружил себя невесомо плывущим по комнате.

Теперь Юрген совершенно четко распознал это чувство. Оно часто посещало его во сне, когда он сгибал ноги в коленях, так что ступни касались ягодиц, и перемещался по воздуху без каких-либо усилий. Тогда это казалось до смешного простым, и он удивлялся, почему раньше никогда об этом не думал. И тогда он размышлял: «Это же превосходный способ передвижения. Я утром вот так появлюсь к завтраку и покажу Лизе, до чего это просто. Как же это ее изумит, и она, конечно, поймет, какой я умный!» А потом Юрген просыпался и обнаруживал, что почему-то забыл этот фокус.

Но именно сейчас подобный способ перемещения был очень легким. И Юрген пару раз для практики облетел кровать, а затем поднялся к потолку. Из-за неопытности он неправильно рассчитал необходимую силу и внезапно попал в комнату этажом выше, где оказался парящим непосредственно над епископом Мерионским. Его высокопреосвященство был не один, но, так как оба обитателя покоев спали, Юрген не засвидетельствовал ничего неепископального. Тут Юрген присоединился к своему деду, опоясался Калибуром и требовательно спросил, что делать дальше.

– Убийство произойдет, как обычно, в Белой Башне. Королева Сильвия ознакомит тебя с подробностями. Ты, однако, можешь сам выдумать большую часть роли, поскольку Хозяйка Озера, занимающая сегодня ночью эту комнату, весьма вероятно, не знакома с нашей ужасной историей.

Затем король Смойт заметил, что самое время отправляться на свидание в Корнуолл, и растворился в воздухе с легкой самоуверенностью, говорившей о большой практике, а Юрген последовал за королевой Сильвией Тереей.

Глава XVII

О прокричавшем слишком рано петухе

Дальше история рассказывает о том, как Юрген и призрак королевы Сильвии Терей вошли в Белую Башню. Хозяйка Озера находилась в постели; она спала одна, что с одобрением отметил Юрген, так как ему больше не хотелось вторгаться в чьи-либо интимные отношения. И госпожа Анайтида не проснулась при их появлении.

Это была унылая комната с высокими панелями на стенах и с точно выверенным количеством лунного света, струящегося из двух окон. Любой призрак, даже начинающий, мог оправдать в таких условиях свою репутацию, и Юрген подумал, что поступил правильно. Он был атавистически жесток, а сымпровизировать сопутствующий диалог не составляло труда. Поэтому все шло гладко и с таким вдохновением, что Анайтида проснулась от очень трогательных завываний королевы Сильвии о пощаде и села в постели, как будто слегка испуганная. Затем Хозяйка Озера откинулась на подушки и наблюдала за продолжением ужасной сцены с великолепным самообладанием.

Трагедия доросла до своей страшной кульминации и красиво завершилась. С помощью Калибура Юрген умертвил свою временную жену. Он поволок за волосы ее бесчувственное тело по полу, но сперва предусмотрительно положил себе в карман, как просила королева Сильвия, ее гребень, чтобы тот не потерялся. Юрген позволил себе немного злодейского хохота и все старинные проклятия, которые помнил. Короче, все прошло великолепно, и он покинул Белую Башню с чувством самодовольства вместе с королевой Сильвией Тереей.

И в темноте, после того как он вернул ей гребень, королева сказала Юргену, как ей жаль с ним расставаться.

— Я должна опять уйти назад, в холодную могилу, мессир Юрген, и в высокое пламя Чистилища; и, может быть, я больше вас не увижу.

— Я буду горевать по этому поводу, — сказал Юрген, — вы самая прелестная особа, которую я когда-либо видел.

Королева была польщена.

— Это восхитительная мальчишеская речь, и видно, что она идет от сердца. Я очень хотела бы повстречать таких неискушенных людей в своем нынешнем местопребывании. Вместо этого я нахожусь в толпе закоренелых грешников, у которых нет сердца, которые во всем неискренни и неоткровенны, и мне ненавистно их жеманство.

— Подозреваю, что вы не совсем счастливы в своем браке, а, Сильвия?

— Я вижу Смойта очень редко. Ведь у него восемь других жен находятся в том же самом пламени, и он не вполне может проявлять свои пристрастия. Хотя две из его королев отправились прямо в Рай, а восьмая жена, Гудрун, которую мы вынуждены бояться, наверно, была нераскаявшейся грешницей, потому что так и не дошла до Чистилища. Но я сама всегда не доверяла Гудрун, иначе я бы никогда не надоумила Смойта задушить ее и сделать королевой меня. Понимаете, я думала, что быть королевой прекрасно, — в те дни, Юрген, когда я была простодушной девчушкой. А Смойт в те дни был сплошной мед, благовония и бархат и редко поступал так, Юрген, что я могла бы предвидеть жестокую судьбу, которая выпадет на мою долю.

— На самом деле, Сильвия, грустно быть убитой рукой, которая, так сказать, поклялась присматривать за твоим благоденствием и по праву должна служить тебе на коленях.

— Я возражала не против этого. Смойт убил меня в припадке ревности, а ревность — ошибочный способ высказывания комплиментов. Нет, Юрген, мне выпало худшее и отравило всю мою жизнь во плоти. — И Сильвия заплакала.

— И что же это такое, Сильвия? Королева Сильвия прошептала ужасную тайну:

— Мой муж меня не понимал.

– Клянусь Небесами, – сказал Юрген, – когда женщина говорит мне такое, даже если женщина мертва, я знаю, чего она от меня ждет.

Тут Юрген обнял призрак Сильвии Терей и утешил королеву. Затем, обнаружив, что она вполне охотно принимает утешения, Юрген присел на темные ступени, одной рукой по-прежнему обнимая королеву Сильвию. Воздействие снадобья, очевидно, улетучивалось, поскольку Юрген обнаружил, что состоит уже не из холодных невесомых паров, но из некоей горячей и твердой плоти. Но, вероятно, воздействие вина, которое Юрген выпил раньше, не улетучилось. Неистово заговорив в темноте о необходимости каким-то образом отомстить за оскорбление, нанесенное его деду Людвигу, он выхватил свой меч – волшебный Калибур.

– Вы чувствуете, – сказал Юрген, – я ношу такое оружие как вполне достаточное для рядовых столкновений. И разве мне не следует воспользоваться им, чтобы отплатить королю Смойту за ту несправедливость, которую он навлек на бедного Людвигу? Что ж, я определенно обязан так сделать. Это мой долг.

– Но Смойт к этому времени уже вернулся в Чистилище, – возразила королева Сильвия. – А поднимать меч на женщину – трусость.

– Карающий меч Юргена, мой заколдованный Калибур – ужас для всех завистливых мужчин, но утешение для всех милых женщин.

– Это, несомненно, очень большой меч, – сказала она. – О, изумительный меч, как я могу определить даже в темноте. Но, повторяю, Смойта здесь нет, чтобы помериться с вами силой оружия.

– Сейчас ваши доводы раздражают меня, тогда как честная женщина позаботилась бы о том, чтобы все наследство ее умершего мужа было соответственным образом удовлетворено...

– Ох, ох! И что же вы имеете в виду?..

– Но определенно, что внук является... в одном колене... своего рода наследством.

– В том, что вы выдвигаете, что-то есть...

– В том, что я выдвигаю, есть много чего, могу вас уверить. Это самый естественный и доходчивый вид логики. И я просто хочу освободиться от долга...

– Но вы возбуждаете меня своим огромным мечом. Вы меня нервируете, и я не могу спорить, пока вы им тут размахиваете. Уберите же ваш меч! О, что же с вами делать? Вот же ножны для вашего меча, – проговорила она.

В этот момент их прервали.

– Герцог Логрейский, – произнес голос госпожи Анайтиды, – не думаете ли вы, что лучше удалиться, а то подобные шалости у дверей моей спальни вызовут скандал?

Анайтида приоткрыла дверь спальни и с лампой в руке высунулась на лестницу. Юрген немного смутился. Его явную близость с дамой, которая мертва вот уже шестьдесят три года, трудно, как он чувствовал, было бы объяснить. Так что Юрген, поднявшись на ноги, проворно вложил в ножны оружие, которое показывал королеве Сильвии, и решил изящно обойти молчанием это дело. А на дворе закукарекал петух. Наступил рассвет.

– Желаю вам доброго утра, госпожа Анайтида, – сказал Юрген. – Но здесь такие запутанные лестницы, что я, должно быть, заблудился. Я собираюсь на прогулку. А это моя дальняя родственница, королева Сильвия Терей, которая любезно согласилась быть моей спутницей. Понимаете ли, мы собираемся в лес пособирать грибы и понаблюдать за восходом солнца.

– Мессир де Логрей, думаю, было бы намного лучше отправиться обратно в постель.

– С другой стороны, сударыня, моим несомненным долгом является сопровождение королевы Сильвии...

– Что касается этого, мессир, то я не вижу никакой королевы Сильвии.

Юрген огляделся. Определенно, девятой жены его бабушки нигде не было видно.

– Да, она исчезла. Но этого и следовало ожидать при крике петуха. Пожалуй, петух закукарекал не вовремя, – сказал с сожалением Юрген. – Это несправедливо.

– В погребе Гогирвана славные запасы, а вы допоздна засиделись с Ориеном и Арибером. И, несомненно, им тоже посчастливилось обнаружить пару королев в погребе Гогирвана. Тем не менее, по-моему, вы все еще немного пьяны.

– Ответьте же мне, госпожа Анайтида: не посещали ли вас этой ночью два призрака?

– Что ж, очень может быть, – ответила она. – Но Белая Башня знаменита своими привидениями, и я провела там лишь несколько спокойных ночей, ведь люди Гогирвана – сплошные скоты.

«По правде говоря, – гадал Юрген, – что за особа эта госпожа Анайтида, оставшаяся невозмутимой при таком зверском убийстве, как то, что я совершил, и обращающая на призраков не больше внимания, чем я на комаров? Я слышал, что она – чародейка. Уверен, у нее прекрасная фигура. Короче, вот предмет, который вознаграждает бы своего исследователя, не будь юная Гиневра возлюбленной моего сердца».

Вслух же он сказал:

– Вероятно, я пьян, сударыня. Тем не менее я по-прежнему думаю, что петух закукарекал не вовремя.

– Когда-нибудь вам придется объяснить смысл этих слов, – сказала она. – Между тем я возвращаюсь в постель и опять-таки советую вам сделать то же самое.

Тут дверь затворилась, упал засов, и Юрген пошел прочь, по-прежнему находясь в сильном возбуждении.

«Эта госпожа Анайтида – интересная особа, – размышлял он, – и мне доставило бы удовольствие, если бы выдался случай показать ей сейчас мое огорчение по поводу петуха. Происшествие маловероятное. Значит, к тому же, она наткнулась на меня, когда мой меч был обнажен, и, следовательно, знает, что я владею оружием, достойным уважения. Она однажды может ощутить необходимость в хорошем воине – эта миловидная Хозяйка Озера, у которой нет мужа. Поэтому давайте будем терпеливы. Между тем оказывается, что во мне течет королевская кровь. Полагаю, в этом скандале что-то есть, потому что я обнаружил в себе много общего с королем Смойтом. Однако двенадцать жен! Нет, это слишком. Я не ограничивал бы количество браков, но двенадцать законных жен говорят об оптимизме, мне неведомом. Нет, не думаю, что я пьян, но бесспорно, что я шагаю не очень твердо. Определенно, мы выпили лишнего. Так что мне лучше всего возвратиться тихонько в постель и ничего больше не говорить о случившемся нынче ночью».

Что он и сделал. И это был первый раз, когда Юрген, в прошлом ростовщик, вел беседу с госпожой Анаитидой, которую люди называли Хозяйкой Озера.

Глава XVIII

Почему Мерлин вел беседу в полумраке

Два дня спустя за Юргеном послали от Мерлина Амброзия. Герцог Логрейский встретился с волшебником в полумраке, ибо окна комнаты были занавешены и не пропускали сияния дня. В комнате все, таким образом, представало в рассеянном, смягченном свете, не дававшем теней. В руке Мерлин держал квадратное зеркальце вершка в три, от которого он озадачивающе поднял свои темные глаза.

– Я поговорил с коллегой послом, госпожой Анайтидой, и стал гадать, мессир де Логрей, не разводили ли вы когда-нибудь белых голубей.

Юрген посмотрел на зеркальце.

– Я знал женщину из рода Леших. Она не так давно показала мне одно занятие, для которого нужна была кровь белых голубей. И она тоже пользовалась таким зеркалом. Я видел, что именно за этим последовало, но откровенно должен вам сказать, что ничего не понял в тонкостях этого дела.

Мерлин кивнул.

– Я подозревал нечто подобное. Поэтому и решил поговорить с вами в комнате, где, как вы чувствуете, нет теней.

– По правде говоря, – сказал Юрген, – наконец-то есть кто-то, кто может видеть мою спутницу! Скажите, почему же никто другой этого не может?

– К вашему эскورتу привлекла мое внимание моя собственная тень, потому что она тоже была дана мне. То был подарок отца, о котором вы, вероятно, слышали.

Наступил черед Юргена кивнуть. Все знали, кто породил Мерлина Амброзия, и благоразумные люди предпочитали об этом не говорить. Затем Мерлин продолжил.

– Вот так, – проговорил Мерлин, – я потакаю своей тени. И вот так моя тень мне служит. Это взаимные уступки, которые всегда и везде необходимы.

– Понятно, – сказал Юрген, – но разве никто другой никогда не различал вашей тени?

– Лишь раз моя тень на некоторое время покинула меня, – ответил Мерлин. – Однажды в воскресенье тень оставила меня, и я шел без сопровождения под открытыми лучами солнца. Моя тень обняла шпиль церкви, а прихожане преклоняли под ней колени. Прихожане были смутно встревожены, не подозревая почему, и лишь переглядывались. Только священник да я видели ее совершенно отчетливо – священник потому, что она являлась злом, а я потому, что она принадлежала мне.

– Интересно, что же священник сказал вашей своевольной тени?

– «Изыди!» – бесстрашно изрек священник. Почему они всегда кажутся такими бесстрашными, эти скучные и застенчивые священники? «Такое поведение невиданно. Ибо это дом Верховного Бога, и его непоколебимый шпиль убеждает людей, пришедших издалека, что это место свято», – сказал священник. А моя тень ответила: «Но я лишь знаю, что шпиль фаллического происхождения». И моя тень заплакала, нелепо заплакала, уцепившись за шпиль, а прихожане преклонили под ней колени.

– Это на самом деле должно было привести в замешательство, мессир Мерлин. Все же, когда вы вернули тень, большого вреда не было причинено. Но почему подобные спутницы сопровождают некоторых людей, тогда как другим позволено жить в скромном одиночестве? Это не кажется совершенно справедливым.

– Вероятно, я мог бы объяснить вам кое-что, мой друг, но определенно не буду этого делать. Вы и так знаете слишком много. Вы, похоже, в этом вашем ярком одеянии пришли из страны и времени, которые даже такой искусный волшебник, как я, может лишь смутно предчувствовать и вообще не может понять. Однако меня смущает... – И Мерлин поднял указательный палец. – Сколько футов росту было в первом владельце вашей рубахи? И были ли вы когда-нибудь стариком? – поинтересовался он.

– В общем, четыре фута, и я был в пожилом возрасте, – ответил Юрген.

– А я и не догадался! Но, несомненно, это так – старый поэт взял взаймы тело молодого мужчины и рубаху Кентавра. Адерес, по собственным соображениям, отпустила в мир новую шутку...

– Но вы все ставите с ног на голову. Это же Середа, которую я так мило обхаживал.

– В подобном случае имена, которые дают люди, значат очень мало. Тень, сопровождающую вас, я распознаю – и чту – как дар Адерес, ужасной Матери Малых Богов. Без сомнения, у нее есть множество других имен. И вы считаете, что вы ее обхаживали! Я бы неохотно разгуливал в рубахе любого человека, считающего так. Но она просветит вас, мой друг, в назначенное ей время.

– Она поступает по справедливости, – сказал Юрген и пожал плечами.

Тут Мерлин отложил зеркало.

– Между тем мы с госпожой Анаитидой обсуждали совершенно другой вопрос, и о нем я хотел бы с вами поговорить. Гогирван посылает королю Артуру вместе с дочерью тот Круглый Стол, что дал Гогирвану Утер Пендрагон, и сотню рыцарей, чтоб усадить их за этот стол. Гогирван, который, при всем уважении к нему, обладает скверным чувством юмора, назвал среди этих рыцарей и вас. Сейчас ходят слухи, что принцесса очень много беседует с вами частным образом, а Артур никогда не одобрял болтливость. Поэтому предупреждаю, что для вас отправиться вместе с нами в Лондон было бы весьма неудобно.

– По-моему, это едва ли так, – сказал Юрген с наигранной меланхолией в голосе. – Для меня дальнейшее занятие этим имело бы результатом женитьбу на той, кто иначе навсегда станет идеальным воспоминанием о всевозможных, очень приятных беседах.

– Старый поэт, вы весьма рассудительны, – сказал Мерлин, – особенно сейчас, когда известная нам маленькая принцесса вот-вот станет королевой и символом. Мне жаль ее. Ее будут почитать как откровение Небесного великолепия, а поскольку она человек из плоти и крови, ей это не понравится. И я безуспешно предупреждал короля Артура, так как то, чему суждено произойти, всегда случается, пока мудрость бессильна перед человеческой глупостью. Поэтому мудрость может лишь делать то, что в ее силах, и с удовольствием встречаться лицом к лицу с таинственными обстоятельствами.

Вслед за этим Мерлин встал и приподнял висевший за спиной гобелен, а Юрген увидел то, что гобелен скрывал.

* * *

– Вы меня ужасно смутили, – сказал Юрген, – и я ощущаю, что все еще краснею, вплоть до лодыжек. Я не прав, поэтому давайте не будем больше об этом говорить.

– Я хотел вам показать, – ответил Мерлин, – что знаю, о чем говорю. Однако моя цель в данную минуту – выкинуть из вашей головы Гиневру, потому что я думаю, что в вашем сердце ее никогда и не было, старый поэт, расхаживающий как ни в чем ни бывало в рубахе Кентавра. Расскажите-ка мне! Неужели мысль о ее приближающейся свадьбе вас беспокоит?

– Я несчастнейший человек на свете, – сказал с пылом Юрген. – Всю ночь я лежал без сна на своей смятой постели и думал о том горестном дне, который прошел, и о том, что же случится в равно горестный день, чей рассвет я наблюдаю с болью в сердце. И закричал вслух бессмертными словами Аполлония Миронида...

– Кого? – спросил Мерлин.

– Я ссылаюсь на автора «Миросиса», – объяснил Юрген, – которого многие поспешно отождествляют с Аполлонием Герофилеем.

– О да, конечно! Ваша цитата весьма уместна. Что ж, ваше состояние плачевно, но излечимо. Я собираюсь дать вам эту фигурку, с которой вы, при достаточной смелости, сделаете то-то и то-то.

– На самом деле, это до некоторой степени странная фигурка, а руки и ноги, да и голова этого человечка удивительно похожи!.. И вы говорите мне то-то и то-то. Но как получилось, мессир Мерлин, что

вы никогда не воспользовались ею так, как предлагаете мне?

– Потому что боюсь. Вы забываете, что я лишь волшебник, чье колдовство не вызывает чего-то более отвратительного, нежели дьяволы. Но это кусочек Старой Магии, которая уже не понятна, и я предпочитаю с ней не связываться. Вы же, наоборот, поэт, а Старая Магия всегда была к поэтам благосклонна...

– Я подумаю, – сказал Юрген. – Если это действительно выкинет госпожу Гиневру из моей головы...

– Будьте уверены, – сказал Мерлин. – Не без основания заявляет «Диргхагама»: «Яркость светляка нельзя сравнивать с яркостью лампы».

– Очень приятное произведение эта «Диргхагама», – толерантно произнес Юрген, – хотя, конечно, довольно поверхностное.

Затем Мерлин Амброзии дал Юргену фигурку и один совет.

И ночью Юрген сказал Гинебре, что он не поедет на ее свадебном поезде в Лондон. Он откровенно сказал ей, что Мерлин подозревает об их отношениях.

– И поэтому для того, чтобы защитить вас и вашу честь, моя дражайшая и дорогая, – сказал Юрген, – необходимо, чтобы я принес в жертву себя и все, что ценю в жизни. Я буду ужасно страдать, но утешением мне будет то, что я обращался с вами честно – с той, которую люблю всем сердцем и сохранил в своих душевных страданиях.

Но Гинебра, казалось, не заметила, сколь благородный поступок совершает Юрген. Вместо этого она очень тихо заплакала, да так душераздирающе, что Юрген нашел это невыносимым.

– Ни один человек, будь то император или крестьянин, – сказала Гинебра, – не был любим более нежно, верно и без какой бы то ни было задней мысли или расчета наперед, чем вы, мой дорогой, были любимы мной. Все, что у меня было, я отдавала вам. Все, что у меня было, вы взяли и использовали. А теперь вы покидаете меня, и мне нечего вам дать, даже гнева или презрения, в тот миг, когда вы оставляете меня на произвол судьбы. Во мне нет ничего, кроме любви к вам, который ее недостойн.

– Но я умираю множеством смертей, – сказал Юрген, – когда вы говорите мне такое. – И, в действительности, он чувствовал себя весьма неуютно.

– Однако я говорю правду. У вас было все, и вы немного устали и, вероятно, немного испугались того, что может произойти, если вы со мной не порвете.

– Вы неверно обо мне судите, милая.

– Нет, я правильно о вас сужу, Юрген. Как раз наоборот. В первый раз я сужу нас обоих, но себя я не прощаю и не смогу никогда простить, так как была расточительной душой.

А Юрген нашел такие речи неудобными, скучными и весьма несправедливыми по отношению к нему.

– Я ничего не могу поделать, – сказал Юрген. – Что от меня можно ожидать? И почему нам не быть счастливыми, пока мы в состоянии? Словно у нас есть время, которое можно терять.

Это была последняя ночь перед днем, на который было назначено отбытие Гинебры.

Глава XIX

Загорелый человек со странными ногами

На следующий день, рано утром, Юрген вышел из Камельяра, отправившись по дороге на Кароэз, вступил в Друидский лес и выполнил указания Мерлина.

– Не то чтобы я хоть на миг поверил в такой вздор, – сказал Юрген, – но будет забавно посмотреть, что из этого выйдет, и несправедливо отрицать даже вздор без честного испытания.

А вскоре он заметил загорелого жилистого малого, сидящего на берегу ручья, болтающего ногами в воде и извлекающего музыкальные звуки из свирели, сделанной из семи тростников различной длины. Юрген показал ему, как было предписано, фигурку, которую дал ему Мерлин. Человек сделал своеобразный жест и встал. Юрген увидел, что ноги у этого человека довольно необычны.

Юрген низко поклонился и сказал, как велел Мерлин:

– Хвала тебе, властелин двух истин! Я пришел к тебе, о мудрейший, дабы научиться твоей тайне. Я узнал бы тебя и узнал бы сорок двух могущественных, что пребывают вместе с тобой в чертоге двух истин, каждый день питаются грешниками и пьют нечистую кровь. Я узнал бы тебя по тому, кто ты такой.

Загорелый мужчина ответил:

– Я есмь все, что было и будет. Еще никогда ни один смертный не был в силах открыть, кто я такой.

Затем этот загорелый мужчина провел Юргена на поляну в глубине леса.

– Мерлин не смеет прийти сам, – заметил загорелый, – потому что Мерлин мудр. Но ты – поэт... Посему вскоре забудешь то, что собираешься увидеть, или, на худой конец, расскажешь об этом какую-нибудь приятную ложь, в частности, самому себе.

– Не знаю, – ответил Юрген, – но я готов отведать любой напиток. Что ты собираешься мне показать? Загорелый ответил:

– Все.

Уже близился вечер, когда они ушли с поляны. Было темно, поскольку начиналась буря. Загорелый человек улыбался, а Юргена колотило.

– Это неправда, – заявил Юрген. – Ты показал мне уйму всякого вздора. Это помешательство так называемого выродившегося Реалиста. Это колдовство, ребячество и отвратительное кощунство. Одним словом, это нечто, во что я верить не хочу. Тебе должно быть стыдно!

– Даже при этом ты мне веришь, Юрген.

– Я верю, что ты честный человек и что я твой кузен: вот тебе еще две лжи.

Загорелый человек, по-прежнему улыбаясь, сказал:

– Да, ты, несомненно, поэт, тот, который взял на время одежду моего кузена. Ты ушел с поляны и от моей беспристрастности таким же здравомыслящим, каким и пришел. Это, разумеется, не говорит многого в похвалу здравомыслия поэта. Но Мерлин бы умер, и Мерлин умер бы без сожаления, если б увидел то, что увидел ты, потому что Мерлин воспринимает все разумом.

– Факты! Здравомыслие! Да еще разум! – разозлился Юрген. – Что за вздор ты несешь! Если б в твоём дурацком кукольном театре была хоть чуточка правды, этот мир времени, пространства и сознания стал бы пузырем – пузырем, содержащим в себе солнце, луну и далекие звезды, и все же лишь пузырем в забродившем пойле! Мне нужно пойти очистить свою голову от всей этой гадости. Ты хотел бы, чтоб я поверил, что люди, все люди, которые когда-либо жили или будут жить на свете, включая меня, совершенно неважны! Что ж, в любом таком мироустройстве не было бы никакой справедливости, нигде не было бы справедливости!

– Это сердит тебя, не так ли? Это порой сердит меня, даже меня, который по воле Кощея один

неизменен.

– Я ничего не знаю о твоём непостоянстве, но придерживаюсь собственного мнения о твоей правдивости, – сказал Юрген, находясь из-за всего этого на грани истерики. – Да, если б ложь могла душить людей, эта шершавая глотка определенно была бы воспалена.

Тут загорелый малый топнул ногой, и удар подошвой по мху вызвал новый шум, какого Юрген никогда не слышал: ибо шум, казалось, раздавался со всех сторон, поначалу так, словно в лесу каждый листок тихонечко, но безудержно хохотал. А затем этот шум разросся за счет веселья более крупных существ, и этим шумом играло эхо до тех пор, пока отзвуки отовсюду не стали напоминать раскаты грома. Земля двигалась под ногами так, как у зверя, раздраженного мухами, подергивается кожа. Юрген заметил еще одну необычайную вещь, а именно то, что деревья вокруг поляны искривили и изогнули стволы и поэтому наклонились так, как под действием жара наклоняются свечи, и опустили верхушки крон к ногам загорелого человека. А его внешний вид, пока он стоял на месте, ужасным образом изменялся в постоянном бронзовом сверкании среди нависших туч, при повсеместном содрогании и смехе, в этом лесу, кланяющемся до земли.

– Ответствуй, ты, кто болтает о справедливости! А что если б я тебя сейчас убил, – спросил загорелый человек, – будучи таким, какой я есмь?

– Тогда убей меня! – сказал Юрген с закрытыми глазами, так как ему вообще не нравился внешний вид всего окружающего. – Да, ты можешь меня убить, если хочешь, но не в твоих силах заставить меня поверить, что нигде нет справедливости и что я неважен. Мне хочется, чтоб ты понял, что я чудовищно умный малый. Что касается тебя, ты либо обман чувств, либо бог, либо выродившийся Реалист. Но кем бы ты ни был, ты солгал мне, и я знаю, что ты солгал, и не поверю в незначительность Юргена.

Послышался пронизывающий холодом шепот загорелого человека:

– Бедный дурак! Дрожащий, жестоковыйный дурак! Разве ты минуту назад не видел того, чего никогда не сможешь полностью забыть?

– Тем не менее я думаю, что во мне есть нечто непреходящее. Я скован трусостью, ослаблен жуткими воспоминаниями и искалечен древней глупостью. И все же, мне кажется, я обнаруживаю в себе нечто постоянное и весьма прекрасное. Вместе со всем этим и вопреки всему, мне кажется, я действительно обнаруживаю это нечто. Какую роль это нечто должно сыграть после смерти моего тела и на какой сцене, я не могу предположить. Когда судьба постучится, я отворю дверь. Между тем я откровенно говорю тебе, загорелый человек: в Юргене есть нечто, слишком восхитительное, чтобы какой-то рассудительный третейский судья выкинул это на свалку. Я, по крайней мере, чудовищно умный малый, и, по-моему, весь я не умру. Да, как говорится, с протянутой рукой пройду весь край родной. И я верю, что смогу придумать какой-нибудь фокус и обмануть забвение, когда в этом возникнет нужда, – сказал Юрген, дрожа и задышавшись, с плотно закрытыми глазами, но даже при этом полный решимости. – Конечно, ты, возможно, прав. И, несомненно, я не могу зайти так далеко и сказать обратное: но все же, в то же самое время...

– Но перед мнением дурака о самом себе, – воскликнул загорелый человек, – боги бессильны. О да, и к тому же ему завидуют!

А когда Юрген очень осторожно открыл глаза, загорелый человек уже оставил его, не причинив телесных повреждений. Но состояние нервной системы у Юргена было весьма плачевным.

Глава XX

Действенность молитвы

Юрген, дрожа, направился в Собор Святого Терновника в Камельяре и всю ночь молился там – не от раскаяния, а от страха. Он молился за умерших, чтобы их не стерли в ничто, – за умерших своих родственников, которых любил в детстве, и только за них. О людях, которых узнал позднее, он, похоже, не волновался или, по крайней мере, волновался не так сильно. Но он сложил своего рода молитву за госпожу Лизу. «Где бы ни была моя дорогая жена, Боже, прошу, чтобы я наконец смог прийти к ней и получить прощение!» – завывал он и гадал, действительно ли имеет это в виду.

Он забыл о Гиневре. И никто не знает ни того, каковы были в ту ночь мысли юной принцессы, ни того, читала ли она какие-либо молитвы в пустынном Судном Зале.

Утром на раннюю обедню пришло очень мало народа. Юрген усердно отстоял ее и вместе с остальными направился к выходу. Как раз перед ним остановился какой-то лавочник, чтобы вынуть камешек из башмака, а жена лавочника подошла к купели со святой водой.

– Сударыня, разрешите вас обслужить? – сказал привлекательный молодой помещик и предложил ей святую воду.

– В одиннадцать, – сказала жена лавочника, понизив голос. – Его не будет весь день.

– Моя дорогая, – проговорил ее муж, догоняя ее, – а кто этот молодой господин?

– Не знаю, милый. Никогда прежде его не видела.

– Он, определенно, очень учтив. Хотелось бы, чтобы побольше было таких, как он. И к тому же, весьма приятной внешности!

– Он? Не заметила, – безразлично произнесла жена лавочника.

А Юрген все видел, и слышал, и с жалостью рассматривал уходящую троицу. Ему казалось невероятным, что мир продолжает быть таким же, каким был до его приключения в Дриудском лесу.

Он приостановился у распятия, преклонил колени и тоскливо поднял глаза.

– Если б можно было узнать, – говорил Юрген, – что на самом деле случилось в Иудее! Насколько бы все упростилось, если б все знали правду про Тебя, Человек на Кресте!

Тут мимо него проходил отслуживший обедню епископ Мерионский.

– Ваше высокопреосвященство, – по-простому сказал Юрген, – можете ли вы мне рассказать правду про этого Христа?

– На самом деле, мессир де Логрей, – отвечал епископ, – нельзя не посочувствовать Пилату при мысли, что правды про Него очень трудно добиться, даже теперь. Был ли Он Мельхиседеком, или Симом, или Адамом? Или Он поистине Логос? А в таком случае, что такое Логос? Если допустить, что Он – некий бог, – были ли правы ариане и сабиллиане? Всегда ли Он существовал, единосущный с Отцом и Святым Духом, или Он явился творением Отца, своего рода израильским Загреем? Был ли Он мужем Ахамот, той выродившейся Софии, как утверждают валентиниане? Или сыном Пантера, как говорят евреи? Или Калакау, как заявляет Василид? Или это всего лишь, как учили докеты, слегка окрашенное облако в виде человека, прошедшее от Иордана до Голгофы? Или правы меринтиане? Вот лишь несколько вопросов, мессир де Логрей, которые естественно возникают. И не все из них должны разрешаться впопыхах.

Сказав это, галантный священнослужитель поклонился, затем поднял три пальца в благословении и оставил Юргена, по-прежнему стоявшего на коленях перед распятием.

«Ох-хо-хо! – сказал Юрген самому себе. – Какое разнообразие интересных проблем, по сути дела, предлагает религия. И какое упоительное занятие предоставит разрешение этих проблем, раз и навсегда, мозгу чудовищно умного малого! Что ж, может, для меня принятие сана будет самым подходящим делом. Возможно, это зов».

А на улице кричали люди. Юрген встал и отряхнул пыль с колен. А когда он вышел из Собора Святого Терновника, мимо проезжала кавалькада, увозившая госпожу Гиневру в объятия и на трон назначенного ей супруга. Юрген стоял на паперти Собора, и его мозг отчасти был занят теологией, но он по-прежнему не мог не замечать, как прекрасна эта юная принцесса в зеленом костюме и короне, ехавшая верхом на белой лошади, вся блистающая драгоценными камнями. Проезжая мимо него, она улыбалась и поворачивала свое нежного цвета личико то в одну, то в другую сторону к ликующему народу и вообще не видела Юргена.

Так она ехала на свою свадьбу – та Гиневра, которая для рыцарственного народа Глатиона являлась символом красоты и непорочности. Толпа ее обожала, и все говорили о ней так, словно она была ангелом.

– Наша прекрасная юная принцесса!

– О, нигде нет ей подобной!

– И, говорят, никому ни одного грубого слова!..

– Ах, она самая восхитительная из дам!..

– И к тому же, так отважно это прелестное улыбающееся дитя, покидающее навсегда отчий дом!

– И так мила!

– ...Так благородна!

– Королю Артуру трудно быть достойным ее! Юрген же сказал:

– Забавно, что к этим истинам мне пришлось бы добавить лишь еще одну – для того, чтобы бросить в принцессу большой булыжник! А самому быть разорванным на куски этими неприятными потными людьми, которые, слава Богу, больше меня не толкают!

Ибо паперть Собора внезапно опустела, потому что, пока проезжала процессия, герольды бросали зрителям серебро.

– У Артура будет прелестная королева, – говорит нежный, ленивый голос.

Юрген обернулся и увидел рядом с собой госпожу Анайтиду, которую люди называли Хозяйкой Озера.

– Да, ему можно позавидовать, – вежливо говорит Юрген. – Но разве вы не отправляетесь вместе с ними в Лондон?

– Нет, – говорит Хозяйка Озера, – потому что мое участие в этой свадьбе закончилось, когда я сегодня утром замешала прощальный кубок, из которого выпили принцесса и юный Ланселот. Он – сын короля Бана Бенвикского, вон тот высокий молодой человек в синих доспехах. Я равнодушна к Ланселоту, ибо воспитала его на дне принадлежавшего мне озера и считаю, что этим он оказал мне честь. Также полагаю, что к этому времени госпожа Гиневра согласится со мной. Итак, мое участие в служении моему творцу закончилось, и я отправляюсь на Кокаин.

– А что такое Кокаин?

– Остров, которым я правлю.

– Я не знал, сударыня, что вы – королева.

– На самом деле существует множество вещей, неведомых вам, мессир де Логрей, в мире, где никто не имеет достоверного знания относительно чего угодно. Это мир, где люди живут лишь очень недолго, и никто не знает свою дальнейшую судьбу. Так что человек не обладает ничем, кроме крохотного, данного ему взаймы тела. Однако человеческое тело способно на множество любопытных удовольствий.

– Я считаю, – говорит Юрген, тогда как его сознание содрогнулось от того, что он видел и слышал в Друидском лесу, – что вы говорите мудрые слова.

– Значит, на Кокаине мы все мудрецы, потому что такова наша религия. Но о чем вы думаете, герцог Логрейский?

– Я думал, – говорит Юрген, – что ваши глаза не похожи на глаза любой другой женщины, которую я

когда-либо видел.

С улыбкой эта темная женщина спросила его, в чем же разница, и он с улыбкой ответил, что не знает. Они осторожно рассматривали друг друга. Во взглядах друг друга испытанные игроки признавали достойных соперников.

– Значит, вы должны отправиться со мной на Кокаин, – говорит Анайтида, – и увидеть, если не можете обнаружить сейчас, в чем заключена разница.

Это не тот вопрос, который я хотела бы оставить неразрешенным.

– С вашей стороны это кажется довольно справедливым, – говорит Юрген. – Да, несомненно, я должен обращаться с вами честно.

Затем они вдвоем покинули Собор Святого Терновника. Отправлявшихся в Лондон сейчас уже было не видно и не слышно, что, возможно, объяснялось тем, что Юрген больше не занимался мудрыми размышлениями о Гиневре, которая на некоторое время исчезла из жизни Юргена. А она в это время беседовала с Ланселотом.

Глава XXI

Как путешествовала Анайтида

Дальше история рассказывает, что Юрген и Хозяйка Озера вскоре достигли причалов Камельяра и взошли на борт корабля, доставившего Анаитиду и Мерлина в Глатион. Этот корабль, по всем признакам, был пуст, однако его шафрановые паруса были подняты, словно готовые к отплытию корабля.

– Команда, наверно, борется за щедрые дары и дерется из-за серебряных монет Гогирвана, – говорит Анайтида, – но, думаю, они вскоре вернутся. А мы сядем здесь, на носу, и подождем, пока они развлекаются.

– Но судно уже движется, – говорит Юрген, – и я слышу позади стук серебряных цепей и хлопанье шафрановых парусов.

– Они большие проказники, – улыбнулась Анайтида. – Очевидно, они спрятались от нас, делая вид, что на борту никого нет. Теперь они хотят удивить нас тем, что корабль выйдет в море будто бы сам по себе. Но мы разочаруем этих веселых мошенников, притворившись, что не замечаем ничего необычного.

Поэтому Юрген и Анайтида сели в два высоких кресла, стоявших на носу корабля под балдахином из малиновой ткани, расшитой золотыми драконами, как раз у ростры, представлявшей собой дракона, раскрашенного тридцатью цветами; а судно вышло из гавани и направилось в открытое море. Так они миновали Энисгарт.

– Странная вам служит команда, Анайтида, королева Кокаина: я слышу их разговоры у нас за спиной, но их язык – сплошной писк и щебетанье, словно переговариваются крысы и летучие мыши.

– Поймите, что они – чужеземцы, говорящие на собственном диалекте, и не похожи на какой-либо виденный вами народ.

– На самом деле это весьма вероятно, так как я не видел никого из вашей команды. Порой же по палубе словно проносится некое мерцание, и это все.

– То лишь нагретый воздух, поднимающийся от палубы, ибо день теплее, чем вы думаете, сидя здесь под балдахином. И, кроме того, какая нужда нам с вами беспокоиться по поводу проделок обыкновенных моряков, покуда они выполняют свои обязанности?

– Я думал, о женщина с необычными глазами, что они едва ли простые моряки.

– А я думала, герцог Юрген, рассказать вам про Старых Богов и приятно скоротать время, пока мы сидим здесь безмятежно, как бог и богиня.

Тут они миновали Камвей, и Анайтида начала излагать историю Анистара и Кальмуры и необычных уступок, которые они делали друг другу, и того, как Кальмура удовлетворяла пятерых любовников. И Юрген нашел этот рассказ возмутительным.

Пока Анайтида говорила, небо потемнело, словно солнце, устыдившись, закрылось облаками; и они вторглись в серый полумрак, который неуклонно густел над спокойным морем. Так они миновали огни Саргилла, самого дальнего из Красных Островов, а Анайтида говорила о Прокриде, царе Миносе и Пасифае. Когда воздух обесцветился, в море обнаружились новые цвета, которые теперь принимали различные оттенки воды, давно уже ставшей неподвижной. А над морем нависла тишина, так что нигде не слышалось никаких звуков, кроме голоса Анайтиды, говорившей:

– Все люди живут лишь очень недолго, и никто не знает свою дальнейшую судьбу. Так что человек не обладает ничем, кроме крохотного, данного ему взаймы тела. Однако человеческое тело способно на множество любопытных удовольствий.

Так они приблизились к невысокому голому берегу, на котором не было видно признаков обитания людей. Анайтида сказала, что это та самая земля, которую они искали, и они ступили на берег.

– Даже сейчас, – сказал Юрген, – я не вижу никого из команды, доставившей нас сюда.

А прекрасная темная женщина пожала плечами и подивилась, почему его постоянно беспокоит поведение простых матросов.

Они прошли по берегу, миновав песчаные холмы, к какому-то болоту, никого не видя в сером тумане. На пути им встретилось большое количество жирных и вялых серых червей и несколько любопытных серых пресмыкающихся, которые, по представлениям Юргена, никогда не существовали. Анайтида сказала, что эти твари их не тронут.

– Так что нет нужды хвататься за ваш волшебный меч, герцог Юрген, эти огромные черви никогда никому не причиняли вреда.

– Кого же тогда они тут подкарауливают среди этого серого тумана, в котором подрагивают зеленые огоньки, а временами слышатся слабые далекие завывания?

– Что вам до этого, герцог Юрген, если мы с вами по-прежнему в полном здравии? Наверняка никогда не существовало человека, который задавал бы так много праздных вопросов.

– Однако это весьма неуютный полумрак.

– С другой стороны, вы должны радоваться, что туман такой плотный и сквозь него не проникает Луна.

– Но какое мне дело до Луны?

– Пока никакого. Но дело у вас будет, герцог Юрген, поскольку достоверно сообщено, что вы насмеялись над днем, посвященным Луне. А Луна не любит насмешек, насколько я знаю, ведь отчасти я служу Луне.

– Что? – удивился Юрген и начал размышлять. Так они дошли до высокой серой стены и до двери в стене.

– Вы должны постучать два или три раза, – сказала Анайтида, – чтобы попасть в мою страну.

Юрген осмотрел бронзовый дверной молоток и ухмыльнулся, чтобы скрыть смущение.

– Причудливая фантазия, – сказал он, – и две составляющие ее выглядят, как живые.

– Они очень точно скопированы с Адама и Евы, – сказала Анайтида, – которые были первыми, кто открыл эти врата.

– Что ж, тогда, – проговорил Юрген, – нет ни малейшего сомнения, что люди вырождаются, поскольку здесь у меня под рукой доказательство этого.

Затем он постучал, дверь отворилась, и они вдвоем вошли внутрь.

Глава XXII

Касающаяся разорванной завесы

Вот так Юрген попал на Кокаин, где находилась опочивальня Времени. А Время как сообщают, прибыло вместе с Юргеном, поскольку Юрген смертен. И, говорят, Время наслаждалось отдыхом после тяжелого труда по разрушению (камень за камнем) городов; и с уставшими после кропотливой работы по гравировке морщин глазами оно радостно вошло в опочивальню и легло спать сразу после заката в тот прекрасный вечер в конце июня. Поэтому погода оставалась отличной и неизменной, без каких-либо ослепительных лучей солнца, а лишь с одной большой звездой, светившей чистым светом дня. Это была звезда Венеры Механитиды, и Юрген позднее весьма забавлялся, наблюдая, как эту звезду катит по небесному своду большой жук по имени Хепри. А деревья повсюду сохраняли первые свежие листочки, и птицы распевали свои праздные вечерние песни во время всего пребывания Юргена на Кокаине, ибо Время ушло спать в приятнейший час самого приятного времени года. Так рассказывает история.

А тень Юргена также вошла вместе с ним, но на Кокаине, как и в Глатионе, никто, кроме Юргена, похоже, не замечал этой любопытной тени, которая повсюду сопровождала его.

На Кокаине у королевы Анайтиды был дворец, бесчисленные купола и шпили которого сверкали нежной белизной над верхушками старого сумрачного леса, где растительность не была похожа на что-либо, вскормленное обычной землей. В этом лесу, например, можно было увидеть необычайный мох, заставивший Юргена содрогнуться. Так Анайтида и Юрген прошли по узким тропинкам, напоминавшим шелестящие зеленые пещеры, во дворик, обнесенный желтой мраморной стеной и мощеный таким же мрамором, где не было ничего, кроме матового изваяния некоего бога с десятью головами и тридцатью четырьмя руками: он изображался вскармливаемым некоей женщиной, а незанятыми руками держал еще и других женщин.

– Это Шинджешед, – сказала Анайтида. Юрген же сказал:

– Я его не осуждаю. Тем не менее, по-моему, этот Шинджешед доводит все до крайности.

Затем они прошли мимо изваяния Тангаро Лолокуонга, а потом – изваяния Легбы. Юрген почесал подбородок, и тот покраснел.

– Несомненно, королева Анайтида, – сказал он, – у вас необычный вкус в подборе скульптур.

После Юрген зашел вместе с Анайтидой в какую-то белую комнату с медными панелями, и там четыре девушки нагревали воду на медном треножнике. Они искупали Юргена, по ходу дела одаривая его поразительными ласками – языком, волосами, ногтями и сосками, – и они помазали его четырьмя маслами, а затем вновь надели на него блестящую рубаху. В Калибуре, как сказала Анайтида, сейчас нужды не было, и меч повесили на стену.

Эти девушки принесли серебряные чаши с вином, смешанным с медом, и еще они принесли гранаты, яйца, ячмень и треугольные, красного цвета хлебы, которые они с надлежащими телодвижениями посыпали сладко пахнущими зёрнами. Затем Анайтида и Юрген разговлялись на пару, а четыре девушки им прислуживали.

– А теперь, – сказал Юрген, – а теперь, моя дорогая, я бы предложил заняться поиском тех любопытных удовольствий, о которых вы мне рассказывали.

– С большой охотой, – отвечала Анайтида, – поскольку эти наслаждения все до единого достигаются каким-либо отклонением человеческой природы. Однако вначале мне нужно действительно сообщить вам, что должен быть соблюден некий церемониал.

– И что же это за церемониал?

– Мы называем его Разрыванием Завесы, – и королева Анайтида объяснила, что они обязаны делать.

– Что ж, – согласился Юрген, – я готов отведать любой напиток.

И Анайтида провела Юргена в своеобразную часовню, украшенную весьма необычной росписью. Там

было четыре раки, посвященные по отдельности Св. Космо, Св. Домиану, Св. Гиньолю Брестскому и Св. Футену де Варелю. В этой часовне находился некий человек в капюшоне и длинных одеждах в белую и желтую полоску и два голых ребенка – девочки. Одна из них махала кадилом, другая же держала в правой руке ярко-синий кувшин, наполовину наполненный водой, а в левой – погребец с солью.

Прежде всего человек в капюшоне подготовил Юргена.

– Вот копье, – сказал человек в капюшоне, – которое должно послужить тебе в сем приключении.

– Я благосклонно отношусь к приключениям, – ответил Юрген, – и верю, что оружие достойно того. Человек в капюшоне сказал:

– Да будет так! Но каков сейчас ты, таким прежде был я.

Между тем герцог Юрген поднял копье правой рукой и потряс им. Копье было большое, а его конец красен от крови.

– Смотри! – сказал Юрген. – Я человек, рожденный женщиной непостижимым образом. Сейчас же я, будучи чудесным, избран достойным совершить чудо и сотворить то, чего сам не могу постичь.

Анайтида взяла у девочки соль и воду и смешала их.

– Пусть соль земли даст возможность скудной жидкости принять на себя добродетель изобилующего моря!

Затем, встав на колени, она коснулась копья и начала с любовью его поглаживать. Юргену же она сказала:

– Да восплаешь ты теперь душою и телом! Да будет бесконечный Змей твоим венцом, а плодоносный огонь солнца твоей силой!

Вновь заговорил человек в капюшоне:

– Да будет так! – голос у него был высокий и блеющий из-за того, что с ним сделали.

– Посему мы также взываем к тому, что не можем понять, – сказал Юрген. – Клянусь мощью поднятого копья, – и тут он левой рукой взял руку Анайтиды, – я, будучи человеком, рожденным женщиной непостижимым образом, сейчас ухватил то единственное, чего желаю всем своим существом. Я поведу тебя на восток. Я вознесу тебя над землей и над всем, что есть на земле.

Тут Юрген поднял королеву Анайтиду так, что та села на жертвенник, а все, лежавшее там прежде, свалилось на пол. Анайтида совместила кончики всех пальцев, так что ладони образовали треугольник, и стала ждать. У нее на голове была сетка из красного коралла, ветви которого смотрели вниз; ее просвечивающая туника имела двадцать два отверстия, чтобы позволить всевозможные ласки, и была двухцветна – черный цвет причудливо переплетался с малиновым; ее темные глаза засверкали, а дыхание участилось.

Теперь человек в капюшоне и две обнаженные девочки исполнили свою роль в церемониале, увековечивать которую не обязательно. Но Юрген был весьма этим потрясен.

Тем не менее он сказал:

– О струна, что связывает круг звезд! О чаша, что содержит все времена, все цвета и все мысли! О Душа пространства, ни одного Твоего образа мы не достигаем, если Твой образ не являет Себя в том, что мы собираемся делать. Посему каждым растением, что разбрасывает свои семена, и влажным теплым садом, что принимает и вскармливает их, смешением кровопролития с наслаждением, радостью, что подражает тоске вздохами и дрожью, и удовлетворением, что подражает смерти, – всем этим взываем мы к Тебе. О Ты, непрерывная, чья воля заботится о сих детях и кому поклоняюсь в сем прекрасноразноцветном и нежном женском теле, Тебя я чту, а не некую женщину, делая то, что, по-моему, хорошо; и это Ты, кто вот-вот заговорит, а не она. Тут Анайтида сказала:

– Да, я говорю языком любой женщины и сияю в глазах любой женщины, когда поднято копье. Служить мне лучше, чем кому бы то ни было. Когда ты взовешь ко мне сердцем, в котором пламя змея зажглось хотя бы на миг, ты поймешь наслаждения моего сада и то, какая несказанная радость бьется в

нем и как сильно единственное желание, истощающее всего мужчину. Чтобы служить мне, ты будешь готов отдать все, что есть у тебя в жизни; а другие удовольствия ты возьмешь в левую руку, не думая о них; ибо я есмь желание, расточающее всего мужчину и ничего не теряющее. И я принимаю тебя, я жажду тебя, я – дочь и больше, чем дочь Солнца. Я, которая есмь все удовольствия, все крушения, все опьянение внутренних чувств, желаю тебя.

Юрген держал копьё вертикально перед Анайтидой.

– О тайна всего сущего, сокрытая в бытии всего живущего, теперь, когда копьё возвышено, я не страшусь Тебя. Ты во мне, и я есмь Ты. Я есмь пламя, горящее в любом бьющемся сердце и в ядре любой далекой звезды. Я также есмь жизнь и то, что дает жизнь, и во мне также смерть. Чем Ты лучше меня? Я – един, моя воля есть справедливость, и туда, где я нахожусь, не приходит другой бог.

А человек в капюшоне позади Юргена сказал:

– Да будет так! Но каков сейчас ты, таким прежде был я.

Два голых ребенка стояли по обе стороны от Анайтиды и дрожали в ожидании. Этими девочками, как Юрген узнал впоследствии, были Алекто и Тисифона, две Евмениды. И теперь Юрген наклонил красное острие копья так, что то вошло в треугольник, образованный пальцами Анайтиды.

– Я есмь жизнь и то, что дает жизнь! – воскликнул Юрген. – Ты же та, что расточает все! Я, человек, рожденный женщиной, на своем месте чту Тебя, почитая желание, которое истощает всего мужчину. Открой посему путь творенья, ободри пылающий прах в наших сердцах и помоги нам в увековеченье сего пламени! Ибо разве это не Твой закон? Анайтида ответила:

– На Кокаине нет другого закона, кроме одного: «Делай то, что, по-твоему, хорошо». Затем заговорили голые дети:

– Вероятно, это закон, но определенно не справедливость. Однако мы малы и совершенно беспомощны. Поэтому вскоре должны сделаться такими, как вы; сейчас вы двое – уже единое целое, и ваша плоть не разделена между вами. Ваша плоть становится нашей плотью, а ваши грехи – нашими грехами; а у нас нет выбора.

Юрген снял Анайтиду с жертвенника, и они зашли за алтарь и стали искать святая святых. За алтарем, казалось, не было никаких дверей, но вскоре Юрген нашел проем, закрытый розовой завесой. Юрген сделал выпад копьём и разорвал эту завесу. Он услышал короткий вопль, а за ним последовал нежный смех. Так Юрген вошел в святая святых.

В этом месте горели черные свечи, и там также горела сера перед алым крестом, в верхней части которого располагалась окружность, и к нему была пригвождена живая жаба. Юрген заметил и другие любопытные вещи, наподобие этой.

Он рассмеялся и обернулся к Анайтиде. Теперь, когда свечи оказались у него за спиной, она стояла в его тени.

– Ну и ну! Вы слегка старомодны со всеми этими двусмысленными «ритуалами». Я и не знал, что цивилизованные люди еще сохраняют достаточно доверчивости, чтобы вызвать страх приманкой в виде бога. Все же женщинам надо потакать – будь они благословенны! – и, наконец, как я понимаю, мы совершенно честно выполнили весь церемониал, необходимый для достижения любопытных удовольствий.

Королева Анайтида была очень красива даже в тени Юргена. Под любопытной коралловой сеткой гордое лицо стало, к тому же, и ликующим, однако вместе с тем лицо этой женщины было грустным.

– Милый мой дурачок, – сказала она, – когда ты пел о Леших, было весьма недальновидно нанести оскорбление понедельнику. Но ты об этом забыл. А теперь ты смеешься, поскольку не понимаешь того, что мы сделали. И равным образом не понимаешь, кто я такая.

– Неважно, кем ты можешь быть, моя милая, я уверен, что ты вскоре все мне расскажешь. Полагаю, ты собираешься честно обходиться со мной.

– Я сделаю то, что мне подходит, герцог Юрген...

– Точно так, моя милая! Ты намерена быть верной самой себе, что бы ни случилось. Такое стремление делает тебе большую честь, и я попытаюсь тебе помочь. Сейчас я заметил, что любая женщина наиболее верна себе, – загадочно произнес Юрген, – в темноте.

Юрген какое-то время смотрел на нее, и в его глазах играли огоньки. Наконец Анайтида, стоя в его тени, улыбнулась, а ее глаза запылали. Затем Юрген задул черные свечи. И стало совершенно темно.

Глава XXIII

Недостатки принца Юргена

Все описанные события произошли до Иванова дня. А дальше Юрген жил на Кокаине и подчинялся обычаям этой страны.

Во дворце королевы Анайтиды всеми видами времяпрепровождения занимались без каких бы то ни было поблажек кому-либо. Юрген, считавший себя серьезным авторитетом в отношении подобных выдумок, вскоре был поражен собственной невинностью. Анайтида показала ему во всей красе все, что делалось на Кокаине под ее руководством, а Юрген нашел ее персонажем природного мифа сомнительного происхождения, связанного с Луной. И она, следовательно, правила не только на Кокаине, но и украдкой раскачивала волны жизни повсюду, где Луна имела власть над волнами. Миссией Анайтиды было отклонять, отворачивать и отвлекать: к этому подстрекала ее ревнивая Луна, потому что солнечный свет содействует прямоте. Так Анайтида и Луна стали верными союзницами. Однако таинства их личных отношений, открывшиеся Юргену, не очень удобно здесь повторять.

– Но ты обесчестил Луну, принц Юрген, отказавшись петь хвалу дню Луны. Или так, по крайней мере, я слышала.

– Не помню, чтобы я делал нечто подобное. Но помню, что считал несправедливым уделять величию Луны один ничтожный день. Ибо для Луны священна ночь – каждая ночь, что всегда являлась подругой влюбленных, – ночь, которая возобновляет и порождает всю жизнь.

– На самом деле в этом доводе что-то есть, – с сомнением сказала Анайтида.

– Ты говоришь «что-то»? Но, по моему разумению, это доказывает, что Луна ровно в семь раз более почитаема, нежели любая из лешачих. Это, милая моя, простая арифметика.

– Так по этой причине ты не воспел Понедельницу и ее понедельники наряду с другими лешачихами?

– Разумеется, – горделиво сказал Юрген. – Я вообще не нашел достойным восхваления то, что такая незначительная лешачиха, как Понедельница, должна называть свой день в честь Луны. Мне это показалось кощунством. – Тут Юрген кашлянул и посмотрел на свою тень. – Будь это Середа, дело приняло бы совсем иной оборот, и Луна могла бы вполне оценить тонкий комплимент.

Анайтида казалась успокоенной.

– Я доложу о твоём объяснении. Откровенно говоря, о тебе, принц Юрген, накопилось много дурного, потому что твой язык был неправильно понят. Но то, что ты сейчас говоришь, представляет дело совершенно в ином свете.

Юрген засмеялся, не понимая этой тайны, но уверенный, что всегда смог бы сказать то, что от него требуется.

– Давай теперь полюбуемся еще немного Кокаином! – воскликнул Юрген.

Юрген весьма интересовался повседневными делами Кокаина и неделю или десять дней прилежно принимал в них участие. Анайтида, сообщившая, что самолюбие Луны удовлетворено, теперь не тратила сил на его развлечения, и они вместе исследовали бесчисленные виды времяпрепровождения.

– Все люди живут лишь очень недолго, – сказала Анайтида, – и никто не знает свою дальнейшую судьбу. Так что человек не обладает ничем, кроме крохотного, данного ему взаймы тела. Однако человеческое тело способно на множество любопытных удовольствий, – сказала Анайтида. И она открыла своему принцу-консарту всевозможные изобретения этого рода.

Ибо Юрген обнаружил, что неведомо как он должным и соответствующим образом женился на королеве Анайтиде, приняв участие в Разрывании Завесы, что на Кокаине являлось брачной церемонией. Его прежние отношения с госпожой Лизой, конечно, не имели законного статуса на Кокаине, где церковь не была христианской, а Закон гласил: «Делай то, что, по-твоему, хорошо».

– Значит, находясь в романских странах, – сказал Юрген, – нужно быть романтиком. Но, определенно, это доказывает, что никто не знает, когда попадется в ловушку добропорядочности; и никогда еще молодой красивый малый не женился на величественной королеве с меньшей преднамеренностью.

– Ах, мой милый, – отозвалась Анайтида, – нами правит перст Судьбы.

– Мне не совсем нравится такая фигура речи. Кажется слишком тривиальным управляться каким-то пальцем. Нет, не вполне лестно называть то, что побуждает меня, пальцем.

– Тогда длинной рукой совпадения. – Намного более подходяще, любовь моя, – благодушно сказал Юрген. – Звучит более достойно и не ранит мое самолюбие.

Эта самая Анайтида, которая являлась королевой Кокаина, была изящной высокой смуглой женщиной, стройной, миловидной и весьма неугомонной. С самого начала ее новый супруг был поставлен в тупик ее рвением, а вскоре оно начало его раздражать. Он застенчиво отказывался понимать, как кто-то может быть настолько без ума от Юргена. Это казалось неблагодарным. А в более страстные мгновения эта мифическая личность его решительно пугала. Ибо подобные восторги могли лишь неприятным образом напомнить паучиху, которая заканчивает такие увеселения пожиранием своего партнера.

«Быть любимым в такой манере весьма лестно, – обычно размышлял он, – и опять-таки я же Юрген, ни у кого не требующий форы. Но даже при этом я смертен. Ей следует это помнить хотя бы из простой справедливости».

К тому же, ревность Анаитиды, в большей степени лестная, в той же степени не лезла ни в какие ворота. Она подозревала всех, похоже, уверенная, что любая грудь вынашивает безумную страсть к Юргену и ему ни на миг нельзя доверять. В общем, как искренне признавал Юрген, его поведение со Стеллой, этой родившейся под несчастливой звездой йогиней из Индавади, в сущности, открывало, если посмотреть с особой и совершенно бессовестной точки зрения, некую грань, которая, будучи выделена поспешно судящими людьми, могла бы, вполне вероятно, показаться, хотя и достаточно отдаленно, приближающейся в некоторых отношениях к временному забвению Анаитиды, если на самом деле где-нибудь есть настолько умственно ущербные люди, чтобы найти подобное забвение постижимым.

Но самой главной, по-настоящему важной особенностью, которую Анаитиду нельзя было заставить понять, являлось то, что она мешала своему супругу в том, что, в действительности, было философским экспериментом, обязательно проводимым в темноте. Мантры, необходимые для шакти-содханы, всегда исполнялись в темноте: это всем известно. Что касается остального, эта Стелла делала голословные заявления. Из соображений простой беспристрастности она имела право на возможность доказать их, если б могла. Поэтому Юрген продолжал обращаться с ней честно. Кроме того, зачем говорить об этой Стелле после отмищения, настолько зрелищного и тщательного, как то, к которому скоропалительно прибегла Анайтида? Зачем возвращаться к теме, которая отвратительна для Юргена и явно раздражает самую дорогую мифическую личность всех легенд? Вполне ли это честно по отношению ко всем заинтересованным особам? Вот так чувственно изложил это Юрген.

Все же он искренне обожал Анаитиду. Не считая ее эксцентричности, вызываемой страстью, она была благородным и добрым созданием, хотя, по мнению Юргена, до некоторой степени недалеким и ограниченным.

– Любовь моя, – обычно говорил он ей, – ты, кажется, решительно не способна держаться в стороне от добродетельных личностей! Ты всегда выискиваешь людей, которые стремятся быть прямыми и открытыми, и ты вечно составляешь планы, как этих людей отвлечь. Но зачем о них беспокоиться? Какая тебе нужда растрчивать себя и посвящать все свое время подобному обращению в собственную веру, когда можно было бы заняться более приятными делами? Ты должна научиться, из справедливости как к самой себе, так и к другим, терпимости и признать, что в смешанной природе человека тяга к порядочности склонна то и дело развиваться, какими бы ни были твои предпочтения.

Но Анайтида имела высокое мнение о своей миссии и просто сказала, что Юргену не следует легкомысленно говорить о подобных материях.

– Я была бы намного счастливее, оставаясь дома с тобой и детьми, – говорила она, – но чувствую, что это мой долг...

– Во имя Небес, долг кому?

– Пожалуйста, не употребляй таких отвратительных выражений, Юрген. Это мой долг силе, которой я служу, – мой самый главный долг моему творцу. Но, боюсь, у тебя нет религиозного чувства. И это меня весьма огорчает.

– Но, моя милая, ты же совершенно уверена в том, кто тебя создал и с какой целью. Вы, мифические существа, созданы в Мифопоэтический век извращенностью древних языческих народов. И ты служишь своему творцу преданно. Совершенно так, как и должно быть. Но у меня нет подобной достоверной информации о моем происхождении и предназначении в жизни. Я, в любом случае, похоже, не имею природного дара к развлечениям. Я не принимаю этого всем сердцем, и таковы факты, которым нам приходится смотреть в лицо. – Тут Юрген обнял ее. – Моя милая Анайтида, ты не должна думать, что с моей стороны это обыкновенный эгоизм. У меня с рождения не хватает чего-то, что необходимо любому, кто стремится быть таким же заблуждающимся, как и большинство людей: и тебе придется любить меня несмотря на это.

– Мне почти хочется, чтобы я никогда тебя не встречала, как встретила в том коридоре, Юрген. Ибо я тотчас же почувствовала влечение к тебе. Мне почти хочется, чтобы я вообще тебя не встречала. Я не могу не любить тебя, однако ты смеешься над тем, что, как я знаю, от меня требуется, а порой ты и меня заставляешь смеяться.

– Но, дорогая, разве ты не просто маленькая, крошечная, очень мелкая и мелочная фанатичка? Например, я вижу, что, по-твоему, мне следует проявлять больше интереса к твоим поразительным танцам, твоим странным удовольствиям, твоим удивительным ласкам и всем остальным искусным развлечениям. И, по-моему, они делают тебе честь, огромную честь, и я восхищаюсь твоей изобретательностью не менее, чем твоим усердием...

– У тебя нет чувства благоговения, Юрген. У тебя, похоже, вообще нет никакого ощущения того, что мы – должники творца. Полагаю, ты ничего не можешь поделать, но ты мог бы, по крайней мере, помнить, что меня раздражают твои дерзкие разговоры о моей религии.

– Но я не говорю дерзко...

– На самом деле говоришь. И позволь сказать тебе, это вообще звучит весьма дурно.

– ...Вместо этого я лишь указываю, что твое кредо в целом неизбежно влечет за собой пыл, которого мне недостает. Ты, моя крошка, сотворена извращением. И каждый знает, что часть благочестия – почитание своего творца так, как угодно этому творцу. Поэтому я не критикую твои религиозные связи, моя милая, и никто не восхищается церемониями твоей веры искреннее меня. Я просто признаюсь, что столь частое совершение этих обрядов требует поддержания вдохновения, которое выше моих сил. Короче, я не обладаю твоим горячим темпераментом, я более скептичен. Возможно, ты права. И, несомненно, я не могу зайти так далеко и сказать обратное: но все же, в то же самое время!.. Вот так я это ощущаю, моя драгоценная, и вот почему обнаруживаю, при постоянном повторении этих церемоний, определенный недостаток твердости, проявляющийся в моих ответах. И, в конце концов, дорогая, это все.

– Я никогда во всех своих воплощениях не имела подобного принца-консорта! Иногда я думаю, что я тебя, так или иначе, нисколько не волную, Юрген.

– О, ты меня очень даже волнуешь. И чтоб доказать это, давай испробуем какое-нибудь новое развлечение, при виде которого потемнеют небеса, а земля содрогнется, или случится что-либо в этом же духе. А потом, как и обещал, я возьму детей на рыбалку.

– Нет, Юрген, мне не хочется развлекать тебя прямо сейчас. Ты своими ухмылками лишил это таинство всей торжественности. Кроме того, ты и так всегда с детьми. Юрген, я считаю, что ты любишь детей больше, чем меня. А когда ты не с ними, ты запираешься в библиотеке.

– Интересно, существовала ли когда-нибудь еще такая сокровищница, как библиотека Кокаина? Я нахожу там упоминания об всех развлечениях, которыми занимались вы – мифические существа: а чтение о твоих остроумных задумках доставляет мне наслаждение и сводит меня с ума. Крайне интересно размышлять о диковинных удовольствиях, а слагать о них стихи – самое привлекательное занятие в часы

досуга: от простого участия в них я бы отговаривал как от разочаровывающе беспорядочного. Кроме того, библиотека – единственное место, которое есть у меня в этом дворце при всех твоих коллегах-божествах, занимающихся своими делами в каждом углу.

– Юрген, мне при моем положении необходимо, так или иначе, принимать гостей. И, определенно, я не могу закрыть двери перед своими родственниками.

– Однако, моя дорогая, какие же это подонки! Какие-то отбросы! Не могу поздравить тебя с твоей родней, вообще не могу примириться с этими лоскутными созданиями, которые на одну треть – человек, а на две трети – какая-нибудь вульгарная часть быка, ястреба, козла, змеи, обезьяны, шакала или кого-то еще. Приап – единственный мифический персонаж, появляющийся здесь в чем-то похожем на человеческий облик; и мне бы решительно хотелось, чтобы он здесь не бывал, поскольку даже я, Юрген, не могу ему не завидовать.

– И почему же?

– Тогда как я благоразумно вооружен Калибуром, Приап носит копье, возможностями которого я завидую...

– Как все персонажи вакхических мифов, он обычно носит тирс, а это, несомненно, оружие только для видимости. В настоящей поединке им особо и не воспользуешься.

– Моя дорогая! Откуда ты знаешь?

– Но, Юрген, откуда женщины всегда знают о подобных вещах?.. Полагаю, это интуиция.

– Ты имеешь в виду, что оцениваешь все происходящее скорее чувствами, нежели рассудком? На самом деле, смею сказать, что это справедливо по отношению к большинству женщин, а мужчины ежедневно горячатся и радуются, почти в равной мере, из-за вашего нелогичного способа сопоставления вещей. Но, возвращаясь к конгениальной задаче критики твоих родственников, твой кузен Апис, к примеру, возможно, очень хороший малый. Но говори, что хочешь, а с его стороны неразумно разгуливать на людях с бычьей головой. Это неизбежно делает его внешность подозрительной, если не по-настоящему нелепой. И когда я пытаюсь с ним заговорить, это выбивает меня из колеи.

– Но, Юрген, пожалуйста, помни, что ты говоришь о всеми уважаемом мифическом существе, и ты, будучи непочтительным...

– ...Более того, позволю себе повторить, моя дорогая, что даже если этот Ба Мендесский – твой кузен, мне до глубины души неудобно встречаться в обществе с козлом на три четверти...

– Но, Юрген, я же, понятное дело, должна приглашать плодовитого Ба на пиры Саков...

– Даже при этом, моя милая, рассылая приглашения, хозяйка может справедливо надеяться, что ее гости не будут вести себя, как животные. Мне часто хочется, чтобы такая простая, обычная вежливость более строго соблюдалась Ба, Гортаном, Фрикко, Булем, Ваал-Фегором и всеми остальными кузенами, которые посещают тебя в подобном зоологически беспорядочном виде. Это показывает определенное отсутствие уважения к тебе, моя дорогая.

– Но, Юрген, это же все в кругу семьи...

– Кроме того, они же не умеют поддержать разговор. Просто мычат – или щебечут, или блеют, или мяукают, в соответствии со своим воплощением, – о невыразимых таинствах и чудовищных удовольствиях. До тех пор, пока их слабоумие не доводит меня до предела добродетельности.

– Если бы ты был более практичен, Юрген, ты бы осознал, что за каждого великолепно говорит настоящая заинтересованность своим делом...

– А твои родственницы просто раздражают своим вечным нашептыванием загадок, своими ущербными месяцами, мистическими розами, меняющимися цвет и требующими постоянного ухода, своей жалкой верой в то, что у меня есть время валять с ними дурака.

И вся эта свора занимается символизмом до тех пор, пока дом решительно не захламляется ашерами, гребнями, фаллосами, лингами, йони, аргами, пул्लеями, талисами и не знаю какими еще идиотскими безделушками, на которые я постоянно наступаю!

– Какая из этих шалуний лебезила перед тобой? – спросила Анайтида, сверкнув глазами.

– Ох-хо-хо! Многие из твоих кузин достаточно соблазнительны...

– Я знала! Но не думай, что ты водил меня за нос!..

– Дорогая моя, пожалуйста, рассуди сама! Будь по отношению к этому благоразумна! Твои гости в настоящее время – Сехмет в образе львицы, Ио, воплощенная в корову, Хекет в облике лягушки, Деркетто в виде стерляди, и – о да! – Таурт в виде бегемотихи. Я оставляю на твоей совести, милая Анайтида, то, что такая прелестная мифическая личность, как ты, может ревновать к дамам с подобными вкусами в одежде.

– И я прекрасно знаю, кто она! Это та ефесская потаскуха! Я несколько раз отмечала ее подозрительное поведение. Отлично! В самом деле, отлично! Тем не менее у меня для нее когда-нибудь найдется пара ласковых слов, и чем быстрее она уберется из моего дома, тем лучше, скажу тебе абсолютно честно. А что касается тебя, Юрген!..

– Но, моя милая Лиза!..

– Как ты меня назвал! «Лиза» никогда не было моим эпитетом. Почему ты называешь меня Лизой?

– Это оговорка, моя крошка, невольная, но далеко не неестественная ассоциация. Что же касается Дианы Ефесской, то она напоминает мне одушевленную сосновую шишку, усыпанную всеми этими грудями, и могу тебя уверить, что у тебя нет особого повода к ней ревновать. Я же говорил о мифических женских существах вообще. Конечно, они мне все строят глазки: я ничего не могу поделать, а ты должна была это предчувствовать, когда выбирала себе такого привлекательного супруга. Какое значение имеют эти бедные влюбленные создания, когда мое сердце принадлежит тебе?

– Я беспокоюсь не о твоём сердце, Юрген, так как считаю, что его у тебя нет. Да, ты вполне преуспел в доведении меня до безумия, если только для тебя это хоть какое-то успокоение. Однако давай не будем об этом больше. Сейчас мне необходимо отправиться в Армению для участия в оплакивании Таммуза. Люди просто не поймут, если я не явлюсь на столь важную оргию. И я не столько извлеку из этой поездки какую-то выгоду, сколько мне нужна смена обстановки, потому что, не говоря уж о твоём знаменитом сердце, ты всегда готов к двойной игре, и не знаю, в какие еще неприятности ты можешь себя втянуть. Юрген рассмеялся и поцеловал ее.

– Отправляйся и исполняй свой религиозный долг, дорогая, в полную меру. А я обещаю тебе, что запрусь в библиотеке до твоего возвращения.

Так Юрген жил среди отпрысков языческой извращенности и приспособлялся к их обычаям. Они заявляли, что смерть – конец всему навсегда, а жизнь – коротка. Ибо, сколько недолгих лет проживут люди и насколько быстротечен этот самый утонченный и отталкивающий природный миф, разъяснялось Филологами. Так что мудрец и равным образом все предвидящее мифическое существо получит сполна удовольствий, пока еще есть время получить что угодно, и не внесет ни малейшего залога за желание и пыл задавать вопросы.

– Но в полную меру! – сказал Юрген и послушно увенчал себя гирляндой из роз, выпил вина и поцеловал Анайтиду. Когда пир Саков был в полном разгаре, он шепнул Анаитиде: – Я вернусь через минуту, дорогая, – и она мило нахмурилась, когда он тихонько соскользнул с обеденного ложа из слоновой кости и пошел, подозрительно пошатываясь, в библиотеку. Она знала, что у Юргена нет намерения возвращаться; и она приходила в отчаяние из-за выбранного им положения в общественной жизни Кокаина, на которое он имел право из-за своего титула принца-консорта не меньше, чем из-за своих личностных данных. Анайтида, в действительности, думала, что при своих природных дарованиях ее Юрген не имел веской причины завидовать даже, скажем, такому главному фавориту, как Приап, исходя из того, что знала о них обоих все что нужно.

Поэтому Юрген читил обычай.

– Поскольку эти непристойные мифические существа, возможно, правы, – говорил Юрген, – и я, несомненно, не могу зайти так далеко и сказать обратное: но все же, в то же самое время!..

Юрген не мог отделаться от подобных загадок простым «не знаю». Он был не более способен прекратить расспросы о смысле жизни, чем форель – бросить привычку плавать. На самом деле он жил,

погруженный в поток любопытства и сомнения, как в свою природную стихию. То, что смерть являлась концом всего, вполне могло быть правдой. Однако, если исход оказывался обратным, насколько более приятно было бы для всех заинтересованных лиц установить заранее дружеские отношения с верховными владыками загробной жизни, сделав все, что они ожидают, в нынешней жизни.

– Да, я чувствую, что от меня чего-то ждут, – сказал Юрген. – И, не зная, что это такое, я почему-то вполне уверен, что это не потворство бесконечным удовольствиям. Кроме того, не думаю, что смерть явится для меня концом всего. Если б я только мог быть совершенно уверен, что моя встреча с королем Смойтом и очаровательной Сильвией Тереей не была сном! Если же это так, простое рассуждение убеждает меня, что я не необходим Вселенной. Но почему-то мои верования не согласуются с таким рассуждением. Нет, идти в могилу, мысля немного шире, чем делают это мифические существа, справедливо по отношению к моим собственным интересам, поскольку мне не хватает необходимой доверчивости, чтобы стать вольнодумцем-материалистом. Считать, что мы ничего не знаем наверняка и не можем никогда ничего узнать наверняка, значит принимать слишком многое на веру.

Юрген приостановился и очень глубокомысленно потрянул два или три раза головой с прилизанными черными волосами.

– Нет, не могу верить в нечто, являющееся предопределенным концом всего сущего: это была бы чересчур несерьезная кульминация, чтобы удовлетворить драматурга, достаточно умного, чтобы выдумать Юргена. Нет, все так, как я и сказал тому загорелому: я не могу верить в уничтожение Юргена какими бы то ни было по-настоящему бережливыми владыками. Поэтому я позабочусь о том, чтобы Юрген не сделал ничего что он не мог бы более или менее благовидно объяснить в случае божественного расследования. Так намного безопаснее.

Тут Юрген еще раз потрянул головой и вздохнул.

– Наслаждения Кокаина меня не удовлетворяют. Они по-своему достаточно хороши, и я допускаю трюизм что в поисках семейного счастья две головы лучше чем одна. Да, Анайтида – превосходная жена. Тем не менее ее развлечения меня не удовлетворяют, а вести постоянную жизнь галантного кавалера для меня недостаточно. Нет, есть что-то еще, чего я желаю, а Анайтида не совсем меня понимает.

Глава XXIV

О компромиссах на Кокаине

Подобным образом Юрген жил на Кокаине чуть более двух месяцев и подчинялся обычаям этой страны. На Кокаине ничего не менялось, но в мире, в котором вырос Юрген, в это время был сентябрь с великолепным пожаром листвы и птицами, стаями, улетающими на юг, а сердца собратьев Юргена обращались к далеко не неприятным сожалениям. Но на Кокаине не было сожаления и непостоянства, а был лишь бесконечный поток любопытных удовольствий, освещаемый блуждающей звездой Венеры Механитиды.

– Почему же тогда я недоволен? – спросил Юрген. – И чего же я желаю? Мне кажется, что где-то по отношению к Юргену совершается какая-то несправедливость.

Между тем он жил с дочерью Солнца Анайтидой во многом так же, как жил с Лизой, дочерью ростовщика. Анайтида в целом проявляла более мягкий нрав; отчасти потому, что могла с уверенностью предвидеть на несколько веков вперед жизнь, объясненную Филологами, и у нее была меньшая нужда, чем у госпожи Лизы, беспокоиться о временном; а отчасти потому, что испортить характер в обществе Юргена за два месяца труднее, чем за десять лет. Анайтида ворчала и дулась какое-то время, когда ее принц-консорт охладил к поискам новых диковинных наслаждений, что он сделал весьма быстро, честно признавшись, что у него неприятные вкусы и что эти чужеземные изыски ему надоели. Позднее Анайтида, похоже, отчаялась сделать его знатоком любопытных удовольствий и разрешила Юргену вести сравнительно добродетельную жизнь, лишь изредка выражая беззлобные протесты.

Сбивало же Юргена с толку то, что она, похоже, не уставала от него, и он часто дивился, что именно эту прелестную мифическую личность, настолько опытную и способную в искусствах, в которых он являлся настоящим сапожником, могло привлекать в Юргене. Теперь они жили вместе, как любая другая банальная семейная пара, и их случайный обмен ласками был таким же обыденным, как прием пищи, и едва ли более волнующим.

«Бедняжка, я считаю, что это происходит лишь потому, что я чудовищно умный малый. Она не верит в мой ум, очень часто неодобрительно к нему относится, но, однако, ценит его как некую странность, своего рода диковинку. Но кто может отрицать, что на Кокаине ум поистине является диковинкой?»

Поэтому Анайтида баловала и нежила своего супруга и так открыто гордилась его странностями, что порой почти смущала его. Она не могла понять его позиции учтивого изумления по отношению к людям и событиям, с которыми он сталкивался, и даже к его собственным поступкам и чертам характера. Что бы ни случилось, Юрген лишь пожимал плечами и, сдерживая смех, выказывал изумление. Анайтида, конечно, вообще не могла этого понять, поскольку азиатские мифы в значительной степени лишены юмора. Наедине она заявляла Юргену, что ему следует стыдиться своей легкомысленности. Но, тем не менее, она вытаскивала его в свет и, находясь среди грубых и мрачных мифических существ, явно лучилась гордостью из-за странности Юргена.

«Она относится ко мне, как мать, – размышлял Юрген. – Откровенно говоря, я считаю, что, в конце концов, женщины могут любить лишь таким образом. А она – милое и прелестное создание, которое я искренне люблю. Чего же я тогда желаю? Почему чувствую, что жизнь ко мне не совсем справедлива?»

Так прошло лето, и Анайтида много путешествовала, будучи во всех краях весьма популярным мифическим персонажем. Ее чувство долга было настолько сильно, что она лично посещала самые причудливые празднества, устраиваемые в ее честь, и сейчас, когда приближалась пора сбора урожая, все это оставляло ей едва ли хоть одну свободную минуту. К тому же, предназначением Анайтиды было отвлечение от веры. Существовало так много людей, которых она лично должна была посетить, – так много знаменитых аскетов, которые направлялись прямым ходом к канонизации и которых ее мелкие подручные были не в силах отвлечь от веры, – что Анайтида была вынуждена проводить ночь за ночью во вредной и неудобной обстановке – в монастырях, кельях и пещерах отшельников.

– Ты изнуряешь себя, моя дорогая, – говорил Юрген, – и, в конце концов, не кажется ли тебе, что игра

едва ли стоит свеч? Что касается меня, то, чем путешествовать тысячи верст по пустыне, а затем забираться на стофутный столп лишь для того, чтобы прошептать отвлекающие мысли в очень грязное ухо анахорета, я бы позволил изможденному мошеннику отправиться на Небеса. Но ты так много общаешься со святыми людьми, что переняла их неспособность видеть смешную сторону вещей. Однако даже при этом ты – душка. Вот тебе поцелуй, и возвращайся к своему обожающему тебя мужу как можно скорее, не пренебрегая своим долгом.

– Докладывают, что этот Столпник весьма далеко зашел в своей праведности, – рассеянно сказала Анайтида, собираясь в поездку, – но я возлагаю на него большие надежды.

Затем Анайтида посыпала себе волосы фиолетовым порошком, поспешно собрала разные маскировочные приспособления и отправилась в Фивейские края. Юрген вернулся в библиотеку к «Системе почитания девушки» и уникальным манускриптам Астьянаса, Элефантиса, Сотада, Дионисийской доктрине, Таблице поз, «Литании сердцевины наслаждения», Спинтрианским трактатам, «Тридцати двум удовольствиям» и другим бесчисленным томам, которые он нашел весьма поучительными.

Библиотека представляла собой сводчатое помещение со стенами, расписанными двенадцатью Киренскими Асанами. На потолке находилась фреска, изображающая выгнутое дугой женское тело, ступни которого покоились на карнизе восточной стены, а вытянутые пальцы рук касались карниза западной стены. Одевание этой нарисованной женщины было весьма необычно, а лицо ее было знакомо Юргену.

– Кто это? – спросил он у Анаитиды.

Внешне слегка смутившись, Анайтида сказала, что это Асред.

– Я слышал, как ее называли по-иному, и видел ее в совершенно другом наряде.

– Ты видел Асред?

– Да, с кухонным полотенцем на голове и по-иному, более ненавязчиво, но подобающе одетую, могу тебя уверить! – Тут Юрген бросил взгляд в сторону, на свою тень, и откашлялся. – О, я нашел эту Асред очаровательной и достойной уважения старушкой, в чем также могу тебя уверить.

– Я бы предпочла ничего об этом не знать, – быстро сказала Анайтида. – Я бы предпочла, ради нас обоих, чтобы ты больше не говорил об Асред.

Юрген пожал плечами.

В Кокаинской библиотеке были собраны свидетельства обо всем, что природные мифы выдумали в области наслаждений. И здесь, в обществе лишь своей странной тени да Асред, изогнувшейся и уныло рассматривающей его, Юрген весьма приятно проводил большую часть времени в исследованиях и размышлениях о наиболее любопытных из этих развлечений. Сами нарисованные Асаны давали, по совести говоря, пищу для удивления. Но сверх этих десятков диковинных времяпрепровождений книги Анаитиды открыли Юргену, без утаивания или умалчивания, все остальные искусные проказы язычества. Для него оказался снятым покров с до тех пор не слыханных форм развлечений и любого вида отдыха, который можно было изобрести для удовольствий самых утонченных и самых грубых вкусов. По-видимому, в ходе причудливой игры с природой Анаитидой с братьями и сестрами не была пропущена ни одна разновидность анатомически возможных увеселений для утоления желания и получения некоего более проникновенного, или более странного, или более кровавого удовольствия. Однако чем глубже Юрген вникал и чем дольше размышлял над всем этим, тем яснее ему становилось, что подобные занятия являлись лишенными особого воображения поисками счастья.

«Я готов отведать любой напиток. Поэтому должен дать развлечениям объективную оценку. Но боюсь, что это игры духовного детства. Они напоминают мне, что я обещал детям поиграть с ними немного перед ужином».

Он вышел и вскоре, неотразимый в рубаше Несса, передразниваемый в каждом жесте своей нелепой тенью, принц Юрген играл в салочки с тремя маленькими Евменидами – дочками Анаитиды от брака с Царем Полночи Ахероном.

Анайтида и этот мрачный властелин разошлись по взаимному согласию.

– У Ахерона были добрые намерения, – говорила она со всепрощающим вздохом, – и я не отрицаю, что в отсутствие Луны он иногда отвлекал путешественников от веры. Но он меня не понимал.

И Юрген согласился с тем, что эта трагедия случается порой даже при бесподобных развлечениях.

Все три Евмениды в это время были уже взрослыми девочками, которых мать тщательно обучала сводить виновных людей с ума угрызениями совести. И очень странно было видеть, как юные фурии, одетые во все черное, размахивающие зажженными факелами и увенчанные маленькими змеями, занимаются в учебной комнате. Они привязывались к Юргену, который всегда любил детей и часто жалел, что госпожа Лиза не родила ему ребеночка.

– Этого достаточно, чтобы обругать бедняжку за эксцентричность, – обычно говорил он.

Юрген теперь много занимался своими приемными детьми. И, на самом деле, он находил их невинный лепет, в сущности, настолько же разумным, что и разговоры взрослых мифических существ, наводнявших дворец Анаитиды. И они вчетвером – Юрген, разборчивая Алекто, суровая Тисифона и похожая на фею младшая Мегера – совершали длительные прогулки, играли в куклы (хотя Алекто чуть снисходительно относилась к ним) и шумно возились в вечных сумерках Кокаина; и обсуждали, что за платья и игрушки привезет им мама, когда вернется из Екбатаны или с Лесбоса, а главным образом веселились.

Юрген находил юных Евменид до слез искренними и лишенными воображения девчушками. Они унаследовали большую часть ограниченности матери, не говоря уж о тяжелых и мрачных наклонностях отца, но в них эта ограниченность казалась просто забавной. И Юрген их любил и часто размышлял о том, как жалко, что эти милые девочки обречены по достижении зрелости проводить остаток жизни в преследованиях преступников, прелюбодеев, отце- и матереубийц, изменников родины и, в основном, таких людей, которые неизбежно должны лишиться чистоты взгляды девочек на жизнь и заставить их увидеть слишком многое из дурной стороны человеческой природы.

Так что Юрген был отчасти доволен. Но все же он не был действительно счастлив даже среди бесконечных удовольствий Кокаина.

«И чего же я желаю?» – спрашивал он у себя снова и снова.

И по-прежнему не знал. Он просто чувствовал, что не добился справедливости, а смутное ощущение этого беспокоило его даже во время игр с Евменидами.

Глава XXV

Заклинания Магистра Филолога

В то время, как уже объяснялось, был сентябрь, и Юрген видел, что Анайтида чем-то слишком обеспокоена. Она скрывала от него причину как могла долго: сначала сказала, что все в порядке; потом сказала, что он скоро все узнает; потом поплакала немного из-за того, что он, вероятно, будет очень рад обо всем услышать; и, наконец, все ему объяснила. Став супругом легендарной личности, связанной с Луной, Юрген, конечно же, подвергал себя опасности быть превращенным Филологами в персонаж солярного мифа и в этом случае был бы вынужден покинуть Кокаин в Равноденствие, чтобы совершать повсеместно осенние подвиги. И сердце Анайтиды было совершенно разбито перспективой разлуки с Юргеном.

– У меня на Кокаине никогда не было такого принца-консорта: настолько сводящего с ума, настолько беспомощного и умного. И девочки так тебя любят, хотя они вообще-то были не в силах поладить с большинством приемных отцов! И я знаю, что ты легкомыслен и бессердечен, но ты совершенно отбил у меня тягу к другим мужчинам. Нет, Юрген, нет нужды спорить. Раньше, во время путешествий, я проэкспериментировала по крайней мере с дюжиной любовников, и они мне все нестерпимо надоедали. Они, как ты, милый, выражаешься, не умели поддерживать беседу. А ты – единственный молодой человек, которого я нашла за все эти века, способный интересно говорить.

– На это есть причина, поскольку, как и ты, Анайтида, я не такой молодой, каким кажусь.

– Меня нисколько не волнует твой внешний вид, – заплакала Анайтида, – но я знаю, что люблю тебя и что ты должен покинуть меня в Равноденствие, если не уладишь этот вопрос с Магистром Филологом.

– Детка, – сказал Юрген, – евреи попали в Иерихон, попытавшись это сделать.

Он опоясался Калибуром, выпил пару бутылок вина, надел поверх доспехов рубаху Несса и отправился на поиски этого чудотворца.

Анайтида проводила его до скромного жилища, во дворе которого сушилось постиранное белье. Юрген смело постучал, и через некоторое время дверь отворил сам Магистр Филолог.

– Извините за отсутствие церемоний, – сказал он, щурясь за покрытыми пылью большими очками, – но, к несчастью, время задержали где-то поблизости в четверг вечером, и служанка будет отсутствовать неопределенно долго. Поэтому я предполагал, что на крыльце ожидает эта дама. Ибо было бы не совсем удобно, если б соседи увидели, как она входит.

– Вы знаете, зачем я пришел? – спросил Юрген, грозный и великодушный в своей блестящей рубахе и сверкающих доспехах. – Ибо предупреждаю вас, что я есмь справедливость.

– По-моему, вы лжете, и уверен, что вы устраиваете никому не нужный шум. Так или иначе, справедливость – это слово, а я управляю всеми словами.

– Вы очень скоро обнаружите, сударь, что поступки говорят громче слов.

– Я верю, что это так, – сказал Магистр Филолог, по-прежнему прищурившись, – но и толпа евреев говорила громче Того, Кого они распяли. Но Слово не пришло.

– Вы занимаетесь софистикой!

– Вы – мой гость. Поэтому советую вам, из простой дружелюбности, не оспаривать мощь моих слов.

Юрген же с презрением сказал:

– Значит, справедливость – слово?

– О да, одно из самых употребимых. Английское «justice», испанское «justicia», итальянское «giustizia» – все они происходят от латинского «Justus». О да, в самом деле, но справедливость – одно из моих лучше всего связанных с другими и привязанных к другим слов, могу вас уверить.

– Ага, и к какому же вырожденному употреблению вы приговорили эту бедную, поработленную,

запуганную справедливость?

– Существует лишь одно разумное употребление этого слова, – спокойно сказал Магистр Филолог, – для любого, кто имеет дело со словами. Я объясню вам это, если вы зайдете ко мне с этого предательского сквозняка. Неизвестно, к чему может привести простуда.

Тут дверь за ними затворилась, и Анайтида осталась ждать снаружи с некоторой тревогой.

Вскоре Юрген вышел из этого скромного жилища и в замешательстве вернулся к Анаитиде. Юрген бросил на землю свой волшебный меч – заколдованный Калибур.

– Это, как я понимаю, Анайтида, старомодное оружие. Нет более сильного оружия, чем слово, и никакие доспехи не защитят от слов, и именно словами победил меня Магистр Филолог. Это вообще-то нечестно, но человек показал мне огромную книгу, в которой есть имена всего на свете, а справедливости среди них нет. Вместо этого, оказывается, справедливость – всего лишь обычное существительное, неопределенным образом обозначающее некое этическое понятие поведения, соответствующего обстоятельствам, будь то индивидуумы или целые сообщества. Это, заметь, всего лишь мнение грамматика.

– Но что он решил в отношении тебя, Юрген?

– Увы, милая Анайтида, он вывел, несмотря на все мое старание, слово «Jurgen» из слова «jargon», обозначающего беспорядочный щебет птиц при восходе солнца. Вот так безжалостно Магистр Филолог превратил меня в персонаж солярного мифа. Дело решенное: мы должны расстаться, моя дорогая.

Анайтида подняла с земли меч.

– Но он же ценен, поскольку человек, владеющий им, является самым могучим из воинов.

– Это всего лишь тростник, гнилой прут, метла по сравнению с хитроумным оружием Магистра Филолога. Но храни его, если хочешь, моя милая, и вручи его следующему принцу-консорту. Мне стыдно возиться с этими игрушками, – сказал Юрген с отвращением. – И, кроме того, Магистр Филолог уверяет меня, что я достигну гораздо больших высот с помощью вот этого.

– Что это у тебя на куске пергамента?

– Тридцать два собственных слова Магистра Филолога, которые я у него выклянчил. Смотри, моя милая, он написал это заклинание для меня собственноручно. – И Юрген с выражением прочитал слова на пергаменте: «После смерти Адриана Пятого Педро Хулиани, который должен был быть назван Иоанном Двадцатым, по причине некоей ошибки, вкравшейся в вычисления, оказался возведенным на святейший престол в качестве Папы Римского Иоанна Двадцать Первого».

– И это все? – беспомощно спросила Анайтида.

– Ну да. И, разумеется, целых тридцати двух слов наверняка достаточно для самых придирчивых скептиков.

– Но разве это волшебство? Ты уверен, что это подлинное волшебство?

– Я узнал, что в словах всегда присутствует волшебство.

– Если ты спросишь мое мнение, Юрген, то я отвечу, что твое заклинание – вздор и им никогда нельзя будет хоть как-нибудь воспользоваться. Без хвастовства, милый, я в свое время имела дело с черной магией, но никогда не сталкивалась с подобными заклинаниями.

– Тем не менее, моя дорогая, это явно заклинание, иначе Магистр Филолог никогда бы не дал мне его.

– Но как ты им воспользуешься?

– Что ж, нужда покажет, – сказал Юрген и положил пергамент в карман блестящей рубахи. – Да, повторяю, словам всегда найдется применение, а здесь целых тридцать два подлинных слова самого Магистра Филолога, не говоря уже о четырех запятых и точке. О, с этим оружием я определенно уйду далеко.

– У нас, женщин, твердая вера в меч, – ответила Анайтида. – В любом случае, мы с тобой не можем оставаться на крыльце этого чудотворца бесконечно долго.

С этими словами Анайтида вложила Калибур в ножны и понесла его от скромного жилища чудотворца в свой прекрасный дворец посреди старого сумрачного леса. А впоследствии, как все знают, она отдала этот меч королю Артуру, который с его помощью поднялся до таких высот, что его назвали одним из Десяти Всемирных Героев. Так муж Гиневры завоевал себе вечную славу с помощью того предмета, который Юрген выбросил прочь.

Глава XXVI

В песочных часах Времени

– Ну и ну! – сказал Юрген, скинув с себя дурацкие, по его мнению, железяки и оставшись в своей удобной рубаше. – Вне сомнения, положение скверное. На Кокаине я вполне доволен жизнью, и нечестно, что меня вот так выгоняют. Все же благоразумный человек где угодно устроится с удобствами. Но куда же, ты полагаешь, мне следует отправиться?

– В любой край по своему выбору, мой милый, – нежно сказала Анайтида. – По крайней мере, это я могу для тебя устроить. А истолкованием твоей легенды можно заняться впоследствии.

– Но я устал от всех стран, которые видел, милая Анайтида, а в свое время я посетил почти все земли, известные людям.

– Это тоже можно устроить, и ты можешь отправиться в одну из стран, о которых люди только мечтают. На самом деле существует большое количество таких царств, которые ни один человек не посещал, разве что во сне, поэтому у тебя широкий выбор.

– Но как мне выбрать, если я не видел этих стран? Несправедливо заставлять меня делать это.

– Что ж, я покажу их тебе, – ответила Анайтида.

Тут они вдвоем отправились в маленькую синюю комнату, стены которой были украшены расположенными в беспорядке золотыми звездами. В комнате совершенно ничего не было, за исключением песочных часов высотой в два человеческих роста.

– Это личные часы Времени, – сказала Анайтида, – которые хранятся у меня, когда Время спит.

Анайтида отворила хрустальную дверцу, находящуюся в нижней половине часов, как раз над уровнем песка. Кончиками пальцев она дотронулась до песка, лежащего в часах Времени, и начертала на нем равносторонний треугольник – она, которая была странным образом одарена и извращена. Потом она начертала другую подобную фигуру так, что вершина ее оказалась внутри первого треугольника. Песок начал тлеть, а в верхнюю часть часов стали подниматься пары, и Юрген увидел, что весь песок в часах Времени зажегся посредством магии, порожденной соприкосновением этих двух треугольников. А в парах образовалась картина.

– Вижу землю с лесами и реками, Анайтида. Очень старый человек в короне спит под ясенем, охраняемый стражем, у которого рук больше, чем у Шинджешеда.

– Это Атлантида и спящее древнее Время – Время, которому принадлежат эти часы, – а на страже, стоит Бриарей.

– Время спит совершенно обнаженным, Анайтида, и, хотя это деликатный предмет для разговора, я замечаю, что с ним случилось нечто плачевное.

– Бог Времени больше никого не породит, Юрген, покуда же он повторяет снова и снова старые события и изменяет имена древних вещей, убеждая себя, что у него появляются новые игрушки. В действительности, нет более скучного и утомительного старого дурня, могу тебя уверить. Но Атлантида является лишь западной провинцией Кокаина. Теперь смотри дальше, Юрген!

– Теперь я вижу цветущую равнину и три крутых холма, а на каждом холме стоит замок. Там леса с малиновой листвой; птицы с белыми грудками и пурпурными головками едят гроздь золотых ягод, растущих повсюду; а люди ходят в зеленых одеждах с золотыми цепями на шеях и широкими золотыми браслетами на руках, и у этих людей невозмутимые лица.

– Это Инислоха, а на юге – Инис-Далейб, а на севере – Инис-Эркандра. И там вечно слышна сладчайшая музыка, даже если мы слушаем лишь птиц Рианнон, и там лучшее вино, а наслаждение – обычное дело. Туда не проникает ничто тяжелое или грубое, никакое горе, никакие беды или болезни, ни старость, ни смерть, ибо это Страна Женщин, край многоцветного гостеприимства.

– Что ж, тогда она не отличается от Кокаина. И ни в какое царство, где удовольствия бесконечны, не рискну я вновь отправиться по доброй воле, так как нахожу, что не получаю удовлетворения от наслаждений.

Затем Анайтида показала ему Огигию, Трифему, Сударсану, Счастливые Острова, Ээю, Каер-Ис, Инвалиду, Геспериды, Меропиду, Планасию, Уттару, Аваллон, Тир-нам-Бео, Фелему и множество других стран, в которые желали попасть люди. И Юрген горько застонал.

– Мне стыдно за своих собратьев, – говорит он. – Получается, что их представление о счастье соответствует разукрашенному борделю. Не думаю, что как уважающий себя молодой принц я захотел бы поселиться в подобном земном рае, ибо, если бы не было другого выбора, я всегда бы ожидал вмешательства правоохранительных органов.

– Тогда остается лишь одно царство, которое я тебе еще не показала отчасти потому, что это глухое местечко, а отчасти потому, что по одной причине личного характера я не помогу тебе туда попасть. Это Левка, где правит царица Елена, и Левку ты сейчас увидишь.

– Но Левка похожа на любой другой край осенью и, кажется, благоразумно лишена фантастических зверей и чрезмерно вытянутых цветов, которые делают любой другой рай выглядящим достаточно по-детски. Что ж, в Левке есть привлекательная простота. Я мог бы примириться с Левкой, если б местные обычаи доставляли мне беспокойства в разумных пределах.

– Беспокойств ты получишь сполна. Ибо ни у одного мужчины сердце не остается в покое после того, как он хоть раз посмотрит на царицу Елену. По этой причине, Юрген, я не помогу тебе добраться до Левки. На Левке, увидев царицу Елену, ты меня забудешь.

– Какой же вздор ты несешь, моя дорогая! Держу пари, она тебе и в подметки не годится.

– Увидишь сам! – с грустью сказала Анайтида.

Тут в клубящихся парах появилось мерцающее и колеблющееся сверкание самых прелестных цветов земли и неба. Оно вскоре упорядочилось, и Юрген увидел в часах перед собой ту юную Доротею, которая еще не стала женой гетмана Михаила. Долго и тоскливо смотрел он на нее, и его глаза наполнились беспричинными слезами, и какое-то время он не мог вымолвить ни слова.

Потом Юрген зевнул и сказал:

– Определенно, это не та Елена, которая славилась своей красотой.

– Уверю тебя, та, – сказала Анайтида. – И именно она правит на Левке, куда я не намерена тебя отпускать.

– Но, моя дорогая! Это же нелепо. На эту девушку, так или иначе, особо не засмотришься. Полагаю, она действительно не уродина, если уж кто-то восхищается такими блеклыми блондинками. Но называть ее красавицей не лезет ни в какие ворота. И против этого я возражаю из чувства справедливости.

– Ты так действительно думаешь? – спросила Анайтида, просветлев.

– Несомненно. Неужели ты не помнишь, что Кальпурний Басе говорил обо всех блондинках?

– Нет, не знаю. Что же он сказал, милый?

– Я лишь испортил бы великолепный пассаж, неточно процитировав его по памяти. Но Басе совершенно прав, и его мнение совпадает с моим в мельчайших деталях. И, если это лучшее, что может предложить Левка, я от души соглашусь с тобой, и мне лучше отправиться в какую-нибудь другую страну.

– Полагаю, ты уже положил глаз на ту или иную распутницу.

– Моя любовь, девушки на Гесперидах поразительно похожи на тебя, а волосы даже чудеснее твоих. А та девушка Айгла, которую мы видели в Тир-нам-Бео, тоже весьма напоминает тебя, за исключением того, что, по-моему, фигура у нее получше. И я считаю, что в любой из этих стран я мог бы через некоторое время стать вполне счастливым. Поскольку я должен с тобою расстаться, – нежно сказал Юрген, – из справедливости к самому себе я намерен найти спутницу, насколько только это возможно, похожую на тебя. Понимаешь, сначала я могу делать вид, что это ты. А потом, когда полюблю ее ради нее самой, ты

постепенно уйдешь у меня из головы, и это не вызовет у меня невыносимой тоски.

Анайтида не была этим польщена.

– Так ты уже жаждешь этих потаскух! И думаешь, что они выглядят лучше меня! И ты говоришь мне это прямо в лицо!

– Моя дорогая, ты не можешь отрицать, что мы были женаты целых три месяца. И никто не может сохранять безрассудную страсть к какой угодно женщине так долго, несмотря на то что ему ни в чем не отказывали. Страсть – главным образом предмет любопытства, а оба этих чувства умирают, насытившись.

– Юрген, – осуждающе сказала Анайтида, – ты мне в чем-то лжешь. Я вижу это по глазам.

– Нельзя обмануть женскую интуицию. Да, я говорил не совсем честно, когда притворялся, что мне все равно куда отправляться – на Геспериды или в Тир-нам-Бео. В этом я не прав, извини меня. Я думал, что показным безразличием смогу тебя укротить. Но ты видела меня насквозь и весьма справедливо рассердилась. Так что я открываю карты и больше не буду ходить вокруг да около. Я люблю Айглу, дочь Кормака, и кто может меня винить? Видела ли ты когда-нибудь в жизни более соблазнительную фигуру, Анайтида? Я уж точно нет. Кроме того, я заметил... но это неважно! Все же я не мог этого не увидеть. А потом такие глаза! Два маяка, освещающие мне путь к утешению моего далеко не незначительного сожаления по поводу разлуки с тобой, моя дорогая. О да, конечно же, я выбираю Тир-нам-Бео.

– Куда ты отправишься, мой милый друг, выбираю я, а не ты. И ты отправляешься на Левку.

– Любовь моя, будь же благоразумна! Мы вдвоем согласились, что Левка нисколько не подходит мне. На Левке даже нет привлекательных женщин.

– Неужели у тебя нет других чувств, кроме любви к книгам?! По этой причине я и посылаю тебя на Левку.

И, сказав это, Анайтида распространила сильнейшие чары, ускорившие наступление Равноденствия. Колдуня, она немного всплакнула, ибо любила Юргена.

А Юрген, как мог, сохранял обиженное и сердитое выражение лица, потому что при виде царицы Елены, так походившей на юную Доротею ла Желанэ, его перестала волновать королева Анайтида, и ее развлечения, и все остальное на свете, кроме одной царицы – наслаждения богов и людей. Но Юрген уже научился тому, что Анайтида требует к себе чуткого отношения.

«Ради нее же самой, – так он это выразил, – и из простой справедливости ко множеству восхитительных качеств, которыми она обладает».

Глава XXVII

Беспокойные владения царицы Елены

– Но как я могу путешествовать посредством Равноденствия, некоей фикции, простой условности? – спросил Юрген. – Требовать от меня совершения подобного нелепо. – Разве это более нелепо, чем путешествовать с помощью воображаемого существа вроде кентавра? – возразили ему. – Что ж, принц Юрген, мы удивляемся, как вы, совершивший этот неслыханный поступок, можете иметь наглость называть что-либо нелепым! Есть ли в вас хоть какая-нибудь рассудительность? Условности весьма уважаемы и намного сильнее, чем большинство кентавров. Не будете же вы бросать камни в добропорядочность, принц Юрген? Мы невыразимо поражены вашей нелюбовью к такому хорошо известному явлению, как Равноденствие! – И еще много подобного говорили ему.

Короче, на него наседали до тех пор, пока Юрген не оказался чересчур запутан, чтобы спорить, а голова у него шла кругом, и одно виделось таким же нелепым, как и другое. И он перестал замечать особую невероятность путешествия с Равноденствием и таким образом переправился без дальнейших возражений и споров с Кокаина на Левку. Но его возбуждение не было бы настолько сильно, не думай Юрген все это время о царице Елене и ее красоте.

Первым делом он немедленно расспросил, как можно быстрее всего предстать перед царицей Еленой.

– Вы найдете царицу Елену, – сказали ему, – в ее дворце в Псевдополе.

Его осведомительницей оказалась гамадриада, которую Юрген повстречал на опушке леса, возвышавшегося к западу от города. За широкими покатыми пространствами сжатых хлебов виднелся Псевдополь – город, построенный из золота и слоновой кости, ослепительно сверкающий под едва видимым небом, казавшимся необычайно удаленным от земли.

– И царица столь же прекрасна, как и слухи о ее красе? – спросил Юрген.

– Мужчины говорят, что она превосходит красотой всех женщин, – ответила гамадриада, – настолько же безмерно, насколько, на женский взгляд, ее муж выделяется среди всех мужчин...

– О, Боже! – сказал Юрген.

– ...Хотя я не вижу ничего примечательного во внешнем облике царицы Елены. И, по-моему, женщине, о которой так много говорят, следует уделять больше внимания своим нарядам.

– Так эта царица Елена уже замужем! – Юрген не обрадовался этому, но и не видел причины для отчаянья. Затем Юрген спросил про мужа царицы и узнал, что сейчас на Елене, дочери Лебеда, женат Ахилл, сын Пелея, и они вдвоем правят в Псевдополе.

– Сообщают, – сказала гамадриада, – что в мрачном царстве Аида Ахилл вспомнил ее красоту и был так ободрен этим воспоминанием, что разорвал цепи Аида. Так сделал Ахилл, царь людей, а его товарищи отправились на повторные поиски этой Елены, которую называют, – и, по-моему, значительно преувеличивая, – чудом света. Затем боги осуществили желание Ахилла, поскольку, как они сказали, мужчина, хоть раз узревший царицу Елену, никогда не будет знать покоя без этого чуда света. Лично мне не нравится мысль, что все мужчины настолько глупы.

– Я допускаю, что мужчины не всегда действуют разумно, а потом, – лукаво сказал Юрген, – многие из их прародительниц – женщины.

– Но прародительница – всегда женщина. Никто никогда не слышал о прародительнице-мужчине. Мужчины – прародители. Так о чем же вы говорили?

– По-моему, мы разговаривали о браке царицы Елены.

– Разумеется! И я рассказывала вам о богах, когда вы сделали эту забавную ошибку с прародителями. Однако все порой делают ошибки, а иностранцы всегда норовят перепутать слова. Я сразу поняла, что вы – иностранец.

– Да, – сказал Юрген, – но вы рассказывали не обо мне, а о богах.

– Вам, наверно, известно, что стареющие боги стремятся к спокойствию. «Мы отдадим ее Ахиллу, – сказали они. – А потом, возможно, этот царь людей спрячет ее в таком надежном месте, что его младшие собратья придут в отчаяние и прекратят воевать за Елену. И нас больше не будут тревожить их войны и прочие глупости». По этой причине боги отдали Елену Ахиллу и отправили эту чету царствовать на Левку, хотя, – закончила гамадриада, – я не перестаю удивляться, – что он в ней находит... да, даже если доживу до тысячи лет.

– Я должен, – заявил Юрген, – посмотреть на этого монарха Ахилла, пока мир не стал на день старше. Царь – это, конечно, очень хорошо, но ни одна корона не позволяет избежать добавления другого головного убора.

И Юрген развязной походкой направился в Псевдополь.

* * *

А вечером, как раз после захода солнца, Юрген вернулся к гамадриаде. Он шагал, опираясь на ясеневиный посох, который дал ему Терсит. Юрген был невесел, а скорее даже смирен.

– Посмотрел я на вашего царя Ахилла, – говорит Юрген, – и он лучше меня. Царица Елена, что я с сожалением признаю, нашла себе достойную пару.

– И что вы о ней скажете? – спрашивает гамадриада.

– Нечего больше сказать, кроме того, что она нашла достойную пару и она – подходящая жена для Ахилла. – На сей раз бедный Юрген был по настоящему несчастен. – Я восхищаюсь Ахиллом, я ему завидую и боюсь его, – говорит Юрген. – И несправедливо, что он сотворен лучше меня.

– Но разве царица Елена не прелестнейшая из всех дам, которых вы когда-либо видели?

– Что касается этого!.. – говорит Юрген. Он подвел гамадриаду к лесному озеру как раз у дуба, в котором она жила: темная спокойная вода – природное зеркало. – Смотри! – сказал Юрген, а говорил он, указывая вниз своим посохом.

Тишина, царившая в лесу, была чудесна. Воздух – сладок и чист, а ветерок, разгуливающий среди ветвей дуба в поисках ночи, был нежным и мирным, поскольку знал, что вот-вот наступит всеисцеляющая ночь.

– Но я вижу лишь свое лицо, – ответила гамадриада.

– Тем не менее, это ответ на твой вопрос. Теперь же скажи мне, как тебя зовут, моя милая, чтобы я узнал, кто в действительности прелестнейшая из всех дам, которых я когда-либо видел.

Гамадриада сказала, что ее зовут Хлорида, и что она всегда выглядит пугалом с такой прической, как у нее сегодня, и что он – до странного нахальный малый. А он в свою очередь признался, что он – король Юрген Евбонийский, привлеченный из своего далекого царства преувеличенными сообщениями относительно красоты царицы Елены. Хлорида согласилась с ним, что слухи об этом преимущественно недостоверны.

Это привело к дальнейшей беседе в сгущающихся сумерках. И, пока эта миловидная девушка превращалась в теплую, дышащую тень, едва доступную зрению, тень Юргена покидала его, и он начинал говорить все лучше и лучше. Он видел царицу Елену лицом к лицу, и остальные женщины не имели для него никакого значения. Добьется ли он благосклонности этой гамадриады или нет, так или иначе, не играло для него никакой роли. И поэтому Юрген говорил настолько складно, с такими уместными замечаниями и такой нежностью, что поражался самому себе.

Он сидел, с наслаждением слушая соблазнительные речи этого чудовищно умного малого Юргена. А это пухленькое, ясноглазое создание с темными волосами, эту самую Хлориду, ему было искренне жаль. В лишенную событий жизнь гамадриады здесь, в этом глухом лесу, вероятно, не могло проникнуть какое-либо радостное возбуждение, и казалось нужным внести сюда хоть малую его толику. «Что ж, хотя бы из справедливости к ней, – размышлял Юрген, – я должен обращаться с ней честно».

Под деревьями становилось все темнее и темнее, а того, что происходило в темноте, никто не видел. Слышались лишь два голоса, переговаривавшихся с длинными паузами. А говорили беседовавшие серьезно о пустяках, как играющие дети.

– И как же это король путешествует без свиты и даже без меча?

– Я путешествую с посохом, моя милая, и, как ты понимаешь, его мне достаточно.

– По совести сказать, он достаточно большой. Увы, молодой чужестранец, называющий себя королем! Вы носите кистень разбойника с большой дороги, и я боюсь вашего посоха.

– Мой посох – ветвь с мирового древа жизни Иггдрасиля. Его дал мне Терсит, а сок, что бьется в нем, истекает из источника Урд, где суровые Норны создают для людей законы и определяют их судьбы.

– Терсит – большой насмешник, а его дары – сплошное издевательство. Я бы их не взяла.

Они повздорили, не слишком сильно, из-за того, что Юрген вытворял со своим бесценным посохом.

– В любом случае, уберите его от меня! – попросила Хлорида.

Тогда Юрген спрятал посох туда, где Хлорида не могла его увидеть, а сам привлек к себе гамадриаду и, довольный, рассмеялся.

– Ох, ох! Ужасный вы король, – воскликнула Хлорида. – Боюсь, что вы принесете мне смерть! А у вас нет права притеснять меня таким образом, я не ваша подданная.

– Скорее ты станешь моей королевой, милая Хлорида, получив то, что я больше всего ценю.

– Но вы слишком деспотичны, и мне страшно оставаться наедине с вами и вашим большущим посохом! Ах! Зная, что говорит, моя мать обычно использовала эолийскую поговорку: «Царь жесток и получает удовольствие от крови!»

– Вскоре ты не будешь бояться меня, как и моего посоха. Все дело в привычке. Для такого случая тоже есть эолийская присказка: «Вкус первой маслины неприятен, но вторая – сладка».

На какое-то время наступила тишина, не считая тихого тайного перешептывания деревьев. Одна из крупных цикад, посетивших остров Левку, начала стрекотать.

– Подождите же, король Юрген, я отчетливо слышу шаги: кто-то идет нас потревожить.

– Это ветер в верхушках деревьев или, вероятно, какой-то бог, завидующий мне. Меня ничто не остановит.

– Ах, но говорите же о богах почтительно! Это не у бога Любви, а у бога Ревности есть крылья, чтобы покинуть нас.

– Тогда я – бог, ибо в моем сердце – любовь, и во всех фибрах души – любовь, и из меня сейчас истекает любовь.

– Но, определенно, я слышу, как кто-то приближается...

– А разве ты не ощутила, что я вынул свой посох из потайного места?

– Ах, у вас большая вера в этот посох!

– Мне не страшен никто, когда я размахиваю им.

Первой цикаде ответила еще одна. Теперь насекомые вели открытый спор, наполняя теплый мрак своим упрямым стрекотанием.

– Король Евбонийский, то, что вы сказали мне о маслинах, без сомнения, правда.

– Да, любовь всегда порождает правдивость.

– Молю, чтобы между нами родилась высшая правдивость и ничего другого, король Юрген.

– Не «Юрген», а «любимый».

– В самом деле, говорят, что в такой вот крошечной темноте бог Любви приходил к своей милой Психее.

– Тогда отчего же ты жалуешься, ведь я благочестиво стремлюсь превзойти богов и предлагаю Любви самую искреннюю лесть? – И Юрген потряс перед ней посохом.

– Ах, но вы удивительно легки на лесть! А бог Любви не пугал Психею таким громадным посохом.

– Возможно, ведь я-то – Юрген. И обхожусь справедливо со всеми женщинами, и ни на кого не поднимаю посоха, кроме как из добрых побуждений.

Так они несли разный вздор в кромешной темноте, тогда как множество цикад вело непрерывную беседу. Теперь, разговаривая под дубом, Хлорида и Юрген стали невидимы даже друг для друга; но перед ними под усеянным золотой пылью небосводом в дымке сияли поля, потому что эта ночь казалась сотворенной из звезд. И, пока Юрген смеялся и получал удовольствие вместе с Хлоридой, он видел также и белые башни Псевдополя. Он подумал, что, весьма вероятно, Ахилл и Елена смеялись и занимались в эту чудесную ночь сходными делами.

Он вздохнул. Но через некоторое время Юрген и гамадриада уже вновь говорили. Так же непоследовательно, и так же непрерывно стрекотали цикады. Позднее возшла луна, и Юрген с Хлоридой уснули.

Юрген поднялся на рассвете и оставил гамадриаду Хлориду все еще спящей. Он стоял, возвышаясь над городом, и рубаха Несса блестела в лучах солнца. А Юрген думал о царице Елене. Затем он вздохнул и, вернувшись к Хлориде, разбудил ее своеобразным приветствием, которое показалось ей вполне соответствующим обстоятельствам.

Глава XXVIII

О компромиссах на Левке

Дальше история рассказывает, что десять дней спустя Юрген и его гамадриада должным образом поженились в соответствии с законом Леса. Ни на миг Хлорида не помышляла о нарушении приличий, поэтому они поженились в первый же вечер, когда ей удалось собрать свою родню.

– Между прочим, Хлорида, у меня уже есть две жены, – говорит Юрген, – и нужно в этом честно признаться.

– По-моему, ты только вчера прибыл на Левку.

– Верно, ибо я появился вместе с Равноденствием.

– Тогда у Югатина не было времени на ком-нибудь тебя женить, и, определенно, у него никогда и мысли бы не возникло женить тебя на двух женщинах сразу. Почему ты говоришь такую ерунду?

– Нет, это правда, и меня женил не Югатин.

– Вот! – говорит Хлорида, словно вопрос утрясен. – Теперь сам видишь.

– Да, разумеется, – говорит Юрген, – теперь я понимаю, что это представляет все в несколько ином свете.

– Это все на свете делает совершенно иным.

– Я едва ли мог бы зайти так далеко. Все же я ощущаю, что здесь все обстоит по-иному.

– Ты говоришь так, словно не общеизвестно, что людей женит Югатин!

– Нет, милая, давай будем честными! Я сказал не совсем это.

– ...И словно всех всегда женит не Югатин!

– Да, здесь на Левке, вероятно. Но, понимаешь ли, моя дорогая, за пределами Левки!..

– Но никто не бывает за пределами Левки. Никто не думает покидать Левку. Ни разу не слыхала о такой ерунде.

– Ты имеешь в виду, что никто не покидает этот остров?

– Никто, о ком ты когда-либо слышал. Конечно, существуют Лары и Пенаты, не имеющие положения в обществе, которых цари Псевдополя иногда берут в путешествия...

– Все же люди в других странах тоже женятся.

– Нет, Юрген, – печально сказала Хлорида, – у Югатина правило – никогда не покидать остров. И на самом деле я уверена, что он никогда и не думал о таком неслыханном поступке. Так что, конечно же, люди в других странах не имеют возможности жениться.

– Но, Хлорида, в Евбонии...

– Если ты не против, милый, по-моему, нам лучше поговорить о чем-нибудь более приятном. Я не порицаю вас, мужчин Евбонии, потому что все мужчины в подобных вопросах совершенно безответственны. И, вероятно, это не всецело вина женщин, хотя, по-моему, любая, по-настоящему уважающая себя женщина имела бы силу характера, чтобы держаться в стороне от таких незаконных отношений, и я вынуждена тебе это сказать. Поэтому давай больше не будем говорить об этих особах, которых ты описываешь как своих жен. С твоей стороны, дорогой, очень тактично называть их так, и я ценю твою деликатность. Все же я действительно считаю, что нам лучше поговорить о чем-нибудь другом.

Юрген задумался.

– Однако ты не думаешь, Хлорида, что в отсутствие Югатина – и, как я понимаю, при неизбежном отсутствии Югатина, – эту церемонию могли бы совершить другие?

– О да, если б захотели. Но это не считалось бы законным. Никто, кроме Югатина, не может действительно поженить людей. И поэтому, конечно же, никто другой этого и не делает.

– Почему ты так уверена в этом?

– Ну, потому что, – ликующе сказала Хлорида, – никто никогда о таком не слышал.

– Ты выразила, – сказал Юрген, – целую философскую систему. Давай же во что бы то ни стало пойдем к Югатику и поженимся.

Так их и поженил Югатин с церемонией, согласно которой Югатин всегда женил Лесной Народ. Сначала Вирго в своей обычной манере развязала Хлориде пояс, а Хлорида, посидев гораздо дольше, чем хотелось Юргену, на коленях Мутуна (который находился в таком состоянии, которого требовал от него обычай), была приведена обратно к Юргену Домидуком в соответствии с древним обычаем; свою роль сыграла Субиги; затем Према схватила невесту за пухлые ручки, и все стало совершенно законным.

После Юрген распорядился своим посохом так, как указал Терсит, а потом Юрген зажил с Хлоридой на опушке леса, подчиняясь обычаям Левки. Деревом Хлориды был очень большой дуб, так как ей сейчас было двести шестьдесят шесть лет, и поначалу им дал прибежище его просторный ствол. Но позднее Юрген построил себе маленькую хижину, крытую птичьими перышками, и устроился более уютно.

– Для тебя вполне достаточно, моя милая, – по сути, этого от тебя и ждут – жить в стволе дерева. Но у меня это вызывает неприятное чувство, будто я – червь, и без необходимости подчеркивает ограничения семейной жизни. Кроме того, ты же не хочешь, чтобы я все время находился у тебя под башмаком, а я не хочу обратного. Нет, давай возвращать здоровое воздержание от фамильярности; таков один из секретов прочного брака. Но почему ты за все эти годы ни разу не выходила замуж?

Она ему рассказала. Сначала Юрген ей не поверил, но вскоре он убедился, по крайней мере, с помощью двух своих органов чувств, что Хлорида рассказала ему о гамадриадах чистую правду.

– Иначе ты совсем бы походила на женщин Евбонии, – сказал Юрген.

Теперь Юрген встретился со многими представителями Лесного Народа. Но так как дерево Хлориды стояло на краю чащи, он увидел и Полевой Народ, живший между лесом и городом Псевдополом. Они стали соседями и товарищами Хлориды и Юргена.

Хотя время от времени в лесу, конечно же, происходили семейные сборища, но Юрген вскоре нашел достаточную причину не доверять Лесному Народу и не ходил ни на одно из них.

– В Евбонии, – сказал он, – нас учат, что родственники жены никогда не обвиняют тебя прямо в лицо, пока ты держишься от них в отдалении. И чего-то большего ни один здравомыслящий человек не ждет.

Между тем король Юрген был сбит с толку и Полевым Народом, жившим по соседству. Они все до единого занимались своими обычными делами. Так, Рунцина присматривала за тем, чтобы поля были прополоты; Сея заботилась о зернах, пока они покоятся в земле; Нодоса устраивала завязывание колосьев; Волусия оборачивала лист вокруг колоса; у каждой была некая древняя обязанность. И едва ли был день, когда кто-нибудь не работал в полях – или боронящий Оккатор, или Сатор и Саритор, сеющий и жнущий, или Стеркутий, унавоживающий почву; а Гиппона вечно сутилась то здесь то там, ухаживая за лошадьми, а к скоту была приставлена Бубона. На полях никогда не было ни малейшего покоя.

– И зачем вы занимаетесь этим из года в год?

– Как же, король Евбонийский, мы всегда этим занимались, – отвечали они в крайнем изумлении.

– Да, но почему бы вам вдруг не остановиться?

– Потому что в таком случае остановится вся работа. Хлеба пропадут, скот подохнет, а поля зарастут сорной травой.

– Но, насколько я понимаю, это не ваши хлеба, не ваш скот и не ваши поля. Вы с этого ничего не имеете. И ничто не может помешать вам прекратить нескончаемую работу и жить, как живет Лесной Народ, который никогда не занимался тяжелым трудом.

– По-моему, нет! – сказал Аристей, крутя масличный пресс, и его зубы блеснули в улыбке, которая

была очень приятна на вид. – Слыхано ли, чтобы Лесной Народ занимался чем-нибудь полезным!

– Да, но, – терпеливо сказал Юрген, – по-вашему, совершенно справедливо всегда заниматься утомительной и трудной работой, когда никто не вынуждает вас это делать? Почему бы вам иногда не устраивать выходной?

– Король Юрген, – ответила Форнакс, подняв голову от небольшой печи, в которой сушилось зерно, – вы говорите ерунду. У Полевого Народа никогда не бывает выходных. Никто о подобном и не слыхивал.

– Мы в самом деле о таком и не думали, – глубокомысленно сказали все остальные.

– Ох-хо-хо! – сказал Юрген. – Таковы, значит, ваши доводы. Я расспрошу об этом Лесной Народ, ибо он наверняка более рассудителен.

Тут Юрген, уже входя в лес, столкнулся с Термином, который стоял как вкопанный, умощенный благовониями и увенчанный розами.

– Ага, – сказал Юрген, – вот один из людей Леса, собирающийся выйти в Поля. Но на твоём месте, мой друг, я держался бы подальше от таких идиотов.

– Я никогда не выхожу в Поля, – сказал Термин.

– Значит, ты возвращаешься в Лес.

– Конечно же, нет. Кто когда-либо слышал, чтобы я входил в Лес?

– На самом деле, как я сейчас вижу, ты просто стоишь здесь.

– Я всегда стою здесь, – сказал Термин.

– И никогда не двигаешься?

– Нет, – ответил Термин.

– А по какой причине?

– Потому что я всегда стою здесь не двигаясь, – сказал Термин. – Сдвинуться с места для меня было бы чем-то неслыханным.

Юрген оставил его и вошел в лес. Там он повстречал улыбающегося малого, ехавшего верхом на крупном баране. У этого юноши левый указательный палец был поднесен к губам, а в правой его руке находился предмет, который демонстрировать людям довольно неприлично.

– О, Боже мой! Сударь, на самом-то деле!.. – воскликнул Юрген.

– Бе! – отозвался баран.

Но улыбающийся малый вообще ничего не сказал, проехав мимо Юргена, потому что не в обычае Гарпократа разговаривать.

«Этого вполне достаточно, – размышлял Юрген, – если он привык приводить окружающих в смущение и ошеломление».

После чего Юрген стал свидетелем значительной суматохи, вызванной игрой в кустах сатира с ореадой.

– Но этот лес просто несносен! – сказал Юрген. – Есть ли у вас, люди Леса, хоть какая-то этика и мораль? Есть ли у вас чувство приличия, разве можно резвиться в рабочий день?

– Нет, – ответил Сатир, – конечно же, нет. Ни у кого из моего народа ничего такого нет, а естественным занятием всех сатиров является то, что ты сейчас прервал.

– Вероятно, ты говоришь правду, – сказал Юрген. – Все же тебе следует стыдиться того, что ты не лжешь.

– На самом деле, стыд для сатира что-то неслыханное! Слушай, ты, в блестящей рубахе, убирайся прочь! Мы изучаем эвдемонизм, а ты несешь чушь; и я занят, а ты мне мешаешь, – сказал Сатир.

– Кстати, на Кокаине, – сказал Юрген, – эвдемонизмом занимаются в помещении при закрытых

дверях.

– А ты когда-нибудь слышал, чтобы сатир находился в помещении?

– Спаси нас от зла и вреда! Но какое это имеет отношение к моим словам?

– Не пытайся увильнуть, ты, блестящий идиот! Сейчас ты сам видишь, что несешь чушь. И повторяю, что такая неслыханная чушь меня раздражает, – сказал Сатир.

Ореада вообще ничего не говорила. Но она тоже выглядела рассерженной, и Юрген подумал, что, вероятно, ореад не принято спасать от эвдемонизма сатиров.

И Юрген их оставил. И еще дальше в лесу он нашел лысого коренастого человека с большим пузом, толстым красным носом и очень маленькими мутными глазками. Сейчас этот старик был до такой степени пьян, что даже не мог идти: он сидел на земле, прислонившись к стволу дерева.

– Весьма недостойно находиться в таком состоянии с раннего утра, – заметил Юрген.

– Но Силен всегда пьян, – ответил лысый человек, с достоинством икнув.

– Так, значит, ты еще один из местных! Ну, и почему же ты всегда пьян, Силен?

– Потому что Силен – мудрейший из Лесного Народа.

– Ах, прошу прощения. Наконец-то нашелся хоть один, чьи извинения за свои ежедневные занятия внушают доверие. Тогда, Силен, раз ты так мудр, расскажи мне, неужели действительно для человека наилучшая судьба – вечно быть пьяным?

– Вообще-то нет. Пьянство – радость, уготованная богам, а люди разделяют ее совершенно нечестиво, и их соответственно наказывают за такую наглость. Людям лучше вообще не рождаться. А уж родившись, умереть как можно быстрее.

– О да! А если не удастся!

– Третья наилучшая вещь для человека – делать то, что от него ожидают, – ответил Силен.

– Но это же Закон Филистии, а с Филистией, как мне сообщили, Псевдополь находится в состоянии войны.

Силен задумался. Юрген обнаружил, что в этом старике весьма неприятным являлось то, что его мутные глазки не моргали, а веки вообще не шевелились. Его глаза двигались, словно волшебные глаза раскрашенного изваяния, под совершенно неподвижными красными веками. Поэтому было неприятно, когда эти глаза смотрели на тебя.

– Я скажу тебе, малый в блестящей рубахе, одну тайну: филистеры сотворены по образу Кощея, который создал все таким, какое оно есть. Подумай об этом! Так что филистеры делают то, что от них ожидают. А жители Левки сотворены по образу Кощея, который создал еще и многое другое таким, какое оно есть. Поэтому народ Левки делает то, что принято, оставаясь верным классической традиции. Подумай также и об этом! А потом выбери себе в этой войне какую-нибудь сторону, помня, что ты все равно на стороне глупости. А когда произойдет то, что произойдет, вспомни, как Силен точно предсказал тебе все, что произойдет, задолго до того, как это произошло, поскольку Силен так стар, так мудр и так непристойно пьян, и ему очень-очень хочется спать.

– Да, конечно, Силен. Но как закончится эта война?

– Тупость победит тупость, но это неважно.

– О да! Но что станет в этой битве с Юргеном?

– И это неважно, – утешающе произнес Силен. – Никто о тебе не побеспокоится. – И на этом он закрыл свои жуткие мутные глаза и заснул.

И Юрген, покинув старого пьяницу, собрался покинуть и этот лес. «Несомненно, что весь народ Левки решил делать то, что принято, – размышлял Юрген, – по бесспорной причине, таков их обычай, и он всегда будет таковым. И они воздержатся от этих занятий только тогда, когда кошка начнет есть желуди. Так что достаточно мудро будет не вдаваться дальше в этот вопрос. В конце концов, эти люди, возможно, правы.

И, определенно, я не могу зайти так далеко, чтобы утверждать обратное. – Юрген пожал плечами. – Но все же, в то же самое время!..»

Возвращаясь к своей хижине, Юрген услышал страшный вой и ор, словно вопили сумасшедшие.

– Привет тебе, дочь многоискусного Протогона, получающая удовольствие в горах и битвах и в барабанном бое! Привет тебе, лживая спасительница, мать всех богов, что спешит теперь, удовлетворенная долгими скитаниями, чтобы благоприятствовать нам!

Но шум становился все более неприятным, и Юрген на всякий случай отошел в кусты. И тут он стал свидетелем прохождения по лесу весьма примечательной процессии. У этой процессии были достаточно необычные особенности, которые заставили Юргена поклясться, что тот желанный миг, когда он, целый и невредимый, выйдет из леса, отметит собой окончание его последнего визита туда. Затем изумление переросло в ужас: ибо теперь мимо него двигалась Матушка Середа, или, как ее назвала Анайтида, Асред. В этот раз вместо полотенца на голове у нее была своего рода корона в виде венка из падающих башен; она держала в руке большой ключ, а ее колесницу везли два льва. Ее сопровождали бритоголовые поющие мужчины, и было очевидно, что эти люди расстались с собственностью, которую весьма ценил Юрген.

– Несомненно, – сказал он, – это самый что ни на есть опасный лес.

Юрген спросил позднее об этой процессии и получил от Хлориды сведения, удивившие его.

– И это существа, которые, как я думал, являются поэтическим украшением речи! Но что в таком почтенном обществе делает эта старушка?

Он описал Матушку Середу, и Хлорида рассказала, кто она такая. Тут Юрген покачал своей головой с прилизанными черными волосами.

– Вот еще одна тайна! Однако, в конце концов, меня не волнует, если эта старушка предпочитает дополнительную анаграмму. Я должен критиковать ее в последнюю очередь, поскольку по отношению ко мне она была более чем щедра. Я сохраню ее дружбу с помощью безотказного средства: уйду с ее дороги. О, я определенно уйду с ее дороги сейчас, когда понял, что сделали с мужчинами, которые ей служат.

А после этого Юрген и Хлорида жили вместе весьма счастливо, хотя Юрген и стал находить, что его гамадриада чуточку непонятлива, если вообще не бестолкова.

«Она меня не понимает и не всегда относится к моей мудрости с должным уважением. Это несправедливо, но кажется неизбежной чертой семейной жизни. Кроме того, если б какая-нибудь женщина понимала меня, она бы из чувства самосохранения отказалась выйти за меня замуж. В любом случае, Хлорида – милая, загорелая, пухленькая, сладенькая куропаточка. А ум в женщине, в конце концов, совершенно неуместная добродетель».

И Юрген не вернулся в Лес, но не пошел и в город. Ни Полевой Народ, ни, конечно же, Лесной не входил никогда в городские ворота.

– Но, по-моему, тебе бы понравились красоты Псевдополя, – говорит Хлорида. – И их красавица-царица, – добавила она почти так, словно говорила без задней мысли.

– Милая моя женушка, – говорит Юрген, – я не хочу показаться хвастуном. Но в Евбонии!.. В общем, когда-нибудь мы действительно должны вернуться в мое королевство, и ты сама посмотришь на пару дюжин моих городов – Зиф, Эглингтон, Пуассье, Газден, Берембург. И тогда ты согласишься со мной, что эта деревушка Псевдополь, хотя по-своему и достаточно хороша... и Юрген пожал плечами. – Но чтобы сказать больше!..

– Порой, – говорит Хлорида, – я гадаю, есть ли такое место, как твое прекрасное королевство Евбония. Определенно, оно становится больше и великолепнее с каждым разом, когда ты о нем рассказываешь.

– Так, может быть, – спрашивает Юрген, скорее задетый, чем рассерженный, – ты подозреваешь меня в неискренности или, точнее, в самозванстве?

– Какая разница? Ты же Юрген, – радостно отвечает она.

И мужчина был тронут, когда она улыбнулась ему, оторвавшись от сверкающего причудливого вышивания, над которым Хлорида, похоже, трудилась бесконечно. Он ощущал нежность по отношению к

ней, странным образом граничащую с угрызениями совести. И ему казалось, что если б он знал более прелестных женщин, он бы определенно никогда не нашел среди них более милую, чем его пухленькая, трудолюбивая, жизнерадостная женушка.

– Дорогая моя, мне не хочется снова видеть царицу Елену – это факт. Я доволен здесь, с женой, соответствующей моему положению, достойной моих способностей и бесконечно превосходящей мои заслуги.

– А ты очень часто думаешь о той светловолосой дылде, король Юрген?

– Это несправедливо, и ты, Хлорида, обижаешь меня незаслуженными подозрениями. Мне больно думать, моя милая, что ты оцениваешь связывающие нас узы как слишком непрочные, если считаешь, что я способен разорвать их хотя бы в мыслях.

– Говорить о честности очень мило, но это не ответ на конкретный вопрос.

Юрген посмотрел ей прямо в глаза и засмеялся.

– Вы, женщины, так бессовестно практичны. Моя милая, я видел царицу Елену лицом к лицу. Но ведь тебя я люблю так, как мужчина обычно любит женщину.

– Это ни о чем не говорит.

– Нет, ибо я пытаюсь выражаться в соответствии со своей значительностью. Ты забываешь, что я также видел и Ахилла.

– Но ты же восхищался Ахиллом! Ты мне сам так сказал.

– Я восхищался совершенствами Ахилла, но мне искренне не нравится мужчина, владеющий ими. Поэтому я буду сторониться и царя и царицы Псевдополя.

– Однако ты не войдешь и в Лес, Юрген...

– Только не после того, чему я стал свидетелем, – сказал Юрген с преувеличенной дрожью, которая была не так уж преувеличена.

Тут Хлорида рассмеялась и, отложив свое причудливое вышивание, взъерошила ему волосы.

– И ты находишь Полевой Народ нестерпимо глупым и неинтересным по сравнению с твоими Зоробасиями, Птолемопитерами и многими другими, так что держишься в стороне и от него. О, глупенький мой муженек, решив стать ни рыбой, ни зверем, ни птицей, нигде ты не будешь счастлив.

– Не я определяю свою природу, Хлорида. А что касается счастья, я не жалуюсь. На самом деле мне сегодня не на что жаловаться. Поэтому я вполне доволен своей милой женой и своим образом жизни на Левке, – со вздохом сказал Юрген.

Глава XXIX

Касающаяся сказанного Горвендилом вздора

Ясным спокойным ноябрьским днем, в то время года, которое Полевой Народ называл Летом Алкионы, Юрген вышел из леса. Пройдя мимо рвов Псевдополя и избежав встречи с кем-либо из удручающе славных жителей города, Юрген оказался на берегу моря.

Хлорида предложила ему прогуляться, чтобы она могла прибраться у него в хижине, пока она приводит в порядок к зиме свое дерево, и таким образом за один день выполнить двойную работу. Ибо у гамадриады дуба огромная ответственность в течение всей зимы в отношении палой листвы, и желудей, сдуваемых с ветвей и разбрасываемых по всей земле, и ствола, треснувшего так, что он начал выглядеть совсем скверно. А от Юргена в любой подобной работе больше помех, чем помощи. Так что Хлорида дала ему узелок с едой, подарила небрежный поцелуй и велела идти на берег моря, где к нему придет вдохновение, и сложить о ней какое-нибудь милое стихотворение.

— И возвращайся к ужину, Юрген, — сказала она, — но ни минутой раньше.

И так вот получилось, что Юрген в задумчивости и одиночестве съел свой обед, рассматривая Евксин. Солнце находилось высоко в небе, и странная тень, следовавшая за Юргеном, почти сошла на нет.

«Это действительно вдохновляющее зрелище, — размышлял Юрген. — Каким слабым кажется человеческий род по сравнению с этим могучим морем. — Тут Юрген пожал плечами. — Хотя в действительности, когда я сейчас думаю об этом, у меня нет никакого желания отдаться традиционным эмоциям. Все это выглядит как огромное скопление воды и ничто иное. И я не могу не согласиться, что вода ведет себя весьма бестолково».

Так он сидел в сонном созерцании моря. Вдали на воде образовалась некая тень, наподобие тени от широкой доски, плывущей к берегу, и при приближении она удлинялась и темнела. Вскоре она стала длинной в несколько футов и приобрела твердость, гладкость и черный цвет нефрита: то была внутренняя сторона волны. Затем ее верхушка застыла, и южный край волны рухнул вниз, и с чрезвычайной быстротой эта белая легкая кромка нырнула, бросилась, рванулась на север по всей протяженности волны. Нужна была особая точность и искусность, чтобы вся волна перевернулась вот так целиком. Плеск и бултыхание, похожие на кипящее молоко, вырвались на коричневый, прилизанный песок. И, пока весь этот беспорядок распространялся вдоль берега, волна утончалась до сетчатой белизны, вроде кружев, а потом струек дыма, исходивших от песка. Очевидно, наступал прилив.

Или, возможно, отлив. У Юргена были смутные представления о подобных явлениях. Но, в любом случае, море затевало серьезную суматоху с весьма приятным и подбадривающим ароматом.

А потом все это повторилось еще раз, а потом опять и опять. Это произошло сотни раз с того момента, как Юрген впервые сел поесть: и что этим достигнуто? Море вело себя глупо. Не было никакого смысла в этом постоянном окатывании, шлепанье, хлопанье, шипенье и брызганье.

Юрген клевал носом над остатками своего обеда. — Пустым растрачиванием сил вынужден я это назвать, — сказал Юрген вслух, как раз тогда, когда заметил, что на побережье находятся еще два человека.

Один шел с севера, а другой с юга, так что они встретились не очень далеко от того места, где сидел Юрген, и по невероятному стечению обстоятельств оказалось, что Юрген был знаком с этими людьми во времена своей первой юности. Он поприветствовал их, и они тотчас же его узнали. Одним из этих путников являлся Горвендил, служивший кем-то вроде секретаря графа Эммерика, когда Юрген был еще мальчишкой; а другим был Перион де ла Форэ, тот разбойник, что появился давным-давно в Бельгарде под видом виконта де Пизанжа. И трое старых знакомых удивительным образом сохранили свою молодость.

Теперь Горвендил и Перион дивились прекрасной рубашке, которую носил Юрген.

— Вы должны знать, — скромно сказал он, — что я недавно стал королем Евбонийским и должен одеваться согласно своему положению.

Они сказали, что всегда верили, что ему выпадет такая высокая честь, а затем втроем повели оживленную беседу. И Перион рассказал, как он проходил через Псевдополь на пути к королю Теодорету в Лакре-Кай и как на рыночной площади Псевдополя видел царицу Елену.

– Это прелестная дама, – сказал Перион, – и я поражаюсь ее сходству с прекрасной сестрой графа Эммерика, которую мы все помним.

– Я это сразу же заметил, – сказал Горвендил и странно улыбнулся, – когда тоже проходил по городу.

– Как же, этого никто не может не заметить, – сказал Юрген.

– Конечно, я не считаю ее такой же прелестной, как госпожа Мелицента, – продолжил Перион, – поскольку, как я заявлял во всех концах земли, никогда не жила и не будет жить женщина, сравнимая по красоте с Мелицентой. Но вы, господа, кажется, удивлены тем, что, по-моему, является просто очевидным утверждением. Ваше настроение заставляет меня указать, что это утверждение я никому не позволю отрицать. – И честные глаза Периона неприятно сузились, а его загорелое лицо нехорошо напряглось.

– Милостивый государь, – поспешно сказал Юрген, – просто мне показалось, что дама, которую здесь называют царицей Еленой, вероятнее всего является сестрой графа Эммерика Доротеей ла Желанэ.

– Тогда как я сразу же распознал в ней, – добавил Горвендил, – третью сестру графа Эммерика – Ла Беаль Эттарру.

И тут они уставились друг на друга, потому что, несомненно, три сестры не были особо похожи.

– Оставляя в стороне вопрос зрительного восприятия, – заметил Перион, – бесспорно, что вы оба извращаете факты. Один из вас говорит, что это госпожа Доротея, а другой говорит, что это госпожа Эттарра, тогда как всем известно, что эта самая царица Елена, кого бы она ни напоминала, не кто иная, как царица Елена.

– Для вас, всегда являющегося одним и тем же человеком, – ответил Юрген, – это может звучать разумно. Что касается меня, я являюсь несколькими людьми сразу и не нахожу ничего удивительного в том, что другие люди напоминают меня.

– Не было бы ничего удивительного, – предположил Горвендил, – если бы царица Елена была женщиной, которую мы тщетно любили. Ибо женщина, которую мы в юности тщетно любили, есть женщина, которую мы никогда не увидим больше совершенно отчетливо, такую, какой она была, что бы ни случилось. Так что, полагаю, мы легко могли перепутать ее с какой-то другой женщиной.

– Но дамой, которую я тщетно любил, является Мелицента, – сказал Перион, – и меня не волнует царица Елена. С какой стати? А что вы имеете в виду, Горвендил, намекая, что я заколебался в своей верности госпоже Мелиценте, узрев царицу Елену? Мне не нравятся подобные намеки.

– Тем не менее, я люблю Эттарру, и любил не совсем тщетно, и любил не колеблясь, – продолжал Горвендил со спокойной улыбкой, – и уверен, что когда смотрел на царицу Елену, то лицезрел Эттарру.

– Могу признаться, – сказал Юрген, откашлявшись, – что всегда относился к госпоже Доротее с особым уважением и восхищением. Что касается остального, я женат. Но даже при этом, думаю, что госпожа Доротея и есть царица Елена.

Они стали гадать над этой тайной. И вскоре Перион сказал, что единственный способ добиться истины состоит в том, чтобы оставить решение этого вопроса за самой царицей Еленой.

– Она, в любом случае, должна знать, кто она такая. Поэтому один из вас вернется в город и обнимет ей колени, что соответствует обычаю этой страны в случае, когда кто-то умоляет царя или царицу о милости. А затем честно обо всем ее спросит.

– Только не я, – сказал Юрген. – Я нахожусь в настоящее время в некоторой близости с одной гамадриадой. Я доволен своей гамадриадой. И не намерен больше оказываться в присутствии царицы Елены, чтобы сохранить свое благоденствие.

– Что ж, а я не могу пойти, – сказал Перион, – поскольку у госпожи Мелиценты на левой щеке маленькая родинка. А у царицы Елены щека чистая. Вы, конечно, понимаете, в чем я уверен: эта родинка безмерно усиливает красоту госпожи Мелиценты, – преданно добавил он. – Тем не менее, я не собираюсь

поддерживать каких-либо отношений с царицей Еленой.

– А у меня причина не ходить туда такова, – сказал Горвендил: – Если я попытаюсь обнять колени Эттарры, которую здесь называют Еленой, она мгновенно исчезнет. Оставляя в стороне другие вопросы, я не хочу навлекать такую беду на остров Левку.

– Но это же вздор, – сказал Перион.

– Конечно, – сказал Горвендил. – Вот, вероятно, почему это и произойдет.

Таким образом, ни один из них туда не пошел. И все трое остались при своем мнении о царице Елене. А вскоре Перион сказал, что они теряют попусту как время, так и слова. Тут он попрощался со своими собеседниками и пошел дальше на юг, в Лакре-Кай. А в пути он пел песнь в честь госпожи Мелиценты, которую прославлял как Сердце Сердца своего; а двое, слышавшие его, согласились, что Перион де ла Форэ, вероятно, худший поэт на свете.

– Тем не менее, это действительно рыцарь и достойный господин, – сказал Горвендил, – намеревающийся доиграть остаток своего романа. Интересно, получает ли Автор большое удовольствие от таких простодушных действующих лиц. По крайней мере, ими наверняка легко манипулировать.

– Я накапливаю в себе разумную меру галантности. – сказал Юрген. – Я больше не стремлюсь быть рыцарем. И на самом деле, Горвендил, мне кажется бесспорным, что каждый из нас – герой своего собственного романа и не может понять роман другого человека, а все в нем истолковывает неверно, так же как мы втроем поссорились по пустяковому поводу о женском лице.

Тут молодой Горвендил задумчиво пригладил левой рукой за уши свои выющиеся рыжие волосы, задумчиво уставившись в никуда.

– Я бы сказал, Юрген, что мы втроем встретились как действующие лица трех отдельных романов, которые Автор создал в разных стилях.

– Это, – согласился Юрген, – тоже было бы вздором.

– О, но, вероятно, Автор очень часто сочиняет вздор. Юрген, который является сейчас королем Евбонийским! – сказал Горвендил, и в его широко расставленных глазах заиграл огонек. – Что есть такого в вас и во мне, чтобы проверить, что наш Автор не создает наши романы с долей иронии?

– Мессир Горвендил, если вы пытаетесь шутить о Кощее, который сотворил все таким, какое оно есть, предупреждаю вас, что считаю такого рода юмор небезопасным. Не будучи чересчур щепетильным, я верю в здравый смысл и предпочел бы, чтобы вы говорили о чем-нибудь другом.

Горвендил по-прежнему улыбался.

– Вы рассчитываете однажды прийти к Кощею, как вы называете Автора. Это неплохо сказано и звучит превосходно. Но как вы отличите Кощея? И как вы узнаете, что уже не прошли мимо Кощея на какой-нибудь улице или поляне? Давайте же, король Юрген, – сказал Горвендил, на молодом лице которого по-прежнему играла проказливая улыбка, – давайте, расскажите же мне, откуда вы знаете, что я не Кощей, который сотворил все таким, какое оно есть?

– Да ну вас! – сказал Юрген. – У вас бы никогда не хватило мозгов, чтобы выдумать Юргена. Меня беспокоит нечто иное: я вдруг вспомнил, что юный Перион, который покинул нас минуту назад, станет богатым, седовласым и знаменитым, отберет госпожу Мелиценту у ее мужа-язычника и женится на ней сам. А все это произошло давным-давно. Так что наш последний разговор с юным Перионом кажется весьма невероятным.

– Что ж, но разве вы также не помните, что я убежал в ту ночь, когда Можи д'Эгрмон ворвался в Сторизенд, и обо мне больше никто не слышал, а это все тоже имело место много-много лет тому назад? Однако мы встретились в облике троих красивых молодых людей здесь, на берегу сказочной Левки. Я честно говорю вам это, король Юрген. Так каким же непостижимым образом могло это произойти, если Автор порой не сочиняет вздор?

– Поистине, Горвендил, ваш способ выражаться несколько все искажает. И я не могу придумать этому правдоподобного объяснения.

– Опять-таки, посмотрите, король Юрген Евбонийский, как вы недооцениваете способности Автора. Вот один из самых древних приемов создателей романов. Посмотрите сами! – И внезапно Горвендил толкнул Юргена, и Юрген упал на теплый песок.

Потом Юрген поднялся, зевая и потягиваясь. «Весьма дурацкий сон я увидел, задремав здесь на солнце. Несомненно, это был сон. Иначе бы они оставили след – эти двое молодых людей, что шли дорогой молодости много лет тому назад. И в этом сне нет никакого смысла. Но на самом деле было бы странно, если бы в этом была вся суть и если жизнь – такой же сон, как заставил меня вообразить этот чудак Горвендил».

Юрген махнул рукой.

«Что же из соображений обычной справедливости мог он или кто-нибудь иной от меня ожидать? Вот ответ, который я бросаю вам, созданный мной во сне Горвендил. Я отказался от вас как от самой ничтожной из своих задумок. Да ну вас! И скатертью дорога. Я никогда не одобрял выведение людей из равновесия».

Затем Юрген отряхнулся и побрел домой ужинать с гамадриадой, которая его вполне удовлетворяла.

Глава XXX

Расчетливость короля Юргена

Теперь дивный сон Юргена породил в его неугомонной голове различные идеи. Любопытство Юргена было так велико, что он с трепетом вошел в ненавистный Лес, преодолел Коалиснакоан (то есть Собачью Переправу) и совершил все отвратительные вещи, необходимые, чтобы задобрить Фобетора. Затем Юрген обхитрил Фобетора неописуемым способом, при котором удивительным образом использовались сыр, три жука и буравчик, и так вытянул из Фобетора серую магию. И в ту ночь, пока Псевдополь спал, король Юрген попал в город из золота и слоновой кости.

Юрген с отвращением шел мимо высоколобых и длинноруких монархов Псевдополя. Они напоминали ему о том, что именно он давным-давно оставил в стороне, и заставляли его ощущать себя презренным и никчемным. В действительности, как раз по этой причине он и избегал города.

Сейчас он проходил мимо неосвященных, безмолвных дворцов, идя по пустынным улицам, на которых луна создавала зловещие тени. Вот дом Аякса Теламонида, правящего на окруженном морем Саламине, тут дом богоподобного Филоктета; многоуважаемый Одиссей проживает как раз через дорогу, а особняк на углу принадлежит светловолосому Агамемнону; при лунном свете Юрген легко разобрал эти имена, выгравированные на бронзовых табличках, прибитых к дверям. По обе стороны от него спали герои старой песни, а Юрген крался под их окнами.

Он вспомнил, как безразлично – чуть ли не презрительно – эти люди смотрели на него сверху вниз в тот жуткий полдень, когда он рискнул войти в Псевдополь при солнечном свете. И им овладел злорадный порыв ярости, и Юрген погрозил кулаком огромным безмолвным дворцам.

– Ну, погодите! – проворчал он, так как вообще-то не знал, что именно хочет сказать этим великим, но вместе с тем бездарным героям, которым наплевать на его слова, но знал, что ненавидит их. Затем Юрген понял, что рычит, словно побитая дворняжка, боящаяся укусить, и засмеялся над своим новым состоянием.

– Прошу прощения, господа греки, – сказал он с низким церемонным поклоном, – по-моему, я хочу вам сообщить лишь то, что я – чудовищно умный малый.

Юрген вошел в самый большой дворец, бесшумно, на цыпочках прошмыгнул мимо опочивальни царя людей Ахилла и наконец попал в небольшую, обшитую кедром комнатку, где спала царица Елена. Когда он с должным соблюдением правил серой магии зажег свою лампу, она улыбалась во сне. Царица была бесконечно прекрасна – эта юная Доротея, которую здесь по ошибке называли Еленой.

Юрген отлично видел, что это сестра графа Эммерика Доротея ла Желанэ, которую он тщетно любил в те дни, когда был молод как телом, так и душой. Лишь раз он возвратился к ней – в саду между рассветом и закатом. Но тогда он был потрепанным временем бюргером, которого Доротея не узнала. Сейчас же он вернулся к ней королем, возможно, менее восхитительным, чем многие цари без царств, спящие сейчас в Псевдополе, но по-прежнему весьма неотразимым в своей взятой взаймы молодости, а прежде всего вооруженным серой магией: так что невероятное было возможно. Юрген осмотрелся, провел языком по верхней губе от уголка до уголка, а его рука потянулась к фиолетовому шерстяному одеялу, накрывавшему спящую девушку, и он стоял, готовый разбудить Доротею ла Желанэ так, как часто будил Хлориду.

Но его сдерживала странная мысль. Он вспомнил, что ничто не было способно очень сильно уязвить то с тех пор, как он потерял свою юную Доротею. И в делах, которые грозили завершиться весьма плачевно, он всегда умудрялся придать всему соответствующий оборот, сохраняя сердце холодным. Что если вследствие какой-то ошибки он получит назад свою настоящую молодость и вновь станет легко возбудимым юношей, шарахающимся от восторженного заикания до безумного уныния и обратно из-за малейшего слова или жеста златовласой девушки?

– Нет, спасибо, – сказал Юрген. – Юноша был более восхитителен, чем я, который, по сути, не всецело восхитителен. Но тогда у него была, вообще-то говоря, никудышная пора. Таким образом, возможно, здесь спит моя настоящая молодость, и ни под каким видом я не стану ее вновь будить.

Но, однако, на глаза ему без всякого повода навернулись слезы. И ему показалось, что спящая женщина, находившаяся теперь в его полном распоряжении, была не юной Доротеей, которую он видел в саду между рассветом и закатом, хотя обе были на удивление похожи; и что из них двоих эта женщина почему-то бесконечно прелестнее. И...

– Милостивая государыня, если вы в самом деле дочь Лебедя, то я скажу вам, что давным-давно жил некий больной ребенок. И его болезнь обернулась лихорадкой, и в лихорадке он однажды ночью встал с постели, говоря, что должен отправиться в Трою из-за любви к царице Елене. Когда-то я был тем ребенком. Помню, насколько странным мне показалось то, что я несу такой вздор. Помню, как теплая комната пахла лекарствами. И помню, как грустно мне было видеть встревоженное лицо сиделки, искаженное и старое при желтом свете лампы. Она меня любила, но не понимала. И она умоляла меня быть хорошим мальчиком и не беспокоить спящих родителей. Но сейчас я понимаю, что я не нес вздор.

Он замолк, решая эту загадку, а его пальцы теребили шерсть фиолетового одеяла, под которым лежала царица Елена.

– О твоей красоте люди знают по одним лишь сказкам и не могут ни найти ее, ни завоевать. И по этой красоте я тосковал всегда, даже в детстве. Я всегда стремился к этой красоте, но не совсем искренне. Та ночь предсказала всю мою жизнь. Я тосковал по тебе и, – тут Юрген улыбнулся, – всегда оставался сносным, хорошим мальчиком, чтобы, не дай Бог, беспричинно не разволновать свою семью. Делать так, по-моему, было бы несправедливо; и я по-прежнему считаю, что для меня поступить так было бы несправедливо.

В этот момент Юрген поморщился. Он нашел свои угрызения совести неприлично обстоятельными.

– И, по-моему, то, что я делаю этой ночью, несправедливо по отношению к Хлориде. И я не знаю, чего хочу, а желания Юргена – пушинка на ветру. Но я знаю, что мне хотелось бы любить кого-нибудь так, как любит меня Хлорида и как любили меня многие женщины. И знаю, что именно ты, царица Елена, мешала этому в каждый миг моей жизни, начиная с того ужасного мгновенья, когда я, кажется впервые, обнаружил твои прелестные черты на лице госпожи Доротей. Это воспоминание о твоей красоте я видел потом отраженным, как в зеркале, в лицах кокеток, и оно ослабляло во мне искреннюю любовь, которые другие мужчины дарят женщинам. И я завидую этим мужчинам. Потому что Юрген не любил никого – даже себя, Юргена! – совершенно искренне. А что если б я сейчас отомстил этой воровской миловидности, этой грабительнице, что лишила мою жизнь радости и печали?

Юрген очень долго стоял у постели царицы Елены, глядя на нее. Его настроение улучшилось, а уродливая и громадная тень, что следовала за ним, колебалась на кедровых стенах опочивальни царицы Елены.

«Моя магия безотказна», – сказал старый Фобетор, когда его помощники подняли ему веки, чтобы он увидел короля Юргена.

Теперь Юрген это вспомнил. И он в задумчивости слегка потянул фиолетовое шерстяное одеяло. Обнажилась грудь царицы Елены, но сама она не пошевелилась, а лишь улыбалась во сне.

Никогда Юрген не воображал, что какая-либо женщина может быть настолько прекрасной и желанной, как эта, или что он когда-нибудь познает подобный восторг. Поэтому Юрген приостановился.

– Возможно, что у этой женщины есть какой-нибудь недостаток, – сказал тут Юрген, – возможно, в ее красоте где-то есть некий изъян. И, прежде чем узнать о нем, я предпочел бы сохранить свои безрассудные мечты и эту тоску, что безнадежна и неутолима, и воспоминание о сегодняшней ночи. Кроме того, если она во всем совершенна, как бы я мог жить дальше, когда у меня не осталось бы больше желаний? Нет, я, в любом случае, предал бы свои собственные интересы. А несправедливость всегда презренна.

И Юрген вздохнул, тихонько поправил фиолетовое шерстяное одеяло и возвратился к своей гамадриаде.

«Мне кажется, – размышлял Юрген, – я веду себя весьма благородно. Да, бесспорно, сегодня ночью я выказал определенную тонкость чувств, которая так или иначе заслуживает особой оценки царя Ахилла».

Глава XXXI

Падение Псевдополя

Так Юрген продолжал жить на Левке, подчиняясь обычаям этой страны. Они с Хлоридой проводили время достаточно приятно до тех пор, пока не приблизилось зимнее солнцестояние. Псевдополь, как уже говорилось, находился в состоянии войны с Филистией. И случилось так, что в это время года на Левку вторглась армия филистеров (которые в прошлом звались филистимлянами), возглавляемая их королевой Долорес – женщиной мудрой, но не во всем заслуживающей доверия. Они появились на побережье – жуткая армия, облаченная в безумные одежды, которые приказал им надеть бог Заполь, и распеваящая псалмы в честь своего бога Нановиза, вдохновившего их на этот поход. Они устремились к Псевдополю и встали лагерем у стен города.

Эти самые филистеры в данной кампании воевали, распространяя перед собой наиболее ужасную разновидность греческого огня, который пожирал все, что было не серого цвета. Ибо лишь к одному этому цвету был благосклонен сейчас их бог Нановиз.

– А все остальные цвета, – провозгласили его оракулы, – навеки мне отвратительны: до тех пор, пока не скажу иначе.

Когда войска Филистии выстроились на равнине перед Псевдополем, королева Долорес обратилась с речью к своим полкам. Она с улыбкой сказала:

– Когда бы вы ни вступили в схватку с врагом, он будет побит. Никакой пощады, никаких пленных. Так же как филистимляне под командованием Ливны, Голиафа, Гирсона и многих других высоких военачальников создали себе славное имя, которое все еще сильно в преданиях и легендах, да будет имя Реалиста увековечено в Псевдополе вашими сегодняшними деяниями, чтобы никто не посмел даже косо посмотреть на филистера. Откройте ворота Реализму, раз и навсегда!

Между тем в городе Царь людей Ахилл обращался к своей армии:

– На вас будет смотреть весь мир, потому что вы, в некоем особом смысле, являетесь солдатами Романтизма. Поэтому гордитесь тем, что покажете людям повсюду, что вы не только хорошие воины, но также и хорошие люди, во всем прямые и честные, чистые и непорочные. Давайте же определим себе мерило, настолько высокое, что жизнь по нему принесет нам славу, а затем станем жить по нему и добавим новые лавры к венку Псевдополя. Да хранят и ведут нас Боги Древности!

А Терсит сказал себе в бороду:

– Несомненно, Пелид узнал из истории, каким оружием богатырь нанесет поражение филистимлянам.

А другие цари захопали в ладоши, заиграла труба, и битва началась. И в тот день повсюду одерживали победу войска Филистии. Но они доложили о странном происшествии: когда филистеры издавали победные крики, Ахилл и все его войско поднялись с земли, словно мерцающие облака, и пролетели над головами филистеров, насмехаясь над ними.

Так Псевдополь опустел, и филистеры вошли в него без какого-либо сопротивления. Они осквернили город кощунственными цветами, а затем сожгли его в качестве жертвоприношения своему богу Нановизу, потому что у пепла серый цвет.

Затем филистеры воздвигли литои (которые чем-то были похожи на майские деревья) и начали отправлять свои религиозные обряды.

* * *

Так рассказывали, но Юрген не был свидетелем всех этих событий.

– Пусть они доведут сражение до конца, – сказал Юрген, – это не мое дело. Я согласен с Силеном: тупость победит тупость, и все это неважно. Но ты, милая моя женушка, укройся со своими

родственниками в непобедимом Лесу, ибо не описать, какой урон могут нанести филистеры округе.

– Ты пойдешь со мной, Юрген?

– Моя милая, ты отлично знаешь, что я не могу вновь войти в Лес после той шутки, которую сыграл с Фобетором.

– Если б ты только не терял головы из-за этой дылды Елены в желтом парике – у меня нет сомнений, что у нее каждая прядь накладная, и, в любом случае, сейчас не время спорить об этом, Юрген, – ты бы тогда и не связался с дядюшкой Фобетором! Это тебя очень просто выдает!

– Да, – сказал Юрген.

– Все же не знаю. Если б ты пошел со мной в Лес, дядюшка Фобетор со своим порывистым нравом, несомненно, превратил бы тебя в хряка, поскольку он всегда делал так с теми, кто его раздражал...

– Похоже, я знаю причину.

– ...Но дай мне время, и я смогу уговорить дядюшку Фобетора, как я всегда делала, и он совершит обратное превращение.

– Нет, – упрямо говорит Юрген. – Я не хочу быть превращенным в хряка.

– Но, Юрген, давай будем благоразумны! Конечно, это немножко унижительно. Но я буду очень хорошо за тобой ухаживать и кормить тебя отменными желудями, и все это будет временным явлением. А быть свиньей пару недель или даже месяц гораздо лучше для поэта, чем быть взятым в плен филистерами.

– Откуда ты знаешь? – спросил Юрген.

– ...В конце концов, у дядюшки Фобетора доброе сердце. Просто у него такой нрав. И, кроме того, ты должен помнить, что ты сделал с помощью того буравчика!

Юрген же сказал:

– Все это едва ли относится к сути. Ты забываешь, что я видел этого злополучного кабана и знаю, как он увеличивает природную дикость своих хряков. Нет, я же Юрген. Поэтому я остаюсь. Я встречу лицом к лицу с филистерами, и, что бы они мне ни сделали, лучше принять эти страдания, чем те, на которые совершенно определенно обречет меня Фобетор.

– Тогда я тоже остаюсь, – сказала Хлорида.

– Нет, моя милая женушка!..

– Но разве ты не понимаешь? – спросила Хлорида, слегка побледнев, как заметил Юрген. – Поскольку жизнь гамадриады связана с жизнью ее дерева, никто не может причинить мне вреда, покуда живо мое дерево. А если они срубят дерево, умру, где бы я ни была.

– Я об этом забыл, – Юрген в этот момент действительно был взволнован.

– ...И ты сам видишь, Юрген, что я бесспорно не смогу утащить этот огромный дуб и удивляюсь, что ты говоришь такую ерунду.

– На самом деле, моя милая, – сказал Юрген, – мы пойманы очень ловко. Никто не сможет больше жить мирно, если этого не захотят соседи. Тем не менее, это несправедливо.

Пока он говорил, филистеры вышли из горящего города. Опять протрубила труба, и филистеры выступили в боевом порядке.

Глава XXXII

Различные приемы филистеров

Между тем Полевой Народ наблюдал за пожаром в Псевдополе и гадал, что случится с ними. Гадать им долго не пришлось, так как на следующий день Поля были захвачены без сопротивления со стороны их жителей.

– Полевой Народ, – сказали они, – никогда не сражался, и для него было бы неслыханным начать сражаться сейчас.

Так что Поля были заняты филистерами, а весь Полевой Народ судили вместе с Хлоридой и Юргеном. Их объявили устарелыми иллюзиями, чьей заслуженной судьбой являлось предание забвению. Юргену это показалось неразумным.

– Я не являюсь иллюзией, – заявил он. – Я явно создан из плоти и крови и вдобавок к этому являюсь не кем иным, как высокородным королем Евбонийским. Подвергая же сомнению эти факты, вы оспариваете обстоятельства, являющиеся в округе настолько хорошо известными, что они способны встать в один ряд с математической точностью. И поэтому вы выглядите по-дурачки, что говорю вам ради вашего же блага.

Это смутило вождей филистеров, так как людей всегда смущает, когда говорят ради их собственного блага.

– Нам бы хотелось, чтобы вы поняли, – сказали они, – что мы не математики. И, более того, у нас в Филистии нет королей, и там все должны делать то, что от них ожидается, а другого закона нет.

– Как же тогда вы можете быть вождями Филистии?

– Ожидается, что женщины и жрецы ведут себя безответственно. Поэтому все мы, женщины и жрецы, делаем в Филистии все что хотим, а мужчины нам повинуются. И мы, жрецы Филистии, не думаем, что у вас под рубашкой может быть плоть и кровь, а расцениваем это как условность. Это не является очевидным. И, несомненно, вы не могли бы доказать это математически. И то, что вы говорите, – чушь.

– Но я могу доказать это математически и совершенно неопровержимо. Я могу доказать все, что вы от меня потребуете, теми способами, которые вы предпочтете, – скромно сказал Юрген, – по той простой причине, что я – чудовищно умный малый.

Затем заговорила мудрая королева Долорес:

– Я изучала математику. Я допрошу этого молодого человека сегодня ночью у себя в шатре, а наутро доложу правду о его притязаниях. Вы согласны продолжить это расследование, мой щеголеватый друг, носящий королевскую рубашку?

Юрген посмотрел ей прямо в глаза: она была прелестна, как бывает прелестен ястреб. И все, что Юрген увидел, он одобрил. Он предположил, что остальное с этим согласуется, и сделал вывод, что Долорес – роскошная женщина.

– Сударыня и королева, – сказал Юрген, – я удовлетворен. И обещаю вести себя с вами честно.

Так что в тот вечер Юргена препроводили в пурпурный шатер королевы Филистии Долорес. Там было совершенно темно, и Юрген зашел внутрь один, гадая, что произойдет дальше. Но эту благоуханную тьму он нашел превосходным предзнаменованием хотя бы лишь потому, что она не давала тени возможности преследовать его.

– Так вы тот, кто заявляет, что состоит из плоти и крови и, к тому же, является королем Евбонийским, – произнес голос королевы Долорес. – А что за чушь вы несли о доказательстве любого подобного заявления математически?

– Но моя математика, – ответил Юрген, – праксагорейская.

– Вы имеете в виду Праксагора Косского?

– Как будто, – усмехнулся Юрген, – кто-нибудь слышал о другом Праксагоре!

– Но он, как я припоминаю, принадлежал к медицинской школе догматиков, – заметила мудрая королева Долорес, – и особо прославился своими исследованиями в области анатомии. Так он, к тому же, и математик?

– Оба занятия можно совместить, сударыня, как я с наслаждением сейчас вам докажу.

– О, никто этого и не говорил! На самом деле, мне кажется, я слышала о математической системе этого Праксагора, хотя, признаюсь, никогда ее не изучала.

– Наша школа, сударыня, постулирует в первую очередь, что математика, являясь точной наукой, лучше всего толкуется конкретным примером.

Королева же сказала:

– Это звучит весьма сложно.

– Это время от времени приводит к осложнениям, – согласился Юрген, – при выборе неверного примера. Но аксиома, тем не менее, верна.

– Тогда идите же и сядьте ко мне на диван, если сможете найти его в темноте. И объясните мне, что вы имеете в виду.

– Что ж, сударыня, под конкретным примером я имел в виду тот, который ощущается органами чувств – как-то: зрением, слухом, осязанием...

– Ох, ох! – сказала королева. – Теперь я понимаю, что вы имеете в виду под конкретным примером. И, уловив это, я могу понять, что при выборе неверного примера, конечно же, должны возникнуть осложнения.

– Тогда, сударыня, во-первых, необходимо внушить вам посредством примера живое ощущение особых признаков, добродетелей и свойств каждого числа, на которых основывается вся праксагорейская математическая наука. Для того чтобы окончательно убедить вас, мы должны начать издавна, со всеобщих основ.

– Я вижу, – сказала королева, – или скорее в этой темноте я не вижу, но ощущаю вашу мысль. Ваше вступление заинтересовало меня, и вы можете продолжать.

– Итак, **ОДИН**, или монада, – говорит Юрген, – есть принцип и цель всего сущего. Он открывает величественный узел, связывающий причинно-следственную цепь; это символ тождества, равенства, существования, сохранения и всеобщей гармонии. – И Юрген сделал особое ударение на этих характеристиках, – Короче, **ОДИН** – символ объединения вещей. Он вводит ту порождающую добродетель, что является причиной всех сочетаний; и, следовательно, **ОДИН** – принцип добра.

– Ах, ах! – сказала королева Долорес. – Я от всей души восхищена принципом добра. Но что стало с вашим конкретным примером?

– Он готов для вас, сударыня: существует лишь **ОДИН** Юрген.

– О, уверяю вас, я в этом еще не убеждена. Все же, окажетесь вы действительно уникальным или нет, смелость вашего примера поможет мне запомнить число **ОДИН**.

– Теперь, **ДВА**, или диада, исток противоположностей...

Юрген продолжил проникновенно показывать, что **ДВА** является символом различия, неугомонности и беспорядка, оканчивающегося разрушением и разделением: и это соответственно принцип зла. Таким образом, жизнь каждого человека является никуда не годной борьбой между **ДВУМЯ** его компонентами – душой и телом. Так появлением **ДВОЙНЯШЕК** значительно ослабляется восторг ждущих ребенка родителей.

ТРИ, или триада, – поскольку все состоит из трех субстанций, – содержит самые высшие тайны, которые Юрген соответственно раскрыл. Мы должны помнить (указал он), что у Зевса была **ТРОЙНАЯ** молния, а у Посейдона – **ТРЕЗУБЕЦ**, тогда как Аида охранял пес с **ТРЕМЯ** головами; это вдобавок к самым всемогущим братьям, являющимся **ТРОЙКОЙ**.

Так Юрген продолжал излагать праксагорейское значение каждой цифры в отдельности, и вскоре королева заявила, что поток его мудрости сверхчеловечен.

– Но, сударыня, даже мудрость царя не безгранична. **ВОСЕМЬ**, повторяю, – число, соответствующее блаженствам. А цифра **ДЕВЯТЬ**, или эннеада, к тому же являющаяся производной от **ТРЕХ**, должна считаться священной...

Королева послушно внимала демонстрации особых свойств **ДЕВЯТИ**. А когда Юрген закончил, она призналась, что, несомненно, цифра **ДЕВЯТЬ** должна считаться сверхъестественной цифрой. Но она отвергла его аналогии с музами, жизнями кошек и количеством портных, создающих человека.

– Скорее, я всегда буду помнить, – заявила она, – что король Юрген Евбонийский подобен чуду, которое потрясает мир **ДЕВЯТЬ** дней.

– Сударыня, – сказал Юрген со вздохом, – теперь, когда мы достигли **ДЕВЯТИ**, мне с сожалением приходится сказать, что мы исчерпали все цифры.

– О, какая жалость! – воскликнула королева Долорес. – Тем не менее, я приму единственное доказательство, которое оспаривала: существует лишь **ОДИН** Юрген. И, несомненно, праксагорейская математическая система – очаровательный предмет. – И она живо начала планировать возвращение Юргена вместе с ней в Филистию, чтобы она смогла усовершенствоваться в высшей математике. – Вы должны научить меня исчислениям и геометрии, как и всем остальным наукам, в которых используются эти цифры. Мы сможем добиться некоего компромисса со жрецами. Этого всегда можно достигнуть со жрецами Филистии. И в самом деле, жрецы Сло-то-Ви-е-пу-са созданы, для того, чтобы всем во всем помогать. А что касается вашей гамадриады, я позабочусь о ней сама.

– Нет, – сказал Юрген. – Я с чистой совестью готов повсеместно идти на компромиссы, но примириться с силами Филистии – единственное, чего я не могу.

– Это вы серьезно, король Юрген? – королева была ошеломлена.

– Серьезно как никогда, моя милая. Вы во многих отношениях восхитительный народ, и вы во всех отношениях грозный народ. Так что я восхищаюсь, страшусь, избегаю и в самом крайнем случае бросаю вызов. Ибо вы – не мой народ, и волей-неволей меня приводят в ярость ваши законы – в равной степени безумные и отвратительные. Хотя, заметьте, я ничего не утверждаю. Возможно, вы правы, приписывая этим законам мудрость; и, определенно, я не могу зайти так далеко и сказать обратное: но все же, в то же самое время!.. Так я это ощущаю. Поэтому я, идущий на компромисс со всем остальным, не могу пойти на компромисс с Филистией. Нет, обожаемая Долорес, это не добродетель, скорее, это инстинкт, и у меня нет выбора.

Даже Долорес, которая была королевой всех филистеров, поняла, что этот человек говорит правду.

– Обидно, – сказала она с явным сожалением, – за вами в Филистии просто бы бегали по пятам.

– Да, – сказал Юрген, – как за учителем математики.

– Но нет же, король Юрген, не только математики, – рассудительно сказала Долорес. – Например, существует поэзия! Мне говорили, что вы поэт, а многие мои подданные, как я считаю, воспринимают поэзию вполне серьезно. Правда, у меня самой нет времени на чтение. Так что вы можете стать поэтом-лауреатом Филистии с любым жалованьем, которое пожелаете. И вы можете учить всех нас своим идеям, слагая о них прекрасные стихи. А мы бы с вами могли быть вместе очень счастливы.

– Учить, учить! Это говорит Филистия, и к тому же весьма искусительно-обворожительными устами, подкупая меня почестями, хорошей едой и вечными блаженствами. Хотя такое случается весьма часто. И я могу лишь повторить, что искусство не является разделом педагогики!

– Действительно, мне от души жаль. Оставив в стороне математику, вы мне нравитесь, король Юрген, просто как человек.

– Мне тоже очень жаль, Долорес. Признаюсь, что я испытываю слабость к женщинам Филистии.

– Определенно, вы не дали мне повода подозревать вас в слабости по этой части, – заметила Долорес, – пока вы находились наедине со мной, и говорили так мудро, и рассуждали так

глубокомысленно. Боюсь, после этой ночи я найду всех остальных мужчин более или менее поверхностными. Ой-ей-ей! И, вероятно, завтра я выплачу все глаза, когда вас предадут забвению и отправят в преисподнюю. Именно так с вами поступят жрецы, король Юрген, под тем или иным предлогом, если вы не подчинитесь законам Филистии. – На такой компромисс я пойти не могу! Но даже сейчас у меня есть план, как убежать от ваших жрецов, а если он не удастся, я владею заклинанием, к которому обращаются в час страшной нужды. Мои личные дела, таким образом, еще не находятся в безнадежном или хотя бы удручающем состоянии. Это обстоятельство вынуждает меня заметить, что **ДЕСЯТЬ**, или декада, есть мера всего сущего, поскольку содержит все числовые отношения и согласования...

Подобным образом они продолжали изучение математики до тех пор, пока Юргену не пришло время вновь предстать перед судьями. А наутро королева Долорес послала записку жрецам, сообщая, что она слишком хочет спать, чтобы присутствовать на их совете, но что этот человек, бесспорно, состоит из плоти и крови, вполне заслуживает быть королем, а как математик не имеет себе равных.

Теперь суд филистеров решал, должен ли король Юрген быть предан забвению и отправлен в преисподнюю. И когда заседатели готовились к процессу, в суде появился большой жук-навозник, катящий перед собой свое любимое и соответственно укрытое потомство. Вместе с этим существом появились пажы в черном и белом, несшие меч, посох и копье.

Насекомое посмотрело на Юргена, и его лапки в ужасе поднялись вверх. Жук крикнул троим судьям:

– Клянусь Святым Антонием! Этот Юрген должен немедленно быть предан забвению, он отвратительный, непристойный, похотливый и сладострастный.

– Как это может быть? – спросил Юрген.

– Ты отвратительный, – ответил жук, – потому что у этого пажа меч, который, по-моему, не меч. Ты непристойный, потому что у того пажа копье, которое я предпочитаю не называть копьем. Ты похотливый, потому что вон у того пажа посох, который я не рискну объявить посохом. И, наконец, ты сладострастен по причинам, описание которых было бы для меня нежелательно и в раскрытии которых я всем поэтому должен отказать.

– В общем, это звучит логично, – говорит Юрген, – но все же в то же самое время не помешала бы доля здравого смысла. Вы, господа, сами можете видеть, в целом и непредвзято посмотрев на этих пажей, что они держат меч, копье и посох – и ничто иное; и что вся непристойность содержится в голове этого насекомого, у которого язык чешется назвать эти вещи другими именами.

Судьи пока ничего не говорили. Но стражи Юргена и все остальные филистеры стояли по обе стороны, крепко зажмурившись и говоря:

– Мы отказываемся смотреть на этих пажей в упор и непредвзято, поскольку это означало бы сомнение в том, что заявил жук-навозник. Кроме того, пока у жука-навозника есть причины, которые он отказывается открыть, его причины остаются непроверяемыми, и ты – явно похотливый негодяй, сам себе создающий неприятности.

– Совсем наоборот, – сказал Юрген, – я – поэт и создаю литературу.

– Но в Филистии создавать литературу и создавать себе неприятности – синонимы, – объяснил жук-навозник. – Я-то это знаю, так как нам в Филистии уже надоедали три таких создателя литературы. Да, был Эдгар, которого я морил голодом и травил до тех пор, пока не устал; затем однажды ночью я загнал его в угол и вышиб из него все мозги. И был Уолт, которого я швырял и кидал с места на место и сделал из него паралитика; и к нему я тоже прикрепил ярлык, указывающий на человека отвратительного, непристойного, похотливого и сладострастного. Несколько позднее был Марк, которого я запугал до того, что он надел клоунский колпак, и никто уже не мог заподозрить в нем создателя литературы; на самом же деле я запугал его так, что он прятал большую часть созданного вплоть до своей смерти, и я не мог найти его творений. Я считаю, что со мной он сыграл мерзкую шутку. Все же это всего лишь три обнаруженных создателя литературы, которые когда-либо заражали Филистию, – слава Богу и моей бдительности, – но, несмотря на это, мы не смогли стать более свободны от создателей литературы, чем другие страны.

– Но эти трое, – воскликнул Юрген, – слава Филистии, и из всего, что дала Филистия, ценны лишь эти

трое, которых ты втоптал в грязь, но которых чтят повсюду, где чтят искусство, и где никого, так или иначе, не волнует Филистия.

– Что искусство для меня и моего образа жизни? – устало ответил жук-навозник. – Меня не интересуют изящные искусства, словесность и другие непристойные идола зарубежних наций. Меня волнует нравственное благополучие моего потомства, которое я качу перед собой, и я верю, что с помощью Святого Антония выращу богобоязненных жуков-навозников вроде меня, наслаждающихся тем, что соответствует их природе. Что касается остального, я никогда не был против того, чтобы о мертвых говорили хорошо. Нет, нет, мой мальчик, раз все, что я могу, для тебя ничего не значит и раз ты действительно настолько прогнил, ты найдешь жука-навозника достаточно дружелюбным. Между тем, мне платят за заявления, что живые люди отвратительны, непристойны, похотливы и сладострастны, а ведь жить как-то надо.

Затем филистеры, стоявшие по обе стороны, негодуя произнесли в унисон:

– А мы, уважаемые граждане Филистии, вообще не сочувствуем тем, кто возражает жуку-навознику, оправдываясь так называемым искусством. Вред, причиненный жуком-навозником, кажется нам очень небольшим, тогда как вред, причиненный самобытным художником, может быть очень велик.

Юрген теперь более внимательно присмотрелся к этому диковинному существу и увидел, что жук-навозник определенно грязный и вонючий, но в глубине души, похоже, честный и имеющий добрые намерения. И это показалось Юргену самым грустным из всего, что он обнаружил в филистерах. Ибо жук-навозник был искренен в своих безумных поступках, а все филистеры искренне почитали его, так что у этого народа не оставалось никакой надежды.

Поэтому король Юрген обратился к ним сам, вынужденный подчиниться странным обычаям филистеров.

– Теперь судите меня справедливо, – крикнул Юрген судьям, – если есть хоть какая-нибудь справедливость в этой сумасшедшей стране. А если нет, предайте меня забвению, отправьте в преисподнюю или куда-либо еще, где этот жук не так всемогущ, искренен и безумен.

И Юрген стал ждать.

Когда эти вопросы были исчерпаны, жук-навозник ушел, добродушно улыбаясь.

– Мораль, а не искусство, – сказал он, уходя.

Судьи встали и низко поклонились жуку. После совещания, Юрген был обвинен, во вступлении на стезю нежелательной ошибки. Его судьями являлись жрецы Нановиза, Сло-то-Виепуса и Заполя – богов Филистии.

Затем жрец Заполя надел очки и, справившись в каноническом кодексе, объявил, что такое изменение в обвинительном акте требует при исполнении приговора отделения Юргена от остальных.

– ...Ибо каждый, конечно же, должен быть отправлен в преисподнюю своих отцов, как и предсказано, для того чтобы исполнились пророчества. Религия чахнет, когда пророчества не исполняются. Теперь оказывается, что праотцы этого осужденного из плоти и крови были другой веры, нежели прародители этих гнусных иллюзий, и его отцы предсказали совсем другое, а их преисподняя называется Адом.

– Вы недостаточно знаете, – сказал Юрген, – о евбонийской религии.

– У нас так написано в великой книге, – ответил жрец Нановиза, – дословно, без ошибок и помарок.

– Тогда вы увидите, что король Евбонии является главой тамошней церкви и по своему желанию меняет все пророчества. Мудрый Говлэ прямо говорит об этом, а рассудительный Стевегоний был вынужден согласиться с ним, хотя и с неохотой, как вы тут же обнаружите, справившись с третьим разделом его широкоизвестной девятнадцатой главы.

– Говлэ и Стевегоний, вероятно, знатные еретики, – сказал жрец Заполя. – Я считаю, что это было решено раз и навсегда на Ортумарской конференции.

– Э! – сказал Юрген, которому не нравился этот жрец. – Сейчас я могу поспорить, – продолжил Юрген слегка снисходительно, – что вы, судари, не читали ни Говлэ, ни даже Стевегония в свете комментариев

Фосслера. И вот поэтому вы их недооцениваете.

– Я, по крайней мере, читал каждое слово, когда-либо написанное любым из этих троих, – ответил жрец Слото-Виепуса, – и нужно сказать, с живейшим отвращением. – А этот Говлэ, в частности, как я спешу согласиться с моим ученым коллегой, самый знаменитый еретик...

– О сударь, – испуганно сказал Юрген, – что вы такое говорите о Говлэ?

– Я говорю вам, что был возмущен его «*Historia de Bello Veneris*»...

– Вы меня удивляете: все же...

– ...Потрясен его «*Pornoboscodidascolo*»...

– Я едва могу поверить: даже при этом вы должны допустить...

– ...И поражен его «*Liber de immortalitate Mentulae*»...

– Сударь, признавая, что это ранняя работа, в то же самое время...

– ...И был шокирован его «*De modo coeundi*»...

– Но тем не менее...

– ...И раздражен невыразимой гнусностью его «*Erotopaegnion*»! Его «*Cinaedica*»! А особенно его «*Eripedesis*», этой самой тлетворной и пагубной книгой, *quern sine horrore nemo potest legere*...

– Все же, вы не можете отрицать...

– ...И прочитал также все опровержения взглядов этого мерзкого Говлэ, написанные Занхием, Фавентином, Лелием Винцентиум, Лагаллой, Фомой Гиамином и восемью другими восхитительными комментаторами...

– Вы очень точны, сударь, но...

– ...Короче, я прочитал все книги, которые вы можете себе вообразить, – сказал жрец Слото-Виепуса.

Плечи у Юргена поднялись до ушей, и Юрген молча вытянул вперед руки ладонями вверх.

«Да, я понимаю, – говорит Юрген самому себе, – что этот Реалист для меня чересчур обстоятелен. Тем не менее, он выдумывает факты: он публично опровергает Говлэ, которого лично я выдумал, цитируя книги, которые никогда не существовали. А это нечестно, теперь у Юргена остается только один шанс, но, к счастью, верный».

– Что вы там вертите у себя в кармане? – спрашивает старый жрец Заполя, ерзая и приглядываясь.

– Ага, вы вполне можете об этом спросить! – восклицает Юрген. И он развернул пергамент, который вручил ему Магистр Филолог и который Юрген берег до того времени, когда тот понадобится больше, чем его бойкий язык. – О самые несправедливые из судей, – твердо говорит Юрген, – слушайте и трепещите! «После смерти Адриана Пятого Педро Хулиани, который должен был быть назван Иоанном, Двадцатым, по причине некоей ошибки, вкравшейся в вычисления, оказался возведенным на святейший престол в качестве Папы Римского Иоанна Двадцать Первого».

– Ха, и что нам с этим делать? – спросил жрец Нановиза, подняв брови. – Зачем вы рассказываете нам о таких неуместных вещах?

– Я думал, это вас заинтересует, – сказал Юрген. – Этот факт показался мне весьма забавным. Поэтому я подумал, что должен его упомянуть.

– Тогда у вас очень странные представления о забавном, – сказали они ему. И Юрген понял, что либо воспользовался заклинанием неправильно, либо чары его магии вожди Филистии недооценили.

Глава XXXIII

Прощание с Хлоридой

И вот филистеры вывели своих пленников и приготовились исполнить приговор. Но прежде они позволили молодому королю Евбонийскому поговорить с Хлоридой. – Прощай, Юрген! – сказала Хлорида, тихо всхлипывая. – Меня мало волнуют дурацкие слова, высказанные против тебя жрецами Филистии. Но длиннорукие палачи уже рубят мое дерево, чтоб распилить его на доски и сделать кровать для королевы Филистии: это первое, что приказала сегодня утром королева Долорес. И Юрген воздел руки к небу.

– Ох уж эти женщины! – сказал он. – Что бы подумал об этом мужчина?

– Поэтому, когда мое дерево срубят, мне придется удалиться в мрачные края, где вообще не существует смеха и где смущенные мертвецы без толку бродят по лугам с непахнущими асфоделями и по тоскливым миртовым рощам – смущенные тихие мертвецы, которые даже не могут плакать, как я сейчас, но могут лишь гадать, о чем же они сожалеют. И мне тоже придется отвесть летейской воды и забыть все, что я любила.

– Ты должна поблагодарить своих праотцев за воображение, моя милая, а то твоя судьба была бы еще хуже. Я отправляюсь в куда более варварскую преисподнюю, в Ад людей, которые думали исключительно о пламени и вилах, – печально сказал Юрген. – Всякие там черти, выдуманные болезненным воображением предков. – И он поцеловал Хлориду в лоб. – Моя милая, милая девочка, – сказал он, всхлипнув, – пока ты помнишь меня, делай это милосердно.

– Юрген, – и она вцепилась в него, – ты ни разу, ни единую минуту не был зол по отношению ко мне. Юрген, ты не сказал ни одного грубого слова ни мне, ни кому-либо другому за все время, что мы жили вместе. О Юрген, которого я любила так, как ты не мог любить никого, не много же другие женщины оставили мне для почитания!

– В самом деле, жаль, что ты любила меня, Хлорида, я не достоин этого. – И какое-то мгновение Юрген так и думал.

– Если б так сказал кто-нибудь другой, Юрген, я бы рассердилась. И даже твои слова волнуют меня, потому что никогда не существовало между двух холмов гамадриады, у которой был бы хоть в половину такой безумно-умный муж, настолько легкомысленно относящийся ко времени и судьбе, с черными, прилизанными на одну сторону волосами и огоньком в озорных карих глазах.

И Юрген понял, что это представление о нем Хлориды и что она наверняка именно таким его и запомнит. И он больше всего на свете был уверен в том, что ни одна женщина не попытается понять мужчину, которого она решилась любить, нежить и холить, как рабыня.

– Милая моя женушка, – сказал Юрген, – но я же любил тебя, и мое сердце сейчас разрывается на части, когда тебя отнимают у меня. А воспоминания о твоём нраве и радости, которую он мне приносил, будут вызывать во мне огромную гложущую тоску во все грядущие долгие времена. О, не насыщенной любовью любил я тебя – без безумия и возвышенного бреда, и без длинных речей, но любовью, соответствующей моему положению, – тихой, сердечной любовью.

– Ты наверняка попытаешься, когда я умру, облачить свое горе в подходящие слова? – спросила она у него, очень грустно улыбаясь. – Неважно, ведь ты же Юрген, а я тебя любила. И я рада, что ничего об этом не узнаю, когда в грядущие долгие времена ты будешь рассказывать множеству других женщин о том, что именно говорили Зоробасий и Птолемопитер, и будешь позировать и фантазировать им в удовольствие. Ибо я вскоре вкушу вод Леты, и забуду тебя, король Юрген, и всю радость, что получила от тебя, и всю гордость, и всю любовь к тебе, король Юрген, который любил меня так, как был способен.

– А ты думаешь, в Аду будут любовные похождения? – спросил он со скорбной улыбкой.

– Они будут везде, – ответила Хлорида, – куда ты направляешься, король Юрген. И будут женщины, чтобы слушать тебя. И, наконец, будет дылда в парике.

– Мне жаль... – сказал он. – Но я любил тебя, Хлорида.

– Теперь это мое единственное утешение. А вскоре я увижу Лету. Я возлагаю на Лету большие надежды. И все же я не могу не любить тебя, Юрген, на которого больше не надеюсь.

Он же опять сказал:

– Я недостойн этого.

Они поцеловались. И каждого препроводили к соответствующей судьбе.

Слезы стояли в глазах у Юргена, который редко плакал. И он совершенно не думал о том, что с ним случится, но думал лишь о тех или иных мелочах, которые порадовали бы его Хлориду, сделай их Юрген, и которые по той или иной причине Юрген оставил незавершенными.

«Я ни разу не был зол по отношению к ней, говорит она! О, но я же мог быть гораздо добрее. А теперь я больше ее не увижу и больше не смогу пробудить наслаждение и восхищение в этих ясных, нежных глазах, которые не видели во мне недостатков! Утешительно хотя бы то, что она не знает, как я посвятил последнюю ночь ее жизни обучению математике».

А потом Юрген гадал, как же его отправят в Ад отцов. А когда филистеры показали ему то, как они намерены привести приговор в исполнение, он удивился собственной бестолковости.

– Можно было бы предположить, что это будет именно так, – сказал Юрген. – В методах филистеров, как всегда, сквозит простота, невообразимая для действительно умного малого. И к тому же, как всегда, эти методы несправедливы по отношению к нам, умным малым. Я готов отведать любой напиток, но, тем не менее, это весьма жуткий прием по отношению ко мне, и я гадаю, хватит ли у меня отваги его вытерпеть.

А пока он обдумывал эту загвоздку, прискакал некий тяжеловооруженный всадник. Он привез три огромных пергаментных свитка с печатями, лентами и всем прочим, что полагается: это были помилование Юргена, назначение Юргена поэтом-лауреатом Филистии и определение Юргена на должность придворного математика.

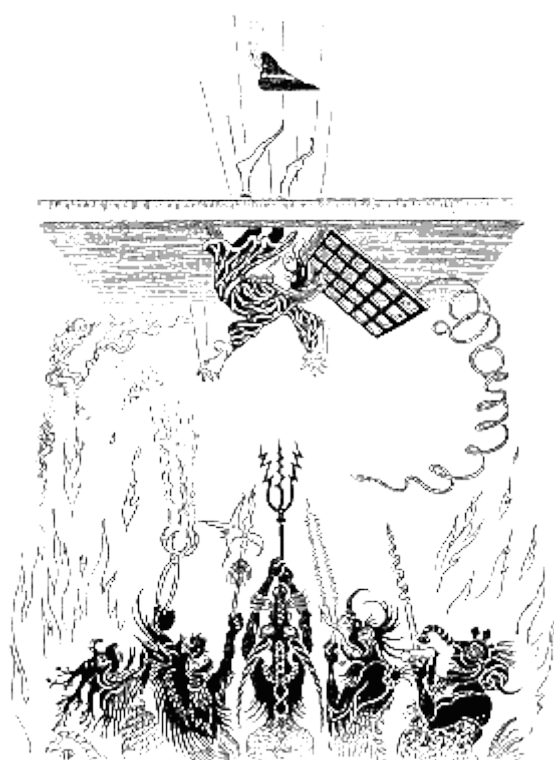
Всадник привез также письмо от королевы Долорес, и Юрген, нахмурившись, прочел его.

«Посудите теперь, как забавно было бы провести всех, притворившись, что вы подчиняетесь нашим законам!» – гласило это письмо, и больше в нем ничего не было: Долорес оказалась действительно мудрой женщиной. Однако существовал постскриптум. «Мы могли бы быть так счастливы!» – гласил он.

Юрген посмотрел на Лес, где пилили большой дуб. Он изящно рассмеялся и изящно и тщательно разорвал письмо царицы на мелкие кусочки. Затем он с достоинством взялся за свитки и обнаружил, что они настолько прочны, что их не разорвать. Это было необычайно неловко, потому что неблагоразумная попытка разорвать свитки ослабила величественность его великодушного самопожертвования. Он даже заподозрил, что один из стражников улыбнулся. Так что ничего не оставалось, как оставить бесполезное дерганье и выкручиванье свитков и пойти на компромисс, смяв их.

– Вот мой ответ, – высокопарно произнес Юрген с некоторым восхищением самим собой, но все же слегка обескураженный неожиданной прочностью пергамента.

Юрген крикнул слова прощания падшей Левке и презрительно попрощался с филистерами и их приемами. Затем он подчинился их приемам. Так, не возражая особо против этого, Юрген был предан забвению и отправлен в Ад своих отцов за два дня до Рождества.

Глава XXXIV

Как император Юрген странствовал по преисподней

Дальше история рассказывает, как черти в Аду, в одной из своих церквей, праздновали Рождество в соответствии с тем, как они рассматривают этот день; и как Юрген попал через люк в ризницу; и как он с удивлением увидел существ, находящихся там. А после рождественской службы к нему подошли все те черти, которых предсказывали его отцы, и ни на волосок, чешуйку или ноготок не отличались они от наихудшего, что только можно вообразить.

«Анатомия здесь еще более непоследовательна, чем на Кокаине», – была первая мысль Юргена. А черти сначала очень тщательно обыскали Юргена, чтобы удостовериться, не пронес ли он в Ад воды.

– Кто ж ты такой, что попал к нам живым, в столь прекрасной рубашке, какой мы никогда прежде не видывали? – спросил Дификан. У него была голова тигра, но в остальном он походил на большую птицу с ярким оперением и четырьмя ногами: шея у него была желтая, тело – зеленое, а ноги – черные.

– Было бы нечестно по отношению к вам отрицать, что я – император Нумырии, – сказал Юрген, почему-то расширяя свои владения.

Теперь заговорил Амемон в образе толстого, цвета кишок, червя, ходящего вертикально на хвосте, сиявшем, словно светляк. У него не было ног, но пониже рта находились две короткие ручки, а на спине росли иголки, как у ежа.

– Но у нас уже полным-полно императоров, – сказал с сомнением Амемон, – и их преступления доставляют нам множество хлопот. Ты был злым правителем?

– Никогда, с тех пор как я стал императором, – ответил Юрген, – ни один из моих подданных не пожаловался на меня. Поэтому для всякого очевидно, что ни в чем серьезном я упрекнуть себя не могу.

– Значит, твоя совесть не требует для тебя наказания?

– Моя совесть, господа, чересчур хорошо воспитана, чтобы на чем-либо настаивать.

– Ты даже не желаешь, чтоб тебя пытали?

– Признаю, что ожидал чего-то подобного. Но, тем не менее, не буду этого доказывать, – со значением сказал Юрген. – Нет, я буду вполне удовлетворен, даже если вы не станете меня пытаться.

И тут толпа чертей ужасно засуетилась вокруг Юргена.

– Чрезвычайно хорошо иметь в Аду, по крайней мере, одного непритязательного и невластолюбивого человека. Как правило, к нам попадают только необыкновенно гордые и совестливые призраки, чье самомнение невыносимо и чьи требования возмутительны.

– Как такое возможно?

– Нам приходится их наказывать. Конечно, они не бывают наказаны должным образом до тех пор, пока сами не убедятся, что происходящее с ними справедливо и отвечает всем требованиям. Ты не можешь и представить, на каких изощренных пытках они настаивают из-за своей чрезмерной порочности, словно сделанное или несделанное ими кого-то волнует. А изобретение таких мук нас совершенно выматывает.

– Но по какой причине это место называется Адом моих отцов?

– Потому что твои праотцы создали его в мечтах, – сказали ему, – из гордости, приведшей их к вере, что все их деяния достаточно важны, чтобы заслуживать наказания. Или, по крайней мере, мы так слышали. Но если тебе нужны точные сведения, ты должен пойти к нашему Дедушке в Геенну.

– Тогда я отправляюсь к нему. А мои собственные дедушки и все праотцы, что были у меня в древности, живут в этом сером месте?

– Все, кто родился с тем, что называют совестью попадают сюда, – сказали черти. – Думаешь, ты мог бы заставить их отправиться куда-нибудь еще? В таком случае мы были бы тебе глубоко признательны. Их самомнение вызывает жалость, но оно, к тому же и надоедает, поскольку не дает нам ни минуты покоя.

– Вероятно, я помогу вам добиться справедливости, и, несомненно, гарантированная справедливость для вас – мой императорский долг. Но кто правит этой страной?

Ему рассказали, что Ад разделен на княжества, которыми правят Люцифер, Вельзевул, Велиал, Ахеронт и Флегетон. Но над всеми ними – Дедушка Сатана, живущий в Черном Доме в Геенне.

– Я предпочитаю, – сказал Юрген, – иметь дело непосредственно с вашим главой, особенно если он может разъяснить государственное устройство этой безумной и мрачной страны. Сопроводите же меня к нему так, как подобает сопровождать императора!

Каннагоста достал тачку, а Юрген залез в нее, и Каннагоста укатил его прочь. Каннагоста напоминал быка, но больше походил на кота, а шерсть у него кучерявилась.

А когда они проезжали через Хоразму – весьма неудобное место, где в муках пребывали проклятые, Юрген увидел не кого иного, как собственного отца Котта, сына Смойта и Стейнворы, стоящего посреди особенно высокого пламени и жующего длинные усы.

– Остановись на минутку! – сказал Юрген своему провожатому.

– О, но это же самая беспокойная личность во всем Аду! – воскликнул Каннагоста. – И личность абсолютно непривлекательная!

– Никто не знает этого лучше меня, – заявил Юрген.

И Юрген почтительно поприветствовал отца, но Котт не признал этого щеголеватого молодого императора Нумырийского, разъезжающего по Аду на тачке.

– Значит, вы меня не узнаете? – спросил Юрген.

– Как мне тебя узнать, если я не видел тебя прежде? – раздраженно ответил Котт.

И Юрген не стал спорить, так как знал, что они отцом никогда не могли прийти к согласию относительно чего бы то ни было. Поэтому Юрген на сей раз промолчал, а Каннагоста стал опускать его сквозь серый полумрак все глубже в низины Ада, пока они не достигли Геенны.

Глава XXXV

Что сообщил Дедушка Сатана

Далее история рассказывает, как три черта громко заиграли на волынках, когда Юрген вошел в Черный Дом Геенны, чтобы переговорить с Дедушкой Сатаной. Внешне Сатана походил на старика лет шестидесяти или шестидесяти двух. Он был покрыт седой шерстью и имел рога, как у оленя. На нем была темно-серая набедренная повязка, и он сидел в черном мраморном кресле на возвышении в конце зала. Его пушистый хвост, похожий на беличий, непрестанно мотался у него над головой, пока он рассматривал Юргена, не произнося ни слова и не отвлекаясь от какой-то важной думы. А его глаза напоминали отблески света на поверхности чернил, ибо были без белков.

– Каково устройство этой безумной страны? – спрашивает Юрген, начиная сразу с самой сути дела. – В ней нет никакого смысла и вообще никакой справедливости.

– Ох, – ответил Сатана удивительно хриплым голосом, – вы вполне можете так сказать. Именно это я говорил жене не далее как прошлой ночью.

– Значит, у вас есть жена! – говорит Юрген, всегда интересовавшийся подобными вопросами. – Ну разумеется! И как христианин, и как женатый человек я должен был понять, что так и подобает Сатане. И как вы с ней ладите?

– Очень хорошо, – говорит Дедушка Сатана, – но она меня не понимает.

– Et tu, Brute! – восклицает Юрген.

– А что это значит?

– Это выражение, показывающее изумление по поводу события, не имеющего аналогов. Но в Аду все кажется весьма странным, и это место вообще не похоже на то, о котором распространяли слухи священники, епископы и кардиналы, что обычно увещевали меня в моем прекрасном дворце в Брехаусте.

– А где, вы говорите, ваш дворец?

– В Нумырии, императором Юргеном которой я являюсь. И нет нужды оскорблять вас, объясняя, что Брехауст – моя столица, знаменитая производством полотна, шерстяных тканей, перчаток, камей и коньяка, хотя большинство моих подданных заняты разведением скота и земледелием.

– Конечно, нет, я изучал географию. И я часто слышал о вас, Юрген, хотя ни разу о том, что вы – император.

– Разве я не говорил, что этого места не коснулись новейшие идеи?

– Но вы должны помнить, что глубокомысленных людей в Ад не пускают. Кроме того, война с Раем не позволяет нам думать о других вопросах. Так или иначе, император Юрген, по какому праву вы допрашиваете Сатану в его же доме?

– Я слышал слово, с которым осел обратился к кошке, – ответил Юрген, внезапно вспомнив то, что показал ему Мерлин.

Дедушка Сатана понимающе кивнул.

– Честь и хвала Сету и Баст! Да усилятся их власть. Вот, император, как идут дела в моем царстве.

И тут Сатана, ощетилившийся и унылый в своем высоком мраморном кресле, объяснил, как все владения и все inferнальные иерархии, которыми он правит, были экспромтом сотворены Кошечем, чтобы ублажить гордость праотцев Юргена.

– Они чрезвычайно гордились своими грехами. А Кощей в один прекрасный день случайно заметил Землю с разгуливающими по ней твоими праотцами, которые ликовали от чудовищности своих грехов и ужасных наказаний, ожидаемых ими в качестве возмездия. Кощей же сделает почти все, чтобы ублажить гордость, поскольку гордость – одна из двух вещей, недоступных Кошечу. Поэтому он обрадовался, о, очень обрадовался. А после громко рассмеялся и экспромтом сотворил Ад, создав его точно таким, как

представлялось твоим праотцам, для того чтобы убажить их гордость.

– А почему Кощею недоступна гордость?

– Потому что он создал все таким, какое оно есть. И денно и ночью он созерцает все таким, какое оно есть, и больше ему смотреть не на что. Как же может Кощей гордиться?

– Понятно. Так, как если бы меня посадили в темницу, в которой нет ничего, абсолютно ничего, кроме моих стихов. Содрогаюсь при мысли об этом! Но что еще недоступно Кощею?

– Не знаю. Нечто, не входящее в Ад.

– Мне бы хотелось, чтоб я тоже никогда сюда не входил, и теперь вы должны помочь мне выбраться из этого мрачного места.

– А почему я должен вам помогать?

– Потому что, – сказал Юрген и вынул заклинание Магистра Филолога, – потому что после смерти Адриана Пятого Педро Хулиани, который должен был быть назван Иоанном Двадцатым, по причине некоей ошибки, вкравшейся в вычисления, оказался возведенным на святейший престол в качестве Папы Римского Иоанна Двадцать Первого. Вы не находите причину достаточной?

– Нет, – сказал Дедушка Сатана, немного подумав. – Не могу этого сказать. Но папы отправляются в Рай. Постольку, поскольку многие папы подозревались в приверженности целестинизму, считается, в частности и моими гражданами, что Рай для них во всех отношениях лучше. Поэтому, находясь в состоянии войны, мы для большей верности не пускаем пап в Ад. Следовательно, я папам и их деятельности не судья и им не притворяюсь.

И Юрген опять понял, что воспользовался своим заклинанием неправильно или что оно не в силах освободить людей от власти Сатаны. «Но кто бы мог подумать, – размышлял он, – что Дедушка Сатана такой простодушный старикашка?»

– Тогда скажите, как долго я обязан здесь находиться? – спросил Юрген после гнетущей паузы.

– Не знаю, – ответил Сатана. – Это всецело зависит от того, что думает об этом ваш отец...

– Но какое он имеет к этому отношение?

– ...Поскольку я и все остальные здесь суть абсурдные представления вашего отца, что вы часто доказывали логически. А едва ли возможно, чтобы такой умный малый, как вы, мог ошибаться.

– Что ж, конечно, это невозможно, – согласился Юрген. – В общем, вопрос весьма сложный. Но я готов отведать любой напиток и каким угодно образом добиться справедливости, даже в таком неразумном месте, где истиной являются абсурдные представления моего отца.

Так Юрген покинул Черный Дом в Геенне и Дедушку Сатану, ошетинившегося и унылого в своем высоком мраморном кресле, чьи глаза мерцали в полумраке, пока он беспокойно размахивал мягким пушистым хвостом, не отвлекаясь от какой-то важной думы.

Глава XXXVI

Почему сын перечил Котту

Юрген вернулся в Хоразму, где Котт, сын Смойта и Стейнворы, совестливо стоял посреди такого огромнейшего и горячайшего пламени, какое он только мог себе вообразить, и попрекал измотанных чертей, мучивших его, поскольку пытки, производимые ими, не соответствовали порочности Котта. И Юрген крикнул отцу:

– Отвратительный бес Каннагоста сказал вам, что я – император Нумырии, и я не отрицаю этого даже сейчас. Но неужели вы не чувствуете, что я похож на вашего сына Юргена?

– Я гляжу на этого негодяя, – сказал Котт, – и вижу, что это так. И как же, Юрген, ты стал императором?

– О сударь, разве здесь место для разговоров о чисто земных титулах? Я удивлен, что ваш разум даже тут, в муках, по-прежнему вертится вокруг этой пустой тщеты.

– Но это же несоответствующие муки, Юрген, и они не спасают мою совесть. В этом месте нет справедливости, и нет способа ее добиться. Эти неповоротливые черти не воспринимают всерьез содеянное мной, а лишь делают вид, что наказывают меня, и моя совесть остается неочищенной.

– Но, отец, я говорил с ними, и они, похоже, думают, что ваши преступления, в конце концов, не так велики. Котт впал в хорошо знакомую Юргену ярость.

– Я хочу, чтобы ты знал, что я хладнокровно убил восемь человек и держал еще пятерых, пока их убивали. Я оцениваю сумму такого беззакония в десять с половиной убийств, и за них моя совесть требует наказания.

– Но, сударь, это произошло пятьдесят с лишним лет тому назад, и те люди в любом случае были бы сейчас мертвы, так что, как вы понимаете, это уже не важно.

– Я блудил не знаю с каким количеством женщин. Юрген покачал головой.

– Для сына это весьма шокирующее известие, и можете представить себе мои чувства. Тем не менее, сударь, это также произошло пятьдесят лет назад и сейчас никого не волнует.

– Нахал, я говорю тебе, что я богохульствовал, воровал, подделывал деньги и нарушал пост, сжег четыре дома, виновен в разбое, неуважительно относился к матери и поклонялся каменному идолу в Поруце. Говорю тебе, что я неоднократно разбивал вдребезги все десять заповедей. Я совершил все известные преступления и изобрел шесть новых.

– Да, сударь, – сказал Юрген. – Но разве это важно?

– О, уберите прочь моего сына! – воскликнул Котт. – Он – копия своей матери. И, хотя я гнуснейший из когда-либо живших грешников, я не заслужил того, чтобы мне дважды досаждали такими дурацкими вопросами. И я требую, чтобы вы, ленивые черти, принесли еще дров.

– Сударь, – сказал задыхающийся бесенок в образе головастика с волосатыми ручонками и ногами обезьяны, прибежавший с четырьмя охепками хвороста, – мы стараемся изо всех сил ради ваших страданий. Но вам, проклятым, на нас наплевать, и вы не помните, что мы, прислуживая вам, день и ночь на ногах, – сказал хныча бесенок и стал шуровать вилами дрова вокруг Котта. – Вы даже не помните о беспорядке в стране из-за войны с Раем, что делает для нас крайне затруднительным доставление вам всех жизненных лишений. Вместо этого вы прохлаждаетесь в своем пламени и жалуетесь на обслуживание, а Дедушка Сатана нас наказывает, и это несправедливо.

– Лично я думаю, – сказал Юрген, – что вам нужно быть с мальчишкой помягче. А что касается ваших преступлений, сударь, то неужели вам не победить эту гордыню, которую вы называете совестью, и не признать, что после того, как человек умер, вообще не важно, что именно он сделал? В Бельгарде никто и не думает о вашей резне или нарушении поста, разве только тогда, когда старики сплетничают у камина и ваша порочность позволяет им скоротать вечер. Для остальных вы – лишь камень на кладбище представляющий вас как образец всех добродетелей. А вне Бельгарда, сударь, ваши имя и дела ни для

кого ничего не значат и никто нигде вас не помнит. Так что, в действительности, ваша порочность не волнует сейчас ни единое существо, кроме бедных трудяг чертей. И думаю, что вследствие этого вы могли бы примириться с теми муками, которые, они могут изобрести для вас, не жалуясь на них с таким раздражением.

– Но моя совесть, Юрген! Вся суть в ней.

– О, если вы и дальше будете говорить о своей совести, сударь, вы ограничите беседу предметами, которые я не понимаю и потому не могу обсуждать. Но, смею заметить, мы вскоре найдем возможность проработать этот и все остальные вопросы. И мы с вами выжмем из этого места все, что только можно, ибо теперь я вас не покину.

Котт заплакал и сказал, что его грехи во плоти слишком ужасны, чтобы ему был позволен покой в нестерпимых муках, которые он честно заслужил и надеется когда-нибудь пережить.

– Тогда интересно ли вас, так или иначе, я? – спрашивает Юрген, совершенно ошеломленный.

И из пламени Котт, сын Смойта, заговорил о рождении Юргена, о младенце, которым был Юрген, и о ребенке, которым был Юрген. И пока Юрген слушал человека, родившего его, чья плоть была плотью Юргена и чьи мысли никогда не были мыслями Юргена, у Юргена возникло какое-то жуткое, глубокое и безрассудное чувство; и Юргену оно не понравилось. Затем голос Котта резко изменился, и он заговорил о подростке, которым был Юрген, – ленивом, непослушном и не ценящем ничего, кроме собственных легкомысленных желаний: и о разладе, возникшем между Юргеном и отцом Юргена, Котт тоже говорил. И Юргену сразу же стало легче, но он по-прежнему огорчился, узнав, как сильно когда-то его любил отец.

– То, что я был ленивым и непослушным сыном, – сказал Юрген, – прискорбная истина. И я не следовал вашим наставлениям. Я блудил, о, страшно блудил, блудил, должен вам сказать, даже с героиней одного мифа, связанного с Луной.

– О, ужасная языческая мерзость!

– И она считала, сударь, что впоследствии я, вероятно, стану действующим лицом солярной легенды.

– Я не удивляюсь, – сказал Котт и подавленно покачал лысой, куполообразной головой. – О, мой сын, это лишь показывает, к чему приводит такое необузданное поведение.

– В случае чего я, конечно же, был бы освобожден от пребывания в подземном мире Весенним Равноденствием. Разве вы так не думаете, сударь? – спросил Юрген с надеждой, поскольку помнил, что, согласно утверждению Сатаны, все, во что верит Котт, становится в Аду истиной.

– Я уверен, – сказал Котт, – в общем, я уверен, что ничего не понимаю в подобных вопросах.

– Да, но что вы думаете об этом?

– Я вообще об этом не думаю.

– Да, но...

– Юрген, у тебя крайне невежливая привычка спорить с людьми...

– Все же, сударь...

– И я говорил тебе об этом и раньше...

– Однако, отец...

– И мне хочется говорить тебе об этом снова...

– Тем не менее, сударь...

– И когда я говорю, что у меня нет на этот счет собственного мнения...

– Но у всех есть свое мнение, отец! – закричал Юрген и почувствовал себя, словно в былые времена.

– Как вы смеете говорить со мной таким тоном, сударь?

– Но я лишь имел в виду...

– Не ври мне, Юрген! И прекрати меня перебивать! Как я уже сказал, когда ты начал орать на своего

отца, словно обращался к человеку, лишенному благоразумия, мое мнение таково, что я ничего не знаю о Равноденствиях! И знать не хочу о Равноденствиях, чтоб ты понял! И чем меньше сказано на подобные, пользующиеся дурной репутацией, темы, тем лучше, говорю тебе прямо!

Юрген застонал.

– Что за примерный отец! Если б вы так подумали, это бы произошло. Но вы вообразили меня в подобном месте и не обладаете достаточной справедливостью, не говоря уж об отцовских чувствах, чтобы вообразить меня вне этого места.

– Я могу лишь думать о твоём заслуженном несчастье, вздорный негодяй! И о сомне женщин легкого поведения, с которыми ты грешил! И о судьбе, которая ждет тебя в дальнейшей жизни!

– На худой конец, – сказал Юрген, – здесь нет женщин. Это должно вас успокоить.

– По-моему, здесь есть женщины, – огрызнулся его отец. – Считается, что у многих женщин была совесть. Но эти совестливые женщины, вероятно, содержатся отдельно от нас, мужчин, в какой-то другой части Ада по причине того, что если б их пустили в Хоразму, они бы попытались прибрать это место и сделать его пригодным для жилья. Я знаю, что твоя мать с ходу бы этим занялась.

– О, сударь, вы по-прежнему находите в матери недостатки?

– Твоя мать, Юрген, во многом была восхитительной женщиной. Но, – сказал Котт, – она меня не понимала.

– Конечно, это неприятно. Тем не менее, все, что вы говорите о пребывании здесь женщин, всего лишь догадки.

– Нет! – сказал Котт. – Но мне не нужно больше твоего бесстыдства. Сколько раз тебе говорить?

Юрген задумчиво почесал ухо. Он все еще помнил сказанное Дедушкой Сатаной, и раздражение Котта казалось многообещающим.

– Но, могу поспорить, все женщины здесь уродины.

– Нет! – сердито сказал его отец. – Почему ты продолжаешь мне перечить?

– Потому что вы не знаете, о чем говорите, – сказал Юрген, подстрекая его. – Откуда могли взяться привлекательные женщины в таком ужасном месте? Нежная плоть сгорела бы на их тонких костях, а прелестнейшая из цариц превратилась бы в жуткую головешку.

– Думаю, что есть множество вампиров, суккубов и таких тварей, которым огонь вообще не вредит, поскольку эти твари наделены неугасимым пылом, который жарче огня. И ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду, поэтому тебе нет нужды стоять, вылупившись на меня, словно напуганная мать-настоятельница!

– О сударь, но вы отлично знаете, что у меня нет ничего общего с подобными неисправимыми особами.

– Ничего такого не знаю. Ты мне, вероятно, врешь. Ты мне всегда врал. По-моему, ты уже собрался на свидание с вампиркой.

– Что, сударь? Жуткая тварь с клыками и перепончатыми крыльями?

– Нет, но весьма ядовитая и соблазнительная красивая тварь.

– Да ну! Не думаете же вы в действительности, что она красива?

– Думаю. Как ты смеешь говорить мне, что я думаю, а что не думаю?

– Ну ладно, у меня с ней ничего не будет.

– А по-моему, будет, – сказал отец. – И, по-моему, ты прибегнешь к своим трюкам в отношениях с ней до истечения этого часа. Неужели я не знаю императоров? И неужели не знаю тебя?

И Котт начал говорить о прошлом Юргена в обычных выражениях семейной перебранки, которые не везде удобно повторять. А бесы, мучившие Котта, в смущении отошли и, пока Котт говорил, держались вне

пределов слышимости.

Глава XXXVII

Изобретение прелестной вампирки

И Котт вновь расстался с сыном в гневе, а Юрген вновь повернул к Геенне. И было или не было это совпадением, но Юрген повстречал точно такую вампирку, в мысли о которой он завлек отца. Она являлась наиболее соблазнительной и красивой тварью, которую только мог вообразить отец Юргена или любой другой мужчина. На ней было одеяние оранжевого цвета – по причине, достаточно хорошо известной в Аду, расшитое зелеными фиговыми листьями.

– Доброе утро, сударыня, – сказал Юрген. – И куда же вы направляетесь?

– Вообще-то никуда, молодой человек. У меня сейчас отпуск, полагающийся ежегодно по закону Калки...

– А кто такой Калки, сударыня?

– Пока никто. Но он явится в виде жеребца. Меж тем его Закон предшествует ему, так что я мирно провожу свой отпуск в Аду, и никто мне, как бывает обычно, не досаждают.

– А кто же это делает обычно, сударыня?

– Вы должны понять, что на земле у вампирки нет покоя, поскольку множество красивых малых вроде вас расхаживают повсюду, горя желанием быть погубленными.

– Но как, сударыня, получилось, что вы стали вампиркой, если такая жизнь вас не радует? И как вас зовут?

– Мое имя, сударь, – печально ответила вампирка, – Флоримель, потому что моя натура, не меньше, чем внешность, была прекрасна, как полевые цветы, и сладка, как мед, который пчелы (предоставляющие нам такие восхитительные образцы производства) добывают из этих цветов. Но досадное несчастье все это изменило. Однажды мне случилось заболеть и умереть (что, конечно, могло произойти с кем угодно), а когда похоронная процессия покидала дом, через мой гроб перепрыгнула кошка. Это самое ужасное несчастье, какое только могло постигнуть бедную умершую девушку – всеми уважаемую и к тому же швею нарасхват. Хотя даже тогда худшее можно было предотвратить, не будь моя невестка той, кого называют «человечными», и по-идиотски привязана к этой кошке. Поэтому кошку не убили, а я, конечно же, стала вампиркой.

– Да, я понимаю, что это было неизбежно. И все же это едва ли кажется справедливым. Мне жаль тебя, моя милая. – И Юрген вздохнул.

– Я бы предпочла, сударь, чтобы вы не обращались ко мне так фамильярно, поскольку мы с вами пренебрегли формальностями и не представлены друг другу. А при отсутствии общих знакомых этого должным образом не сделать.

– У меня нет под рукой герольда, так как я путешествую инкогнито. Однако я – тот самый Юрген, который недавно сделался императором Нумырийским, королем Евбонийским, принцем Кокаинским, герцогом Логрейским и о котором вы, без сомнения, слышали.

– Разумеется! – ответила она, поправляя прическу. – И кто бы мог подумать – встретить ваше высочество в таком месте!

– Императору говорят «величество», моя милая. Это, конечно, лишь деталь, но при моем положении приходится быть слегка требовательным.

– Вполне понимаю, ваше величество. На самом деле я могла бы различить ваш титул по вашему прелестному одеянию. Я могу лишь умолять вас посмотреть сквозь пальцы на непреднамеренное нарушение этикета. И смею добавить, что доброе сердце открывает великолепие своей снисходительности посредством интереса, который ваше величество только что проявили к истории моей беды.

«Честное слово, – подумал Юрген, – в этом потоке слов я, кажется, узнаю воображение моего отца в

гневе».

Затем Флоримель рассказала Юргену о своем ужасном пробуждении в могиле и о том, что случилось там с ее руками и ногами, покуда она против своей воли питалась отвратительнейшим способом, погубив сперва свою родню, а затем и соседей. Сделав это, она воскресла.

– Но та кошка все еще была жива, и это меня беспокоило. Тогда я положила конец этой истории. Я забралась на церковную колокольню – не одна, но о том, кто был со мной, я предпочитаю не говорить. И в полночь я ударила в колокол так, что все, слышавшие его, заболели и умерли. А я заплакала, поскольку знала, что, когда будет погублено все, что было близко мне в первой жизни во плоти, я буду вынуждена отправиться в новые края на поиски пищи, которая лишь одна может прокормить меня, а я всегда была искренне привязана к дому. Так что, ваше величество, я навсегда бросила шитье и стала прелестной опасностью, проносящимся над землей опустошением, злом, поражающим по ночам, несмотря на мое отвращение к работе в ночное время. И я крайне не люблю то, что делаю, ибо печальная судьба – стать вампиркой, но при этом сочувствовать своим жертвам и, в частности, их бедным матерям.

Юрген утешил Флоримель и обнял ее.

– Ну, полно! – сказал он. – Я еще увижу, как приятно проходит твой отпуск. А я намерен обращаться с тобой справедливо.

Затем он кинул взгляд в сторону на свою тень и прошептал предложение, вынудившее Флоримель вздохнуть.

– По условию моей судьбы, – сказала она, – ни в какое время в течение девяти жизней кошки я не могу отказаться от этого. Все же утешительно, что вы – император Нумырийский и имеете доброе сердце.

– О, и многое другое, моя милая! И я вновь уверяю тебя, что намерен обращаться с тобой справедливо. Флоримель провела Юргена сквозь неизменный сумрак Геенны, похожий на полумрак серого зимнего дня, к тихой расселине у Моря Крови, которую она очень мило обставила, подражая уюту своего девичьего дома. Она зажгла свечу и пригласила Юргена к себе в расселину. А когда Юрген уже собрался войти, он увидел, что тень идет за ним в дом вампирки.

– Давай потушим свечу! – сказал Юрген. – Я сегодня видел столько пламени, что у меня устали глаза.

Флоримель затушила свечу с доброжелательностью, порадовавшей Юргена. Теперь они находились в крошечной тьме, а в темноте никто не видит, что происходит. Но Флоримель теперь доверяла Юргену, а его нумырийские притязания были признаны в ее самой первой реплике.

– Вначале я подозрительно отнеслась к вашему величеству, – сказала Флоримель, – поскольку всегда слышала, что у любого императора великолепный скипетр, а вы тогда ничего такого не показали. Но сейчас я почему-то уже в вас не сомневаюсь. А о чем думает ваше величество?

– Я размышляю о том, моя милая, – ответил Юрген, – что у моего отца весьма сносное воображение.

Глава XXXVIII

Касающаяся одобренных прецедентов

В дальнейшем Юрген жил в Аду и подчинялся обычаям этой страны. А история рассказывает, что через неделю, а может, через десять дней, после встречи с Флоримелью Юрген женился на ней, чему нисколько не помешало то, что у него было еще три жены. Он обнаружил, что черти высоко ценят полигамию и ставят ее выше простого умения мучить проклятых, буквально истолковывая поговорку, что лучше жениться, чем сгореть.

– А прежде, – сказали они Юргену, – едва ли можно было встретить брак, не отмеченный клеймом «сделано на Небесах». Но с тех пор, как мы воюем с Раем, мы отобрали это ремесло у наших врагов. Так что, если угодно, можно жениться и здесь.

– Значит, – сказал Юрген, – я женюсь на скорую руку, да на долгую муку. А можно здесь получить развод?

– О, нет, – сказали ему. – Мы торговали ими какое-то время, но обнаружили, что все, получившие развод за счет нашего усердия, за то, что они наконец освободились, благодарят Небеса. Перед лицом такой неблагодарности мы оставили это невыгодное ремесло, и теперь на этом месте мастерская по пошиву мужской одежды на старых, узаконенных основаниях.

– Но такие паллиативы неудовлетворительны, и мне хотелось бы узнать, что вы делаете в Аду, когда жен больше уже нельзя терпеть.

Все черти покраснели.

– Этого мы предпочли бы не говорить, – сказали они, – ибо это может дойти до их ушей.

– Теперь я понимаю, – сказал Юрген, – что Ад – место точно такое же, как любое другое.

Так Юрген и прелестная вампирка должным образом поженились. Сперва Юргену подстригли ногти, и обрезки отдали Флоримели. Перед ними положили метловище, и они переступили через него. Затем Флоримель трижды сказала: «Темой!» – а Юрген девять раз ответил: «Аригизатор!». А после всего императору Юргену и его невесте подали горячий отвар дикой капусты, и, совершив это «венчание вокруг ракитового куста», черти скромно удалились.

Юрген жил в Аду и подчинялся обычаям этой страны и какое-то время он был вполне всем доволен. Теперь Юрген делил с Флоримелью ту тихую расселину, которую она обставила, подражая уюту девичьего дома. А жили они весьма добропорядочно на окраине Геенны, на берегу моря. В Аду, конечно же, нет воды. На самом деле ввоз воды запрещен под угрозой суровых наказаний из-за возможного использования ее для крещения. Это же море состояло из крови, пролитой благочестием при содействии царству Князя Мира, и считалось самым большим из существующих океанов. И это объясняло бессмысленную поговорку, которую так часто слышал Юрген, что Ад вымощен благими намерениями.

– В конце концов, Епиген Родесский прав, – сказал Юрген, – предположив опечатку: должно стоять слово «вымочен».

– Разумеется, ваше величество, – согласилась Флоримель. – Я же всегда говорила, что у вашего величества замечательная проницательность, не считая учености вашего величества.

У Флоримели был вот такой обходительный способ выражаться. Тем не менее, все вампиры имели свою слабую струнку: они питались силой и молодостью своих возлюбленных. Так что однажды утром Флоримель пожаловалась на недомогание и отнесла его к несварению желудка.

Юрген задумчиво погладил ее по голове, затем распахнул свою блестящую рубашу и показал то, что было достаточно отчетливо видно.

– Я полон сил, и я молод, – сказал Юрген, – но моя сила и моя молодость – своеобразного рода, и они не совсем полезны. Так что давай больше не устраивай своих штук, а то ты совершенно испортишь себе отпуск, по-настоящему заболев.

– Но я думала, что все императоры – люди! – сказала Флоримель, покраснев и задрожав от раскаяния, за чем Юргену было очень приятно наблюдать.

– Даже при этом, моя любимая, все императоры – не Юргены, – величественно ответил он. – Поэтому ты обнаружишь, что не всякий император справедливо величается отцом своего народа или определяется способностью владеть скипетром Нумырии. Полагаю, это достаточный урок.

– Да, – сказала Флоримель с перекосившимся лицом.

И впоследствии у них больше не было неприятностей подобного рода, а рана на груди у Юргена вскоре зажила.

Юрген, конечно же, держался в стороне от проклятых, потому что он и Флоримель жили добропорядочно. Они, однако, нанесли визит отцу Юргена сразу после женитьбы, потому что так было положено. Котт был достаточно вежлив для Котта и выразил надежду, что Флоримель окажет хорошее влияние на Юргена и сделает из него достойного человека, но не высказывал при этом особого оптимизма. Все же этот визит так и не повлек за собой ответного, потому что Котт считал свою порочность чересчур огромной, чтобы пропустить хоть минуту мучений, и не покидал пламени.

– В действительности, ваше величество, – сказала Флоримель, – мне не хотелось бы ни на миг создать видимость, что я критикую родственников вашего величества. Но думаю, что отец вашего величества мог бы навестить нас, по крайней мере, хоть раз, в частности после того, как я предложила разжечь огонь, на котором он мог бы сидеть в любое время, когда придет к нам. Я считаю, что отец вашего величества напускает на себя некую экстравагантность при отсутствии определенного доказательства того, что он хоть чуточку более порочен, чем остальные. А детская прямота, которая всегда была у меня основной чертой характера, не позволяет мне скрывать свое мнение.

– О, это всего лишь его совесть, милая.

– Совесть весьма хороша на своем месте, ваше величество. И лично я никогда не была бы способна вынести нескончаемый труд по соблазнению и убийству столь многих прекрасных молодых людей, если бы моя совесть не заверяла меня, что все это вина моей невестки. Но даже при этом не имеет смысла позволять совести делать из тебя раба. А когда совесть доводит отца вашего величества до пренебрежения правилами приличия, я уверена, что все зашло уже слишком далеко.

– Ты права, моя милая. Однако мы же не имеем недостатка в обществе. Так что приведи себя в порядок, стряхни этого черного пса со спины. Мы проводим сегодняшний вечер с Асмодеями.

– И ваше величество опять будет говорить о политике?

– Полагаю, да. Кажется, им это нравится.

– Если б это нравилось и мне, ваше величество, – заметила Флоримель и в предвкушении скуки зевнула.

С этими чертами Юрген становился словоохотливым. Религией Ада является патриотизм, а системой правления – просвещенная демократия. Это удовлетворяло чертей, и Юрген давным-давно научился никогда не нарушать их законов, без которых, как любили замечать черти, Ад не был бы тем, чем он является.

Они были, как обнаружил Юрген, простодушными бесами, позволявшими страшно эксплуатировать себя назойливым мертвецам. Они не имели ни минуты покоя из-за проклятых, которые являлись личностями, обремененными совестью, и потому требовали нескончаемых мучений. Когда Юрген попал в Ад, политические дела находились там в весьма скверном состоянии, поскольку среди молодых чертей возникла большая партия, выступавшая за прекращение вековой войны с Раем почти любой ценой, для того чтобы отдохнуть от бесконечного потока совестливых мертвецов, ищущих мучений. Ибо хорошо известно, что, когда Сатана покорится и даст заковать себя в цепи, больше не будет смерти, и надоевшая иммиграция, соответственно, прекратится. Так говорили молодые черти, считавшие, что дедушке Сатане следует принести себя в жертву ради всеобщего благоденствия.

Они также указывали, что Сатана являлся у них руководящим должностным лицом со времен основания Ада по необходимости, поскольку смена правительства в военное время нецелесообразна, но

что Сатана через определенный срок должен переизбираться. И, конечно же, Сатана во всем признавался абсолютной властью, поскольку это тоже типично для военного времени. В общем, через несколько первых тысячелетий молодые черти начали перешептываться насчет того, что такое правление не является идеальной демократией.

Но более консервативные старики были возмущены такими упадническими и безумными идеями и обошлись с младшими несколько сурово, разорвав их на куски и тем совершенно уничтожив. Затем старшие черти начали применять еще более устрашающие наказания.

* * *

Дедушка Сатана был весьма раздосадован, поскольку законы нарушались повсеместно. И через пару дней после прихода Юргена Сатана издал обращение к своим подданным о более уважительном отношении к кодексу Ада. Но при демократическом правлении народу не нравится постоянно беспокоиться о законе и порядке, на что указал Юргену один из наиболее старых и сильных чертей.

Юрген сделал серьезное лицо и потер подбородок.

– Но посмотрите, – сказал Юрген, – порицая дух толпы, спорадически проявлявший себя в этой стране в выступлениях против сторонников мира и подчинения приказам Небес и другой процелестинской пропаганде, – и предупреждая лояльных граждан, что таких всплеск нужно остерегаться как пагубных для общественного благополучия Ада – Дедушка Сатана должен иметь в виду, что правительство, по большому счету, держит в своих руках средства борьбы со злом. – И Юрген очень сурово взглянул на Сатану.

– Вот-вот, – сказал Флегетон, кивая головой, похожей на голову медведя, за исключением голых и длинных красных ушей, внутри которых горел огонь, напоминающий пламя спиртовки. – Вот-вот, этот молодой император в блестящей рубаше говорит необычайно хорошо!

– Так все мы говорили в Пандемониуме, – задумчиво сказал Велиал, – в прекрасные дни, когда Пандемониум был только что построен, а мы были еще бесенятами.

– Да, его речи принадлежат старой школе, лучше которой ничего нет. Так что, пожалуйста, продолжайте, император Юрген, – воскликнули старые черти, – и позвольте нам узнать, о чем же вы говорите.

– Я говорю лишь о том, – сказал Юрген и вновь сурово взглянул на Сатану, – что, пока судебное преследование нарушения законов, вызванных военным положением, отмечено сентиментальной расслабленностью; пока откладывается заслуженное наказание за неприкрытые проявления процелестинства; пока малодушная снисходительность прощает подозреваемых в нелояльных мыслях, – до тех пор вызванный праведным негодованием патриотизм, пусть то и дело вводимый в заблуждение, будет брать в собственные руки дело возмездия в отношении нарушителей закона.

– Но, все же... – сказал Дедушка Сатана.

– Неумелое ведение судопроизводства, – твердо продолжил Юрген, – является настоящим катализатором всплеск народного негодования; и более справедливо скорбеть о политике всепрощения, предоставляющей такую возможность, нежели о случаях неповиновения толпы. Сейчас, когда патриотичный народ Ада находится в состоянии войны, он не в том настроении, чтобы с ним шутить. Осуждение преступлений против нации не должно граничить с формальностями, придуманными для излишне тонкой юриспруденции мирного времени. Я уверен, что среди вас нет никого, у кого на языке не вертелись бы бессмертные слова Ливония на эту самую тему. Поэтому я не стану их повторять. Но, я полагаю, вы согласитесь со мной, что сказанное Ливонием бесспорно.

И Юрген с огромной скоростью продолжал, все время строго поглядывая на Дедушку Сатану.

– Да, да! – сказал Сатана, беспокойно крутясь в кресле, но по-прежнему не думая всецело о Юргене. – Да, у вас превосходное красноречие, и я ни на мгновение не принизил бы авторитет Ливония. А ваша цитата необычайно к месту и все такое прочее. Но в чем вы меня обвиняете?

– В сентиментальной расслабленности, – парировал вопрос Юрген. – Разве всего лишь вчера к вам не привели одного из молодых чертей, обвиняемого в том, что, по его словам, климат в Раю лучше, чем

здесь? А вы, сударь, главный судья Ада, именно вы спросили, произносил ли он когда-нибудь такую предательскую ересь!

– Но что еще я должен был сделать? – спросил Сатана, ерзая и помахивая огромным пушистым хвостом так, что тот шуршал о рога, но на самом деле по-прежнему не отвлекался от своей важной думы.

– Вам нужно запомнить, сударь, что черт, чей патриотизм спорен, – это черт, которого следует наказывать. И что нет времени вдаваться в неуместные вопросы вины или невиновности. Иначе, как я понимаю, в Аду у вас никогда не будет настоящей демократии.

Сейчас Юрген выглядел очень впечатляюще, и все черти ему заплодировали.

– И вот, – говорит Юрген, – возмущенные присутствующие, уставшие от таких поверхностных допросов, взяли малого из ваших рук и разорвали на чрезвычайно мелкие кусочки. И я предупреждаю вас, дедушка Сатана, что ваш долг как демократического судьи всегда именно так обращаться с подобными преступниками, а задавать свои дурацкие вопросы будете после. Что говорит непосредственно по этому поводу Рудигерн? А к тому же Зантифер Великий? Что ж, милостивый государь, я прямо спрашиваю вас, где еще во всей истории международного права вы найдете более ясные выражения, чем использовали они?

– Несомненно, – говорит Сатана с унылой улыбкой, – вы цитируете весьма уважаемых авторов, и я по большей части принимаю ваши упреки. В будущем я постараюсь быть более требовательным. И вы не должны винить меня так строго за мягкотелость, император Юрген, ибо давно уже не появлялся в Аду живой человек, обучавший бы нас, как вести дела во время войны. Без сомнения, точно как вы говорите, здесь нам нужно чуть больше строгости, и хорошо бы извлечь пользу, усвоив более гуманные методы. Значит, Рудигерн?.. Да, Рудигерн бесспорен, и я честно это признаю. Так что пойдемте домой, поужинаем вместе, император Юрген, и поговорим об этих вещах.

Тут Юрген вышел под руку с Дедушкой Сатаной, и эрудиция Юргена и твердый здравый смысл навсегда стали эталоном среди старших и более сплоченных служителей Ада. А Сатана последовал предложению Юргена, и охоту бунтовать в достаточной степени быстро отбили, разрывая на очень мелкие кусочки всякого, кто ворчит по какому-либо поводу. И подданные Сатаны ходили все время, широко улыбаясь при мысли о том, что могло бы случиться с ними, если б они показались удрученными. Так из-за появления Юргена Ад стал на вид значительно счастливее.

Глава XXXIX

О компромиссах в Аду

Жену Дедушки Сатаны звали Филлис, и, несмотря на то, что у нее были крылья, как у летучей мыши, она представляла собой прелестнейшую худенькую чертовку, которую Юрген когда-либо видел. Юрген провел эту ночь в Черном Доме Геенны, и еще две ночи, а может, три ночи. А подробности того, что Юрген делал после ужина, гуляя в одиночестве по саду Черного Дома среди искусно раскрашенных чугунных цветов и кустарников, подходя к зарешеченному окну комнаты Филлис и шутя с ней в темноте, несущественны для этой истории.

Сатана очень ревновал свою жену: он подрезал ей одно крыло и держал ее под замком, как сокровище, которым она безусловно являлась. Но Юрген впоследствии обычно говорил, что, хотя решетки на окнах весьма отвратительны, они даже неким образом усиливали пикантность общения с госпожой Филлис. Эту царицу (говорил Юрген) он нашел просто непревзойденной в остроумии.

Флоримель посчитала это высказывание довольно загадочным: что именно имел в виду его величество?

— То, что при любых обстоятельствах госпожа Филлис знает, как воспринять шутку и вернуть ее настолько же хорошо.

— Ваше величество уже сообщило мне об этом; и, несомненно, шутками можно обмениваться сквозь решетку...

— Да, именно это я и имел в виду. А госпожа Филлис оказалась способной оценить поток моего юмора. Она мне сообщила, что Дедушка Сатана холодного и сухого нрава и почти лишен чувства юмора,

так что они месяцами не обмениваются любезностями. В общем, я готов отведать любой напиток, а в остальном, помня, что у моего хозяина огромные страшные рога, я приложил все усилия, чтобы обойтись со своей хозяйкой честно. Хотя на самом деле я обменивался любезностями с женой Сатаны скорее для чести и славы дела, чем для чего-либо иного. Поступая так, моя милая, я чувствовал себя достойным быть императором Юргеном.

– Ох, боюсь, что ваше величество – отчаянный повеса, – ответила Флоримель: – Однако мы все знаем, что императорский скипетр уважаем повсюду.

– На самом деле, – говорит Юрген, – я часто сожалел, что, покидая Нумырию, не взял с собой скипетр с драгоценными камнями.

Она вздрогнула от какой-то невысказанной мысли; только через некоторое время Флоримель поведала Юргену об унижительно несчастном случае со скипетром забывчивого султана из Гарчао. Сейчас же она лишь ответила, что драгоценные камни могли бы показаться нарочитыми и неуместными.

Юрген согласился с этим трюизмом, так как, конечно же, они жили очень мирно, и Юрген в своей блестящей рубаше был достаточно великолепен для требований любой благоразумной жены.

Так Юрген остался с Флоримелью в хороших отношениях. Но он никогда не обожал ее так, как Гинеvру или Анаитиду, и даже на одну десятую так, как Хлориду. Во-первых, он подозревал, что Флоримель выдумана его отцом, а у Котта и Юргена вкусы всегда различались. А во-вторых, Юрген не мог не видеть, что Флоримель чересчур много внимания уделяет тому, что он – император.

«Она любит мой титул, а не меня, – с грустью думал Юрген, – и она меньше привязана к тому, что действительно свойственно мне, нежели к императорским державам, скипетрам и прочим внешним украшениям».

И Юрген выходил из расселины Флоримели весьма удрученным и сидел один у Моря Крови, размышляя, как несправедливо, что никчемный титул императора должен отгораживать его от искренности и прямоты.

«Мы, называемые королями и императорами, такие же люди, как и все. И мы вполне имеем право, как и другие, на утешение истинной любовью и привязанностью. Вместо этого мы живем в постоянной изоляции, а женщины предлагают нам все, кроме сердца, и мы очень одиноки. Нет, не могу поверить, что Флоримель любит меня из-за меня самого: ее прельщает мой титул. И мне хотелось бы никогда не делаться императором Нумырийским, потому что этот император расхаживает повсюду в сказочном великолепии и, весьма естественно, неотразим в своем полумифическом блеске. Но эта императорская мишура отвлекает мысли Флоримели от настоящего Юргена, так что настоящий Юрген является человеком, которого она вообще не понимает. А это несправедливо».

К тому же, у него было своего рода предубеждение против того, как Флоримель проводила время, соблазняя и убивая молодых людей. Конечно, в действительности, невозможно винить девушку, поскольку та стала жертвой обстоятельств и у нее не было выбора, становиться вампиркой или нет, раз кошка перепрыгнула через ее гроб. И все же Юрген всегда чувствовал, по-мужски нелогично, что у нее не очень приятная профессия. И равно по-мужски нелогично он настойчиво уговаривал Флоримель рассказать ему о ее вампирских делах, несмотря на подспудное чувство, что он бы предпочел, чтобы его жена занималась каким-нибудь другим ремеслом. А веселое созданище достаточно охотно ублажало его своими фиолетовыми искрящимися глазами, яркими, мило изогнутыми губами, показывающими крохотные белые и острые зубки совершенно отчетливо.

Она была действительно мила, когда рассказывала ему о том, что случилось в Копенгагене, когда молодой граф Озмунд спустился в подвал к нищенке, и что они сделали с кусками его тела; и о том, как у одного вида змей появилось тайное имя, которое, будучи выкрикнутым ночью с соответствующей церемонией, вызовет восхитительные происшествия; и о том, что можно делать с помощью некрещеных детей, если только те не поцелуют тебя своими влажными неуверенными губками, потому что тогда все это становится невозможным; и о том, как она воспользовалась черепом молодого рыцаря Ганелона, когда он расстался с ним, а она с рыцарем; и о том, что под конец сказал крокодилам молодой священник Вульфнот.

— О да, у моей жизни есть забавная сторона, — сказала Флоримель. — Конечно же, нравится ощущать, что ты не всецело потеряла контакт с миром и даже вносишь скромный вклад в пресечение глупости. Но даже при этом, ваше величество, эти имена, которыми тебя называют! То, чего ждут от тебя молодые люди в качестве платы за их телесную и духовную гибель! То, что говорят о тебе их родственники! И, кроме всего прочего, постоянное напряжение, работа в ночное время и непрерывные попытки жить согласно своим принципам! О да, ваше величество, я была гораздо счастливее, когда оставалась чахоточной швеей и гордилась своими петлями для пуговиц. Но от невестки, которая лишь иногда, будто отбывая повинность, зовет тебя на чай и которая известна своей набожностью, можно, конечно же, ожидать чего угодно. И это напоминает мне, что в действительности я должна рассказать вашему величеству о том, что случилось на сеновале сразу после того, как аббат разделся...

Так она продолжала болтать, а Юрген слушал и снисходительно улыбался. Она несомненно была мила. И вот так они вполне удовлетворительно вели домашнее хозяйство в Аду до тех пор, пока отпуск Флоримели не подошел к концу. А потом они расстались без слез, но с явной дружелюбностью.

И Юрген всегда вспоминал Флоримель с самым приятным чувством, но не как жену, с которой он когда-то находился в настоящей близости.

Когда эта прелестная вампирка покинула его, император Юрген, несмотря на всеобщую популярность и уважение к его политическим взглядам, стал в Аду не совсем счастлив.

— В любом случае утешительно, — сказал Юрген, — обнаружить, кто открыл теорию демократического правления. Я долго гадал, кто же выдвинул идею, что лучший способ получить разумное решение по любому умопостижимому вопросу — поставить его на всенародное голосование. Теперь знаю. В общем, черти, наверно, правы в своих доктринах. Несомненно, я не могу зайти так далеко и сказать обратное: но все же, в то же самое время!.. Например, эти нескончаемые попытки насадить демократию во всей вселенной, эти постоянные войны с Раем из-за того, что Рай привязан к тиранической форме автократического правления, были как логичны, так и великодушны и являлись, конечно же, единственным способом гарантировать всеобщий триумф демократии.

Однако все это казалось Юргену весьма несерьезным, поскольку, — как он теперь знал, определенно было что-то и в Небесной системе, способствующей накоплению военной мощи, поэтому Рай обычно и побеждал. Более того, Юрген не мог свыкнуться с фактом, что Ад являлся лишь некоторой идеей его предков, с которой случайно согласился Кощей. Юргена всегда выводили из себя старомодные представления, в частности те, которые осуществлялись на деле, как в случае с Кошеем.

— Что ж, это место показалось мне грубым анахронизмом, — сказал Юрген, задумчиво глядя на огни Хоразмы, — а его методы мучения совестливых людей я не могу не посчитать в самом деле весьма жестокими. Черти простодушны, и у них добрые намерения, что никто и не собирался отрицать, но это все. Здесь местам нужна куда более упрямая и действительно несговорчивая личность...

И это, конечно же, напомнило ему о госпоже Лизе. И вот так мысли Юргена повернулись к совершению мужественного поступка. Он вздохнул и пошел среди чертей, глядя по сторонам и наугад расспрашивая о том отважном дьяволе, который в облике черного господина утащил госпожу Лизу. Но случилось странное происшествие, а именно то, что Юрген нигде не мог найти черного господина, да и ни один из чертей ничего о нем не знал.

— Из рассказанного вами, император Юрген, — сказали они все, — следует, что ваша жена была эзвительна и строптива — из тех женщин, которые верят, что все сделанное ими правильно.

— Это не вера, — говорит Юрген, — у бедняжки была мания.

— Поэтому ей навсегда прегражден вход в Ад.

— Вы рассказываете мне что-то новенькое, — говорит Юрген. — Множество мужей, узнай они об этом, стали бы жить порочно.

— Но общеизвестно, что людей спасает вера. А нет веры сильнее, чем вера злой бабы в свою непогрешимость. Ясно, что ваша жена из тех особ, которых не может вынести никто, кроме ангелов. Мы выводим из этого, что ваша императрица наверняка в Раю.

– В общем, это звучит разумно. Так что я отправляюсь в Рай и, может, там найду справедливость.

– Нам бы хотелось, чтоб вы знали, – рассвирепев, закричали дьяволы, – что у нас в Аду есть все виды справедливости, поскольку наша система правления – просвещенная демократия.

– Несомненно, – говорит Юрген. – При просвещенной демократии есть все виды справедливости. Я и не мечтаю это оспаривать. Но, поймите, у вас нет этой маленькой чумы – моей жены. А именно ее я должен продолжать искать.

– О, как угодно, – сказали они, – пока вы не критикуете крайности военного времени. Но, несомненно, нам жаль, что вы уходите в страну, где погруженный во мрак народ примиряется с автократом, который не был надлежащим образом выбран на свой пост. И зачем вам нужно продолжать поиски местопребывания вашей жены, когда жить в Аду намного приятнее?

Юрген пожал плечами.

– Порой приходится совершать мужественный поступок.

Так бесы, все еще жалея его, рассказали ему, как дойти до границы Рая.

– Но пересечение границы – ваше дело.

– У меня есть заклинание, – сказал Юрген, – и пребывание в Аду научило меня, как им пользоваться.

Затем Юрген, следуя инструкциям, вступил в Меридию и, повернув налево, оказался у большой лужи, где выводили жаб и гадюк. Он миновал туманы Тартара, должным образом остерегаясь безумных молний, и во второй раз повернул налево, – «в поисках Рая всегда подчиняйся велению сердца» – был совет, данный ему чертями, – и вот так, обойдя жилище Иемры, он прошел по мосту над Бездной и одной из Нарак. А Брах, собирающий пошлину на этом мосту, сделал то, о чем бесы заранее предупредили Юргена. Но с этим, конечно же, ничего нельзя было поделать.

Глава XL

Восшествие папы Юргена

История рассказывает, что на Благовещение Юрген подошел к высоким белым стенам, окружавшим Рай. Праотцы Юргена, конечно же, вообразили, что Ад стоит прямо напротив Рая и блаженные могут преумножать свое счастье, взирая на пытки проклятых. В это время из-за парапета райской стены выглядывал какой-то ангелочек.

– Добрый тебе день, прекрасный молодой человек, – говорит Юрген. – О чем же ты думаешь столь напряженно? – Ибо точно так же, как Богач много лет тому назад, Юрген сейчас обнаружил, что человеческий голос совершенно свободно переносится от Ада к Раю.

– Сударь, – отвечает мальчик, – я жалею бедных проклятых.

– Тогда ты наверняка Ориген, – говорит, смеясь, Юрген.

– Нет, сударь, меня зовут Юрген.

– Ого! – говорит Юрген. – Этот Юрген в свое время оказался множеством людей. Так что, возможно, ты говоришь правду.

– Я – Юрген, сын Котта и Азры.

– Ох-хо-хо! Но таковы они все, мой мальчик.

– Тогда я – Юрген, внук Стейнворы, которого она любила больше всех внуков. И я вечно пребываю в Раю вместе со всеми остальными иллюзиями Стейнворы. Но кто вы такой, мессир, что расхаживаете по Аду без подпалин в прекрасной на вид рубашке?

Юрген задумался. Ясно, что хорошо было бы не называть своего настоящего имени и, таким образом, не поднимать вопроса о том, в Раю или в Аду находится Юрген. Затем он вспомнил про заклинание Магистра Филолога, которое дважды применял неправильно. И Юрген откашлялся, посчитав, что сейчас понимает, как надлежащим образом пользоваться заклинанием.

– Вероятно, – говорит Юрген, – мне не следует рассказывать, кто я такой. Но что за жизнь без доверия друг к другу? Кроме того, ты кажешься вполне благоразумным мальчиком. Поэтому я сообщу тебе по секрету, что я – Папа Римский Иоанн Двадцатый, регент Небес на Земле, сейчас посещающий это место по небесным делам, которые я не волен разглашать по причинам, которые молодому человеку твоего необычайного ума сразу же придут в голову.

– Ну и ну, это забавно! Подождите-ка минутку! – крикнул ангелочек.

Его сияющее личико исчезло вместе с каштановыми кудрями. А Юрген внимательно перечел заклинание Магистра Филолога.

– Да, по-моему я нашел способ использовать подобную магию, – замечает он.

Вскоре юный ангел вновь появился у парапета.

– Ну и ну, мессир! Я посмотрел Реестр – всех пап впустили сюда в момент смерти, не расследуя их личные дела, чтоб, знаете, избежать какого-нибудь злополучного скандала, и у нас в списке двадцать три папы Иоанна. И действительно особняк, приготовленный для Иоанна Двадцатого, свободен. Он, кажется, единственный папа, до сих пор не прибывший в Рай.

– Конечно же, – благодушно говорит Юрген, – постольку, поскольку ты видишь меня, бывшего когда-то епископом Римским и слугой слуг Божьих, стоящим здесь, внизу, на куче золы.

– Да, но все другие из вашей команды, похоже, не находят вам места. Иоанн Девятнадцатый сказал, что никогда о вас не слышал и чтоб его не беспокоили посреди урока на арфе.

– Естественно, он умер до моего восшествия на престол.

– ...А Иоанн Двадцать Первый сказал, что, по его мнению, все они каким-то образом сбились со счета

и никогда не было никакого Папы Римского Иоанна Двадцатого. Он говорит, что вы наверняка самозванец.

– Ах, эта профессиональная ревность! – вздохнул Юрген. – Боже мой, это весьма печально и усугубляет скверное представление о человеческой природе. Сейчас, мой мальчик, я честно изложу тебе, как мог быть двадцать первый, если не было двадцатого. И что становится с великим принципом папской непогрешимости, когда папа допускает ошибку в элементарной арифметике. Но позволь заметить, что это очень опасная ересь, предмет Инквизиции и дело коллегии кардиналов! Однако, к счастью, по его собственному утверждению, этот самый Педро Хулиани...

– Так его и зовут, он мне сам сказал! Вы, мессир, очевидно, все об этом знаете, – сказал юный ангел, весьма впечатлившийся разговором.

– Конечно, я все об этом знаю. В общем, повторяю, по его собственному утверждению, этот человек не существует и все, что он говорит, ничего не значит. Он рассказывает тебе, что никогда не было никакого Папы Иоанна Двадцатого: он или лжет, или говорит правду. Если он лжет, тебе, конечно же, не следует ему верить; однако если он говорит правду, что никогда не было никакого Папы Иоанна Двадцатого, тогда, совершенно очевидно, никогда не было и никакого Папы Иоанна Двадцать Первого, так что этот человек подтверждает собственное несуществование; а это бессмыслица, и тебе, конечно же, не следует верить в бессмыслицу. Даже если мы признаем его безумное утверждение, что он – никто, ты, я уверен, слишком хорошо воспитан, чтобы оспаривать то, что в Раю никто не лжет. Из этого следует, что в данном случае никто не врет; и поэтому, конечно же, я наверняка говорю правду, и у тебя нет другого выбора, как только мне поверить.

– Несомненно, это звучит превосходно, – согласился младший Юрген, – хотя вы объясняете все настолько быстро, что за вами немножко трудно уследить.

– Но более, сверх и превыше этого и в качестве осязаемого доказательства непогрешимой обстоятельности каждого слога в моем заявлении, – замечает Юрген-старший, – если ты заглянешь на чердак Рая, то найдешь ту лестницу, по которой я спустился сюда и которую велел отложить до тех пор, пока не буду готов вновь забраться наверх. Я в самом деле уже собирался попросить тебя принести ее, поскольку мои дела здесь завершились удовлетворительным образом.

Мальчик согласился, что слово любого папы, сказанное в Аду или в Раю, не является столь осязаемым доказательством, как лестница, и опять исчез. Юрген, достаточно уверенный в себе, стал ждать.

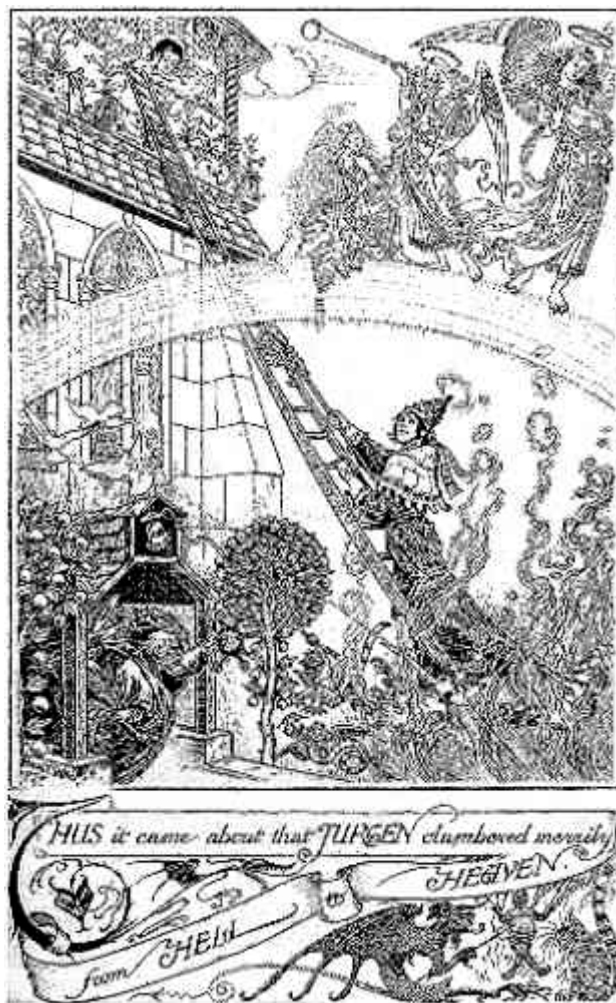
Это был вопрос логики. Лестница Иакова по всем расчетам Юргена являлась слишком ценной, чтобы выбрасывать ее после одноразового использования в Вефиле; и она пришлась бы очень кстати в Судный День. А знание Юргеном характера Лизы позволило ему предположить, что все, хранящееся потому, что когда-нибудь может пригодиться очень кстати, неизбежно кладется на чердак при любом виде хозяйства, вообразимом женщинами.

– А известно, что Рай есть заблуждение старушек. Что ж, это достоверный факт, – сказал Юрген, – просто математически достоверный факт.

И события доказали неоспоримость его логики; ибо вскоре младший Юрген вернулся с Лестницей Иакова, которая была покрыта паутиной и выглядела отвратительно после стольких лет лежания без дела.

– Видите, вы совершенно правы, – сказал Юрген-младший, спуская Лестницу Иакова в Ад. – О, мессир Иоанн, залезайте скорее наверх и разберитесь с тем старикашкой, оклеветавшим вас!

Вот так получилось, что Юрген весело вскарабкался из Ада в Рай по лестнице из проверенного временем золота без всяких примесей. А когда он поднимался, рубаха Несса привлекательно блестела в лучах света, исходящего от Рая. И, пока Юрген лез все выше и выше, из-за этого огромного света над ним тень Юргена неимоверно удлинялась на отвесной белой стене Рая, словно тень сопротивлялась, цепляясь за Ад. Однако вскоре Юрген перепрыгнул через парাপет, и тень тоже перепрыгнула, и вот так его тень появилась вместе с Юргеном в Раю и уныло жалась к ногам Юргена.

«Ну и ну! – думает Юрген. – Конечно же, магия Магистра Филолога неоспорима, если ее правильно использовать. С ее помощью я живым вошел в Рай, что до меня сделали только Енох и Илия. И, более того, если верить этому мальчику, меня ждет один из красивейших особняков Рая. Честно говоря, нельзя просить у волшебника большего. Эх, если б меня сейчас увидела Лиза!»

Это была его первая мысль. Затем Юрген разорвал заклинание и выбросил, как и велел Магистр Филолог. Тут Юрген обернулся к мальчику, что помог ему попасть в Рай.

– Подойди поближе, юноша, дай на тебя хорошенько посмотреть!

И Юрген заговорил с мальчиком, которым когда-то был, и стоял лицом к лицу с тем, кем был и больше уже не будет. И только об одном этом происшествии, случившемся с Юргеном, рассказать у писателя не хватает духу.

Так Юрген оставил мальчика, которым он был когда-то. Но сперва Юрген узнал, что в этом месте проживает его бабушка Стейнвора (которую любил король Смойт), и она счастлива в своем представлении о Рае, и что вокруг нее находятся ее представления о ее детях и внуках. Стейнвора никогда не представляла себе в Раю ни своего мужа, ни короля Смойта.

– Это обстоятельство, – говорит Юрген, – вселяет в меня надежду, что здесь можно найти справедливость. Однако я буду держаться подальше от своей бабушки – той Стейнворы, которую знал и любил и которая любила меня настолько слепо, что этот мальчик и есть ее представление обо мне. Да, из элементарной справедливости по отношению к ней я должен держаться подальше отсюда.

Так он обошел стороной ту часть Рая, в которой находились иллюзии его бабушки, и Юрген посчитал это за праведность. Та часть Рая пахла резедой, и там пел скворец.

Глава XLI

О компромиссах в Раю

Затем Юрген без помех прошел туда, где у стеклянного моря сидел на престоле Бог Юргеновой бабушки. Радуга, сделанная под стать престолу узкой, словно оконная рама, образовывала дугу, внутри которой и сидел Бог. У Его ног горело семь светильников, и четыре замечательных крылатых существа сидело рядом, нежно распевая: «Слава, и честь, и хвала Тому, Кто живет вовеки!» В одной руке Бог держал скипетр, а в другой – большую книгу с семью красными пятнами.

По обе стороны от Бога Юргеновой бабушки стояло еще двенадцать престолов поменьше, образуя два полукруга. На низких престолах сидели добрые на вид старые ангелы с длинными белыми волосами, в венцах и белых одеждах, держа в одной руке арфу, а в другой золотую фляжку емкостью около пинты. И повсюду трепетали и сверкали многоцветными крылами серафимы и херувимы, похожие на увеличенных в размерах попугаев, и они плавно и радостно порхали в золотой дымке, висевшей над Раем, под постоянное звучание приглушенной органной музыки и отдаленного, почти неразличимого пения.

Внезапно взгляд этого Бога встретился со взглядом Юргена, и Юрген стоял таким образом довольно долго; на самом деле еще дольше, чем подозревал.

– Я боюсь Тебя, – сказал наконец Юрген, – и, пожалуй, я люблю Тебя. Но, однако, не могу Тебе верить. Почему Ты не мог позволить мне верить, когда большинство верило? Или иначе: почему Ты не мог позволить мне насмехаться, когда громко насмехались остальные? О Боже, почему Ты не мог позволить мне иметь веру? Ибо Ты не дал мне веру ни во что, даже в ничто. Это несправедливо.

И в высочайшем суде Небес, на виду у всех ангелов, Юрген заплакал.

– Я никогда не был твоим Богом, Юрген.

– Когда-то, очень давно, – сказал Юрген, – у меня была вера в Тебя.

– Нет, ведь, как ты сам видел, тот мальчик здесь со мной. А от него в человеке, являющемся Юргеном сегодня, ничего не осталось.

– Бог моей бабушки! Бог, которого я тоже любил в детстве! – воскликнул затем Юрген. – Почему я отрицаю Бога? Потому что я искал – и нигде не мог найти справедливость, и нигде не мог найти то, чему стоило поклоняться.

– Что ж, Юрген, ты решил искать справедливость – из всех возможных мест – в Раю?

– Нет, – сказал Юрген, – нет, я понимаю, что об этом говорить здесь нельзя. Иначе Ты бы сидел в одиночестве.

– А что касается остального, ты искал своего Бога вне себя, не заглядывая внутрь, а то бы увидел, что поистине почитается в помыслах Юргена. Поступи ты так, ты бы увидел так же отчетливо, как вижу я, что ты способен почитать одного себя. И твой Бог искалечен: на нем толстым слоем лежит пыль твоих странствий; твоё тщеславие, как носовой платок, закрывает ему глаза; а в его сердце нет ни любви, ни ненависти даже к своему единственному почитателю.

– Не насмехайся над ним, Ты, которого почитают так много людей! По крайней мере, он – чудовищно умный малый, – сказал Юрген; он смело сказал это в высочайшем суде Небес перед печальным ликом Бога Юргеновой бабушки.

– Весьма возможно. Мне не встречается так уж много умных малых. А что до Моих бесчисленных почитателей, ты забываешь, как часто ты демонстрировал, что я – старушечье заблуждение.

– А был ли изъян в моей логике?

– Я не слушал тебя, Юрген. Ты должен понять, что логика нас не сильно интересует, поскольку вокруг нет ничего логичного.

И тут четыре крылатых существа прекратили петь, а органная музыка превратилась в некое

отдаленное бормотание. И в Раю наступила тишина. И Бог Юргеновой бабушки какое-то время тоже безмолвствовал, а радуга, под которой Он сидел, сбросила с себя семь цветов и загорелась нестерпимо белым цветом, переходящим по краям в голубой. А Бог обдумывал какие-то важные предметы. Затем в тишине Бог заговорил.

– Несколько лет тому назад (сказал Бог Юргеновой бабушки) Кощею доложили, что по его вселенной распространяется скептицизм, что по ней разгуливает некто, кого не удовлетворяют никакие рациональные объяснения. «Приведите ко мне этого неверующего, – потребовал Кощей, и к нему в пустоту привели согбенную седую женщину в старом сером платке. – Расскажи-ка мне, почему ты не веришь, – сказал Кощей, – в вещи, какие они есть».

Тогда скромная согбенная седая женщина вежливо ответила: «Не знаю, сударь, кем вы можете быть. Но раз уж вы меня спрашиваете, то отвечу вам, что все знают: вещи, какие они есть, нужно рассматривать в качестве временных неприятностей и испытаний, через которые мы по справедливости приговорены пройти для того, чтобы достичь вечной жизни с нашими возлюбленными на небесах».

«О да, – сказал Кощей, сделавший все таким, какое оно есть, – о да, разумеется! А откуда ты об этом узнала?»

«Как же, каждое воскресенье утром священник читал нам проповедь про Небеса и про то, насколько счастливы мы там будем после смерти».

«Значит, эта женщина умерла?» – спросил Кощей.

«Да, сударь, – сказали ему, – на днях. И она не верит ничему, что мы ей объясняем, и требует, чтоб ее доставили в Рай».

«Весьма досадно, – сказал Кощей. – И я не могу, конечно же, смириться с подобным скептицизмом. Этого никогда не будет. Так почему бы вам не отправить ее в этот самый Рай, в который она верит, и тем положить делу конец?»

«Но, сударь, – сказали ему, – такого места нет».

Тогда Кощей задумался. «Конечно, странно, что такое несуществующее место является предметом публичного знания в другом месте. Откуда эта женщина?»

«С Земли», – сказали ему.

«Где это?» – спросил он, и ему, как могли, объяснили.

«О да, вон там, – перебил Кощей, – помню. Ну... а как ее зовут, эту женщину, желающую попасть в Рай?»

«Стейнвора, сударь. И, с Вашего позволения, я спешу к своим детям. Понимаете, я их очень долго не видела».

«Но подождите, – сказал Кощей. – Что это появляется в глазах у женщины, когда она говорит о детях?»

Ему сказали, что это любовь.

«Разве я сотворил эту любовь?» – поинтересовался Кощей, который создал все таким, какое оно есть. И ему сказали – нет; и объяснили, что существует множество разновидностей любви, но этот особый вид является иллюзией, которую выдумали женщины для самих себя и которую они выставляют напоказ во всех отношениях со своими детьми. И Кощей вздохнул.

«Расскажи мне о своих детях, – попросил Стейнвору Кощей, – и смотри на меня, когда будешь говорить, чтоб я видел твои глаза».

И Стейнвора рассказала о детях, а Кощей, создавший все на свете, слушал очень внимательно. Рассказала она ему о Котте, своем единственном сыне, признавшись, что Котт был прекраснейшим из когда-либо живших мальчиков, – «сперва немного буйный, сударь, но потом, вы знаете, какие они мальчишки», – и рассказала, насколько хорош был Котт в коммерции и как он даже приобрел вес в обществе, став ольдерменом. Кощей, создавший все на свете, казался надлежащим образом

впечатленным. Затем Стейнвора заговорила о дочерях – Империи, Линдамире и Кристине: о красоте Империи, о стойкости Линдамиры при неудачном браке и о величайших способностях Кристины в ведении домашнего хозяйства. «Прекрасные женщины, сударь, каждая из них, вместе со своими детьми! А для меня они по-прежнему кажутся маленькими девочками, благослови их Господь!» И скромная согбенная седая женщина рассмеялась. «В детях мое счастье, сударь, и во внуках тоже, – сказала она Кощею. – У меня есть Юрген, мальчик моего Котта! Вы не поверите, сударь, но я должна вам рассказать одну историю про Юргена...» Так она продолжала, довольная и гордая, а Кощей, создавший все на свете, слушал и наблюдал за глазами Стейнворы.

Затем Кощей спросил у своих служивых: «Таковы ли эти дети и внуки, как она сообщает?»

«Нет, сударь», – сказали ему служивые.

Так, пока Стейнвора говорила, Кощей выдумывал иллюзии в соответствии с тем, что сказала Стейнвора, и сотворил таких детей и внуков, каких она описала. Он сотворил их позади Стейнворы, и все они были прекрасны и безупречны. И Кощей оживил эти иллюзии.

Затем Кощей велел ей обернуться. Она повиновалась, и Кощей тут же был забыт.

Кощей сидел один в пустоте, на вид смущенный и не очень счастливый, барабанил пальцами по колену и уставившись на согбенную седую женщину, занятую своими детьми и внуками и забывшую о нем. «Но наверняка, Линдамира, – слышит он голос Стейнворы, – мы еще не в Раю». – «Ах, моя милая мама, – отвечает иллюзия Линдамиры, – быть вновь с тобой и есть Рай. И, кроме того, в конце концов, возможно, Рай такой и есть». – «Мое дорогое дитя, с твоей стороны очень мило так говорить, и эти слова весьма похожи на тебя. Но ты отлично знаешь, что Рай полностью описан в Книге Откровений – в Библии и Рай – это чудесное место. Тогда как, ты сама видишь, вокруг нас вообще нет ничего и никого, за исключением того очень вежливого господина, с которым я только что разговаривала и который, между нами говоря, кажется страшно неосведомленным в самых заурядных вопросах».

«Принесите мне Землю», – говорит Кощей. Это было исполнено, и Кощей осмотрел планету и нашел Библию. Кощей открыл Библию и прочитал Откровение Иоанна Богослова, пока Стейнвора беседовала со своими иллюзиями. «Понятно, – сказал Кощей. – Идея слегка аляповатая. И все же!..» Он положил на место Библию и велел также и Землю поставить на старое место, ибо Кощей не любил, когда что-то пропадает. Затем Кощей улыбнулся и сотворил Рай вокруг Стейнворы и ее иллюзий, и он создал Рай точно таким, какой описан в книге.

– Вот так, Юрген, все и произошло, – закончил Бог Юргеновой бабушки. – И в то время Кощей сотворил и Меня вместе с серафимами, святыми и всеми блаженными – такими, какими ты нас видишь. И, конечно же, он заставил нас находиться здесь всегда, с начала времени, потому что это тоже было в книге.

– Но как это можно было сделать? – спрашивает Юрген, морща лоб. – И каким образом Кощей мог так жонглировать временем?

– Откуда я знаю, ведь я лишь старушечья иллюзия, как ты часто доказывал логически. Хватит и того, что все, желаемое Кошеем, не только происходит, но и уже произошло за пределами древнейших воспоминаний человека и его матери. Разве иначе он был бы Кошеем?

– И все это, – добродетельно сказал Юрген, – ради женщины, которая даже не была верна мужу!

– Весьма возможно! – сказал Бог. – В любом случае, это сделано ради женщины, которая любила. Кощей сделает почти все, чтобы угодить любви, так как любовь – одна из двух вещей, недоступных Кошеему.

– Я слышал, что Кошеем недоступна гордость... Бог Юргеновой бабушки поднял седые брови.

– Что такое гордость? Не думаю, что слышал об этом раньше. Наверняка нечто, не входящее сюда.

– Но почему любовь недоступна Кошеему?

– Потому что Кощей создал все таким, какое оно есть, и денно и нощно он созерцает все таким, какое оно есть. Как же Кощей может что-либо любить?

Но Юрген покачал своей головой с прилизанными черными волосами.

– Вообще ничего не понятно. Если б меня посадили в темницу, в которой не было бы ничего, кроме моих стихов, я не был бы счастлив и, определенно, не был бы горд. Но даже при этом я бы любил свои стихи. Боюсь, что охотнее соглашусь с идеями Дедушки Сатаны, нежели с Твоими. И, не перечая Тебе, не могу не удивляться: неужели то, что Ты открыл, – правда?!

– А откуда я узнаю, правду я говорю или нет? – спросил его Бог. – Ведь я лишь старушечья иллюзия, что ты часто доказывал логически.

– Ну и ну! – сказал Юрген. – Возможно, Ты во всем прав, и, несомненно, я не могу позволить себе сказать обратное. Но все же, в то же самое время!.. Нет, даже сейчас я не вполне верю в Тебя.

– Кто мог ожидать такого от умного малого, видящего насквозь старушечьи иллюзии? – спросил Бог немного устало.

А Юрген ответил:

– Бог моей бабушки, я не могу полностью верить в Тебя, а Твои деяния, как они записаны, нахожу непоследовательными и слегка чужаковатыми. Но я рад, что дело обернулось так, что Ты теперь всегда можешь быть реальным для прекрасных и кротких людей, почитающих, любящих и верящих в Тебя. Разочаровать их было бы несправедливо. И правильно, что перед лицом веры в Тебя даже Кощей, создавший все таким, какое оно есть, не в силах быть благоразумным...

...Бог моей бабушки, я не могу полностью верить в Тебя, но, вспоминая, сколько любви и веры отдано Тебе, я трепещу. Я думаю о славных людях, чья жизнь была полна надежды и радости благодаря вере в Тебя. Я думаю о них, и в моем сердце борются раскаяние, тоска и зависть, но все это скрашено легким изумлением. О Господи, никогда не существовало другого Божества, которого почитали бы такие славные люди, и Ты должен ими гордиться...

...Бог моей бабушки, я не могу полностью верить в Тебя, однако я не из тех, кто смотрит рассудочно на Тебя. Я, Юрген, вижу Тебя сквозь пелену слез. Ибо Ты был любим теми, кого я давным-давно очень сильно любил. И когда я гляжу на Тебя, то вспоминаю почитавших Тебя и славных верующих старины. И мне кажется, что даты, манускрипты и мнения ученых мужей – безделушки рядом с тем, что я вспоминаю и чему завидую!

– Кто бы мог подумать, что такой чудовищно умный малый станет завидовать старушечьим иллюзиям? – вновь спросил Бог Юргеновой бабушки, однако внешне он не казался недружелюбным.

– Но, – вдруг сказал Юрген, – моя бабушка – некоторым образом – была права относительно Рая и Тебя. Ты, похоже, существуешь и царствуешь точно в таких владениях, какие она и описывала. И однако, согласно Твоему последнему откровению, я тоже прав – некоторым образом – относительно того, что это старушечьи заблуждения. Я гадаю...

– Да, Юрген?

– Я гадаю, верно ли все это. Я гадаю, самая ли это большая тайна из всех. Это было бы неплохое решение, сударь, – задумчиво сказал Юрген.

Бог улыбнулся. Затем внезапно эта часть Рая оказалась пуста, за исключением стоявшего в одиночестве Юргена. А перед ним находился престол исчезнувшего Бога и Его скипетр, и Юрген увидел, что семь пятен на огромной книге – из красного сургуча.

Юрген испугался, но его отчасти страшило осознание того, что он не дрогнет.

– Что ж, ты, бывший герцогом, принцем, королем, императором и папой! Разве такие титулы удовлетворяют Юргена? Ни в коей мере, – сказал Юрген.

И Юрген взошел на Небесный престол и сел под той чудесной радугой: у него на коленях лежала книга, а в руке он держал скипетр Бога своей бабушки.

Юрген сидел так довольно долго, рассматривая светлые, пустые пространства Рая.

– И что ты теперь будешь делать? – спросил Юрген вслух. – О, капризный маленький Юрген, ты, который жаловался, когда не выполнялись твои желания, ты обладаешь властью над Землей и всеми людскими делами. Каково теперь твое желание? – И, сидя вот так на престоле, Юрген ощутил, что сердце у

него словно налилось свинцом, и он почувствовал себя старым и очень уставшим. – Не знаю. О, ничто мне не поможет, Потому что я не знаю, чего хочу! И от этой книги, этого скипетра и этого престола мне вообще нет никакой пользы, и от всего прочего мне нет никакой пользы, ибо я – Юрген, ищущий сам не знаю что.

Юрген пожал плечами, слез с престола Бога и, бредя наугад, вскоре повстречал четырех архангелов. Они сидели на кудрявом облаке и пили молоко из суповых чашек. И у этих лучезарных существ Юрген спросил кратчайшую дорогу из Раю.

– Здесь нет ни одной моей иллюзии, – сказал Юрген, – и мне нужно сейчас же вернуться к таким иллюзиям, которые близки мне по духу. Нужно во что-то верить. А всем, увиденным в Раю, я восхищался и этому завидовал, но не мог бы поверить ни в одну из этих вещей и ни одна из них не могла бы меня удовлетворить. И, думая об этом, я гадаю, не сообщите ли вы мне, господа, какие-нибудь сведения о той Лизе, что была моей женой.

Юрген обрисовал внешность Лизы, и архангелы посмотрели на него с сочувствием.

Он с грустью узнал, что эти архангелы никогда не слышали о Лизе, а они уверили его, что такой особы в Раю не было. Стейнвора умерла, когда Юрген был еще мальчиком, так что она никогда не видела Лизу и, следовательно, так или иначе не думала о Лизе, когда обрисовывала свои представления Кощею, создавшему все таким, какое оно есть.

Тут Юрген также открыл для себя, что, когда его взгляд впервые встретился со взглядом Бога его бабушки, Юрген стоял неподвижно в течение тридцати семи дней, забыв обо всем, кроме того, что Бог его бабушки есть любовь.

– Никто еще по своей охоте не отворачивался от Него так быстро, – сказал ему Захариил, – и мы думаем, что ваша нечувствительность обусловлена некоей злокачественностью блестящего одеяния, которое вы носите и подобного которому в Раю никогда не видели.

– Я лишь искал справедливость, – сказал Юрген, – и не мог найти ее в глазах вашего Бога, а нашел лишь любовь и всепрощение, которое меня даже встревожило.

– Этому вы должны радоваться, – сказали четыре архангела, – и так должны радоваться все живущие. А особенно должны радоваться мы, обитающие в Раю, и ежечасно возносить хвалу нашему Господу Богу, пренебрегшему справедливостью, благодаря чему нам разрешено войти в это место.

Глава XLII

Ежечасно тревожимые двенадцать

В канун Вальпургиевой ночи, когда случается более чем невероятное, Юрген поспешно вышел из Рая, не найдя и не потеряв там какой бы то ни было любви. Святой Петр отворил ему не главный вход, а маленькую потайную дверь с бесчисленными барельефами рыб, потому что этот выход вел непосредственно в то место, которое представишь по своему выбору.

– Таким образом, – сказал Святой Петр, – ты можешь вернуться, не теряя времени, к собственным иллюзиям.

– Обычно по сентиментальным соображениям я носил на шее крест, – сказал Юрген, – поскольку тот когда-то принадлежал моей покойной матери. Ни одна женщина никогда не любила меня, кроме Азры, которая была моей матерью...

– Интересно, неужели тебе об этом рассказала твоя мать? – спросил Святой Петр, улыбаясь каким-то своим воспоминаниям. – Моя же говорила об этом то и дело. И порой меня интересовало... Как ты помнишь, я был женатым человеком, Юрген, и моя жена не вполне меня понимала, – сказал со вздохом Святой Петр.

– На самом деле, – сказал Юрген, – мой случай не так уж непохож на твой. И чем чаще я женюсь, тем меньше я нахожу понимания. Мне нужно было проявить больше сочувствия к королю Смойту, несомненно являющемуся моим дедушкой. Представляешь, Святой Петр, другие женщины доверяли мне более или менее, потому что любили некоего призрачного Юргена. Но Азра мне вообще не доверяла, потому что любила меня всем сердцем. Она понимала Юргена и вместе с тем любила его, хотя лично я, со всем своим умом, ничего подобного не могу. Тем не менее, для того, чтобы совершить мужественный поступок, чтобы доставить женщине удовольствие... и к тому же замужней женщине!.. Я выкинул золотой крестик – все, что осталось мне от матери. И с тех пор, Святой Петр, сентиментальные иллюзии меня всячески избегают. Поэтому я оставляю Рай, чтоб найти свой крест.

– Сомневаюсь, что из совершенного раньше, Юрген, вышел хоть какой-то толк.

– Ого, а разве это не привело к вечной славе первого и величайшего из римских пап? Мне кажется, сударь, что или у вас короткая память, или вам не хватает чувства благодарности, и меня так и подмывает прокукарекать вам прямо в лицо.

– Сейчас, Юрген, ты говоришь, словно херувим, а тебе следует поучиться манерам получше. Ты предполагаешь, что мы, апостолы, получаем наслаждение, слыша анекдоты про Церковь?

– В общем, правда. Святой Петр, вы основали Церковь...

– Вот ты опять! Именно это вечно твердят нам покровители-серафимы и проказники-херувимы. Понимаешь, мы, двенадцать, сидим вместе на Небесах, каждый на своем белом престоле, и видим все происходящее на Земле. С нашей позиции не проигнорируешь рост и деяния того, что ты мог бы неточно назвать христианством. И порой от увиденного нам весьма неуютно, Юрген. Особенно когда порой пропорхнет какой-нибудь херувим с ухмылкой до ушей и хихикнет: «Ведь вы же это начали». А мы, правда, начали, и никоим образом я не могу этого отрицать. Однако в действительности мы никогда и не предвкушали чего-либо подобного, и несправедливо дразнить нас.

– На самом деле, Святой Петр, как я сейчас думаю, вам следовало бы нести ответственность за то малое, что сказано или сделано в тени шпиля. Ибо, насколько я помню, вы, двенадцать, пытались обратить мир к учению Иисуса, а благие намерения следует уважать, хоть они и могут причудливо вывернуться наизнанку.

Такое сочувствие канонический святой явно оценил, так как заговорил более доверительно. Он задумчиво погладил длинную седую бороду, а затем с негодованием сказал:

– Если б только они не обращались с нами панибратски, мы могли бы это выдержать. А так мы веками

чувствуем себя, как идиоты. Для меня, конечно, особенно затруднительно стоять на проходной: чтобы превзойти все на свете, Юрген, эти негодяи умирают и приходят в Рай, наглые, как воробьи, ожидая, что я их впусти! Они приходят ко мне, ухмыляясь – после пыток людей на дыбе, после аутодафе, резни, избиений, патриотических проповедей и священных войн – после разнообразнейшей мерзости. И их миллионы миллионов, Юрген. Нет такой жестокости или глупости, что не приходила бы ко мне за восхвалением, и нет такой разновидности преступных идиотов, что не предъявляла бы прав на дружбу со мной, который был апостолом и порядочным человеком. Юрген, ты не поверишь, но всего лишь на прошлой неделе ко мне пришел один известный епископ, ожидая, что я его пропущу, – когда у меня в руках был переписанный начисто полный перечень его деяний в пользу умеренности и трезвости!

Тут Юрген удивился.

– Но умеренность, несомненно, добродетель, Святой Петр.

– Но его представления об умеренности! А его гнусный бред мне прямо в лицо, словно он говорит в какой-нибудь церкви! Подлиза и богохульник! Он, брызжа слюной мне прямо в лицо, выдал опровержение первого из чудес моего Учителя и последнего предписания нам, двенадцати, говоря, что вино-де не забродило! Послушай, Юрген, он сказал это мне! Мне, который пил то благородное вино в Кане и, равным образом, то выдержанное вино, которое было у нас в той комнатке на верхнем этаже в Иерусалиме, когда близился суд и Учитель хотел, чтобы мы показали себя с лучшей стороны! И этот деятельный негодяй спорил со мной, который с тех пор попробовал того невообразимого вина, обещанного нам Учителем в Его царстве! И убеждал, досаждая мне, вопреки всем моим воспоминаниям, что мой Учитель, который был человеком среди людей, питался такими же жидкими помоями, которыми вскормлен этот мелочный скандалист и негодник!

– Но на самом деле, Святой Петр, бесспорно, что вином зачастую злоупотребляют.

– Так он мне и сообщил, Юрген. А я сказал ему на это, что он бы запретил и производство епископов по причинам, которые он обнаружит в зеркале; и что, помня случившееся на Голгофе, он бы упек в тюрьму всех торговцев пиломатериалами. Так что его увели, не перестававшего подлизываться, – уныло сказал Петр. – Когда я его слушал еще раз, он страдал, что у него есть кто-то, избранный на мое место: но это лишь по старой привычке.

– Однако, мне кажется, там, внизу, я не сталкивался с подобным епископом.

– В Аду твоих отцов? О, нет. У твоих отцов были добрые намерения, но их представления ограничены. Нет, у нас есть совершенно другой вечный дом для таких богохульников – в одном месте, оборудованном еще давным-давно, когда нужда заставила устроить место для усердных церковников.

– И кто же избрал такое место, Святой Петр?

– В качестве особой любезности нам, двенадцати, – которым приписывается начало и опека таких мерзостей, было разрешено спроектировать и обставить это место. И, конечно же, мы поставили заведовать им нашего бывшего брата Иуду. Он казался подходящей кандидатурой. Равным образом мы установили над этим местом особую крышу, наилучшее подражание Крыше Войны, какое мы только могли выдумать, чтобы ни один из этих ухмыляющихся херувимов не видел, какое длительное возмездие мы, двенадцать, основавших христианство, придумали для этих богохульников.

– Без сомнения, это мудро.

– Будь по-нашему, такая же крыша всегда бы находилась и над Землей. Этот сумасшедший подлиза оставил множество себе подобных, кричащих до посинения у церквей, названных в честь нас, двенадцати, и на кафедрах церквей, названных в честь нас, – а это нас беспокоит. Они, брызжа слюной, излагают доктрину Махаунда, но ни одной доктрины, которые мы проповедовали или слышали. И они должны честно сказать об этом, вместо того чтобы клеветать на нас, бывших апостолами и порядочными людьми. Но получается так, что эти мошенники позволяют себе вольности по отношению к нашим именам, а херувимы следят за их ужимками и подшучивают над нами. Так что не очень-то большое удовольствие быть святым апостолом на Небесах, Юрген, хотя когда-то мы, двенадцать, были вполне счастливы. – И Петр вздохнул.

– Я не понял одного, сударь. Вы только что говорили о Крыше Войны. Что это?

– Это каменная крыша, сделанная из двух скрижалей, врученных на Синае, которые Бог прилаживает над Землей, когда люди идут воевать. Он – милосерден, и здесь многие из нас помнят, что когда-то были людьми. Так что, когда люди идут воевать, Бог отгораживается от того, что они делают, поскольку Богу хочется быть по отношению к ним милосердным.

– Она же, однако, должна препятствовать восхождению всех молитв, творимых в военное время.

– Конечно, это вторичное назначение крыши, – ответил Святой Петр. – Чего ты еще ожидаешь, когда глумятся над словами Учителя? Хотя слухи почему-то просачиваются, ужасно нелепые слухи. Например, я в самом деле слышал, что в военное время к Господу Богу возносятся молитвы, чтобы он поддержал своих любимцев и принял участие в убийстве. Не то, – торопливо сказал добрый Святой, – чтобы я верил, что на такое богохульство способен хотя бы епископ-христианин. Я просто хочу показать тебе, Юрген, какие безумные истории тут распространяются. Все же, я помню, тогда в Каппадокии... – И тут Святой Петр хлопнул себя по бедру. – Но не заставишь же ты меня вечно тут стоять и сплетничать, Юрген, когда души уже выстроились в очередь у главного входа, словно муравьи, облепившие патоку? Давай уходи из Рая, Юрген, в любое место, которое, по твоим представлениям, восстановит для тебя твои собственные иллюзии! А мне позволь вернуться к своим обязанностям.

– Тогда, Святой Петр, я представляю себе Амнеранскую Пустошь, где я выкинул последний материнский подарок.

– Вот Амнеранская Пустошь, – сказал Святой Петр, выталкивая Юргена в маленькую потайную дверь, покрытую барельефами рыб.

И Юрген увидел, что Святой говорил правду.

Глава XLIII

Позы перед тенью

Итак, Юрген вновь стоял посреди Амнеранской Пустоши. И вновь был канун Вальпургиевой ночи, когда случается более чем невероятное. Яркая луна находилась еще низко, и тень Юргена была длинной и узкой. А Юрген искал золотой крест, который носил по сентиментальным мотивам, но не мог его найти, чтобы снова надеть. Но, пока он тщетно искал его, он нашел в великом множестве кусты барбариса и шипы на них. Все время, в течение которого он искал крест, рубаха Несса блестела в лунном свете, и тень Юргена тянулась по земле, длинная и узкая, и передразнивала каждое движение, совершаемое Юргеном. И, как всегда, это была тень худой женщины, голова у которой обмотана полотенцем.

Юрген посмотрел на тень, и она вызвала у него отвращение.

— О, Матушка Середа! — воскликнул Юрген. — Целый год твоя тень ходит за мной по пятам. Много стран мы посетили, и много достопримечательностей мы видели. И под конец все, сделанное нами, есть лишь рассказанная история. И эта история не играет никакой роли. Так что я стою там, где стоял в начале своего зашедшего в тупик путешествия. Твой подарок ничем мне не помог, и мне наплевать, молод я или стар. И я потерял все, что оставалось у меня от матери и материнской любви, и я предал материнскую гордость, и я устал.

Тут на земле послышался тихий шепот, словно там шелестела палая листва. И шепот стал громче (поскольку то был канун Вальпургиевой ночи, когда случается более чем невероятное), и шепот превратился в призрак некоего голоса.

— Ты очень хитро льстил мне, Юрген, ибо ты чудовищно умный малый. — Вот что сухо сказал голос.

– Огромное число людей могли бы сказать это с полным правом, – заявил Юрген, – однако я догадываюсь, кто это говорит. Что касается лести, крестная, то в Глатионе я лишь шутил. По сути, я старался объяснить именно это в тот миг, когда заметил, что твоя тень, по-видимому, интересуется моими праздными замечаниями и записывает их в блокнот. О нет, могу тебя уверить, я торговал совершенно законно и вел дела повсюду честно. Что касается остального, я действительно очень умен. С моей стороны было бы глупо это отрицать.

– Тщеславный глупец! – сказал голос Матушки Середы.

Юрген же ответил:

– Возможно, я тщеславен. Но я несомненно умен. А более несомненный факт состоит в том, что я устал. Посмотри, я по всему свету занимался любовными похождениями в мишуре и блесках взятой взаймы молодости. И я рискнул побывать в краях, не посещаемых другими людьми, играя в чувства с женщинами и приводя в движение государственные механизмы. И я упал в Ад и взошел в Рай, и я втихомолку залез на место Самого Господа Бога, и нигде я не нашел того, чего желал. Даже сейчас не знаю я, в чем состоит мое желание. Но знаю, что мне нельзя снова стать молодым, кем бы я ни показался остальным.

– На самом деле, Юрген, молодость ушла из твоего сердца за пределы досягаемости Леших. И самым кратчайшим путем ты можешь вновь обрести молодость, ведя себя, как ребенок.

– Крестная, но обуздай же свои инстинкты и все прочее и говори со мной более откровенно! Милостивая государыня, между нами не должно быть тайн. На Левке, как сообщали, ты была Кибелой, великой Рее Деа, владычицей всего осязаемого. На Кокаине о тебе говорили как об Асред. А в Камельяре Мерлин назвал тебя Адерес, темной Матерью Малых Богов. Но у тебя дома, в лесу, где я впервые имел честь с тобой познакомиться, крестная, ты сказала мне, что ты – Середа, все обесцвечивающая и управляющая всеми средами. Теперь эти загадки меня бесят, и я желаю, чтобы ты открыла мне, кто ты такая.

– Возможно, я – они все. Между тем я отбеливаю и рано или поздно выбелю все. Возможно, однажды, Юрген, я даже обесцвечу твое дурацкое понятие о самом себе.

– Да, да! Но только между нами, крестная, не твоя ли тень мешает мне разделить полностью соответствующее чувство, можно сказать, дух случая, и крадет из моей жизни ту «изюминку», которую другие явно находят? Ты же знаешь, что это так! А что касается меня, крестная, я люблю шутку так же, как любой из живущих на свете людей, но предпочитаю, чтоб она была вразумительна.

– Позволь, я скажу тебе кое-что по-простому, Юрген! – Невидимая Матушка Середа откашлялась и заговорила с явным возмущением.

* * *

– Крестная, извини меня за откровенность, но я не думаю, что очень тактично говорить о подобном, и уж конечно не с такой прямоотой. Однако, опуская рассмотрение проблем щепетильности, давай вернемся к моему изначальному вопросу. Ты дала мне молодость и все, относящееся к молодости. И вместе с ней дала, по-своему шутиливо, – что никто так от души не оценит, как я, – тень, воспроизводящую все не совсем достоверно, которой нельзя полностью доверять и с которой нельзя встретиться открыто. Теперь – как ты, надеюсь, понимаешь – я распознал эту шутку и ни на миг не отрицаю, что это шедевр юмора. Но, в конце концов, в чем ее суть? В чем смысл?

– Возможно, нигде нет никакого смысла. Мог бы ты посмотреть в лицо такому истолкованию, Юрген?

– Нет, – сказал Юрген. – Я смотрел в лицо богу и дьяволу, но этому смотреть в лицо не стану.

– И я, имеющая так много имен, не стала бы. Ты шутил со мной. А я шучу с тобой. Вероятно, Кощей шутит со всеми нами. А он, без сомнения, – даже Кощей, создавший все таким, какое оно есть, – в свою очередь, предмет насмешек и каких-то более крупных шуток.

– Он, определенно, может им быть, – сказал Юрген, – однако с другой стороны....

– Об этом я ничего не знаю. Откуда? Но, по-моему, все мы принимаем участие в движении, перемещении и обдуманном использовании вещей, принадлежащих Кощею, – таком использовании, которого мы не постигаем и не способны постичь.

– Возможно, – сказал Юрген, – но тем не менее!..

– Наподобие шахматной доски, на которой фигуры двигаются по-разному: кони скачут вбок, слоны ходят по косой, ладьи наступают по прямой, а пешки с трудом ковыляют с клетки на клетку – каждая по воле играющего. Нет видимого порядка, для стороннего наблюдателя – полная неразбериха. Но для игрока в положении фигур имеется некий смысл.

– Не отрицаю этого. И все же нужно допустить...

– И, по-моему, происходит так, словно у каждой фигуры, даже у пешек, собственная шахматная доска, которая движется, когда движется фигура, и на которой она передвигает фигуры сообразно своей воле в тот самый момент, когда волей-неволей передвигается сама.

– Может, ты и права. Но даже при этом...

– А Кощей, направляющий это бесконечное движение марионеток, вполне может быть бесполезным, разоренным королем в какой-то более крупной игре.

– Несомненно, я не могу тебе возразить. Но в то же самое время!

– Так это перекрестное многократное движение доходит до того предела, где его еще может ухватить мысль; а за этим пределом движение продолжается и дальше. Все движется. Все движется непостижимо и под звуки смеха. Ибо все движется в соответствии с высшей силой, понимающей смысл движения. И каждый двигает перед собой фигуры в соответствии со своими способностями. Так что игра бесконечна и беспощадна. А где-то над головой веселятся, но это очень-очень высоко.

– Никто с большей охотой не признает привлекательности этих образов, Матушка Середа. Но у меня от них болит голова. Более того, в шахматы играют два человека, а твоя гипотеза никого не снабдила соперником. В заключение самое главное: откуда ты знаешь, что в твоих пышных образах есть хоть слово правды?

– Откуда кто-либо из нас может что-то знать? И кто такой Юрген, что его знание или незнание должно для кого-то играть какую-то роль?

Юрген хлопнул в ладоши.

– Ха, Матушка Середа! – сказал он. – Тут-то ты и попалась. Именно этот проклятый вопрос твоя тень нашептывала мне с самого начала нашего путешествия. С тобой покончено. У меня больше не будет твоих подарков, что приобретены ценой такого нашептывания. Я решаю впредь быть таким, как другие, и безоговорочно верить в собственную важность.

– Но есть ли у тебя повод упрекать меня? Я вернула тебе молодость. А когда, после завершения той искомой среды, которую я тебе одолжила, ты стал читать поучения графине Доротее, я была польщена, поскольку нашла столь целомудренного человека. И поэтому продлила действие своего дара – твою молодость.

– Ах, да! – воскликнул Юрген. – Вот оно как! Ты была польщена – как раз вовремя – моими добродетельными поучениями женщине, искушавшей меня. Да, разумеется. Ну-ну! Знаешь, это весьма радует.

– Тем не менее, твое целомудрие, хотя и довольно необычное, оказалось бесплодной добродетелью. Что ты сделал с годом молодости? Все, что любой мужчина сорока с лишним лет делал с привычными сожалениями, ты сделал снова, только быстрее, уместив глупости четверти века в протяженность одного года. Ты искал плотских наслаждений. Ты шутил. Ты задавал множество праздных вопросов. И ты во всем сомневался, включая самого Юргена. Несмотря на свои воспоминания, несмотря на то, что ты, вероятно, считал искренним раскаянием, ты сделал из второй молодости ничто. Все, о чем сожалеет любой мужчина сорока с лишним лет, ты повторил заново.

– Да, неопровержимо, что я опять женился, – сказал Юрген. – На самом деле, если подумать, были

Анайтида, Хлорида и Флоримель, так что за год я женился трижды. Но ты должна помнить, что в основном я – жертва наследственности, так как, не посоветовавшись со мной, Смойт Глатионский увековечил во мне черты своего характера.

– Я не осуждаю твои женитьбы, так как каждая соответствовала обычаям данной страны. Закон всегда нужно уважать, а супруг – почетное положение, и во всех краях оно оказывает остепеняющее влияние. Правда, моя тень доложила еще о нескольких любовных делишках...

– О, крестная, что ты такое говоришь?

– Еще были некие Иоланта и Гиневра, – казалось, голос Матушки Середы читает по записке, – и Сильвия, являющаяся твоей сводной бабушкой, и Стелла, являющаяся йогиней, чем бы это ни было: и Филлис, и Долорес, являющиеся царицами Ада и Филистии соответственно. Более того, ты посетил царицу Псевдополя при обстоятельствах, которые могли бы неблагоприятно быть восприняты ее мужем. О да, ты совершал глупости с разнообразнейшими женщинами.

– Глупости, может быть, но не преступления, даже не проступки. Послушай, Матушка Середа, доложила ли твоя тень за весь год хоть об одном примере дурного отношения к женщине? – твердо спросил Юрген.

– Нет, милоч, что я с радостью признаю. Самое худшее из доложенного касается случавшейся порой более или менее подозрительной услуги, когда ты выключал свет. А тени, конечно же, не могут существовать в абсолютной темноте.

– Понимаешь теперь, – сказал Юрген, что значит быть осторожным! Я имею в виду осторожность, избегающую даже видимости зла. У какого еще мужчины двадцати одного года ты можешь найти такое воздержание? И ты еще ворчишь!

– Я не жалею, потому что ты жил целомудренно. Это мне льстит, и это единственная причина, почему ты продержался так долго.

– О, крестная, что ты такое говоришь?

– Да, милоч, согреси ты хоть раз с женщиной в данной тебе молодости, ты был бы немедленно наказан, и весьма сурово. Ибо я всегда свято верила в целомудрие и в прежние времена обычно обеспечивала целомудренность своих жрецов единственно надежным способом.

– По совести говоря, я это заметил, когда ты проезжала по Левке.

– И снова и снова меня сердили доклады моей тени, и я уже собиралась наказать тебя, мой милоч, но всякий раз вспоминала, что ты постишься ради редчайшей из всех человеческих добродетелей и что моя тень не докладывала о какой-либо распущенности в твоих отношениях с женщинами. И, признаюсь, это меня радовало, и я давала событиям продлиться еще немного. Но это бессмысленное занятие, милоч, потому что из молодости, которую я тебе вернула, ты сделал ничто. И имей ты тысячу жизней, итог был бы тот же самый.

– Тем не менее, я – чудовищно умный малый, – Юрген хихикнул.

– На самом деле, ты – плут, и твоя жизнь, не считая той прекрасной песни, что ты сочинил про меня, пустая трата времени.

– Ах, если уж ты об этом, был еще некий загорелый человек в Друидском лесу, показавший мне в прошедшем июне одно очень любопытное зрелище. И я не в силах забыть показанное им, что бы ты ни говорила и что бы я ему ни говорил.

– Ты видел это и множество других любопытных зрелищ, но ничего не сделал – в повторной, данной тебе мной, молодости. И поэтому моя тень была раздражена тем, что, обнаруживая такую уйму бесполезно разбазаренного времени, я не отобрала данную тебе мной молодость, – что я не прочь сделать даже сейчас, предупреждаю тебя, милоч, потому что с тобой действительно нельзя мириться. Но я держала тебя из-за докладов моей тени о твоём воздержании, являющемся добродетелью, которую мы, Лешие, особо чтим.

Тут Юрген задумался.

– А? Значит, в твоих силах вновь сделать меня старым, или, скорее, превосходно сохранившимся мужчиной сорока с лишним лет, или, скажем, тридцати девяти по календарному времени, но отнюдь не с виду? Такие угрозы легко произносить. Но откуда я могу знать, что ты говоришь правду?

– Откуда кто-либо из нас может что-то знать? И кто такой Юрген, что его знание или незнание должно для кого-то играть какую-то роль?

– Ах, крестная, ты все еще это бормочешь! Забудь, что ты женщина, и стань благоразумна! Ты используешь прекрасную и древнюю привилегию родства, ругая меня, и все это – несмотря на очевидный факт: я получил от тебя то, чего ни один человек прежде не получал. Говори, что хочешь, но я – чудовищно умный малый, ибо уже выклянул у тебя год молодости, во время которого не построил и не обокрал ни одной церкви, но в целом приятно провел время. Ты можешь, ропща, произносить банальности, угрозы, аксиомы и что угодно еще, приглянувшееся тебе. Остается же факт, что я получил то, что хотел. Да, я очень тонко выклянул у тебя вечную молодость. Конечно же, милая моя и бедная крестная, ты теперь бессильна забрать ее обратно. Так что я сохраню, назло тебе, самую желанную собственность в жизни.

– Я подарила ее в честь твоей целомудренности, являющейся единственной похвальной чертой, которая у тебя есть...

– Моя целомудренность, допускаю, замечательна. Тем не менее, в действительности ты подарила мне молодость потому, что я умнее.

– ...И то, что я даю, я по своей воле могу взять назад!

– Как же, как же, ты отлично знаешь, что ничего подобного не можешь. Отсылаю тебя к Севию Никанору. Ни один из Леших никогда не может забрать бесценный дар молодости.

– Но меня это начинает злить...

– Иначе, что я с настоящим сожалением осознаю, ты становишься нелепой, оспаривая авторитет Севиа Никанора.

– ...И я покажу тебе... о, я покажу тебе, нахал!

– Не надо! Держи себя в руках! Все достаточно эрудированные люди знают, что ты не можешь совершить того, чем пугаешь. И общеизвестно, что самое слабое колесо в телеге скрипит громче всех. Так что развивай в себе рассудительную молчаливость! В действительности никто не станет мириться с капризами уродливой, беззубой женщины твоих лет, что говорю тебе ради твоего же блага.

Людей всегда раздражает, когда говорят ради их собственного блага. Так что последующее произошло очень быстро. Луну закрыло кудрявое облако. В течение одного удара сердца ночь показалась ужасно холодной, а затем все стало достаточно тихим. Луна появилась во всем великолепии, и перед Юргеном находилась надлежащая тень Юргена. Он с изумлением посмотрел на свои руки, и это были руки пожилого человека. Он пощупал икры ног, и они были сморщенными. Он похлопал себя по туловищу, и под рубахой Несса обнаружилось впечатляющих размеров брюшко.

«К тому же, я внезапно что-то забыл, – размышлял Юрген. – Что-то, что хотел забыть. О да! Но что же я хотел забыть? Был загорелый человек... и с ногами у него творилось что-то неладное... Он в Друидском лесу нес вздор и вел себя по-идиотски... Вероятно, он сумасшедший. Нет, я не помню, что я забыл, но уверен, это терзает меня где-то в глубине души, словно маленькая губительная личинка. Но это, в конце концов, неважно».

Вслух же он запричитал самым трогательным голосом:

– О, Матушка Середа, я не намеревался тебя разозлить. Нечестно ловить меня на одном бездумном слове! Смилуйся надо мной, Матушка Середа, ведь я никогда бы не стал ссылаться на то, что ты стара и невзрачна, если б знал, что ты настолько тщеславна!

Но Матушка Середа, похоже, не смягчилась от такой мольбы, так как ничего не произошло.

«Значит, слава Богу, все кончилось! – сказал сам себе Юрген. – Конечно, она, возможно, по-прежнему слушает, а с Лешими шутить опасно. Но в действительности они не кажутся очень смысленными. Иначе эта раздражительная болтуня поняла бы, что, оставляя в стороне все прочее, я откровенно утомился от

ответственности своей молодости под таким постоянным наблюдением. Теперь все меняется: нет требования избегать подозрений в правонарушениях, проводя все философские исследования в темноте, и я больше не буду недоверчиво относиться к лампам, свечам и даже к солнечному свету. Старое тело... для уставшего человека ты приятно, как старые шлепанцы. И я во второй раз весьма ловко обманул Матушку Середу. Мое понимание Лизы, хотя и доставшееся с муками, – решительное преимущество в отношениях с любой женщиной».

Затем Юрген посмотрел на черную пещеру. «Полагаю, она напоминает мне, что по-прежнему мужественным поступком стало бы продолжение поисков Лизы. Пугает только то, что, если я войду в эту пещеру в третий раз, я несомненно верну свою жену. Согласно традиционным правилам, третья попытка неизменно приводит к успеху. Интересно, хочу ли я вернуть Лизу?»

Юрген задумался и покачал своей седой головой. «Точно я этого не знаю. Она превосходно готовит. Бывали пироги, которые я всегда буду вспоминать с глубоким чувством. И у бедняжки добрые намерения! Но тогда, если в прошлом мае я отрубил голову действительно ей... и если нрав у нее ничем не лучше... Все же надоедает бесконечно мыть за собой посуду, и, кажется, у меня нет способностей в штопанье носков. Но, с другой стороны, Лиза вечно меня пилит. И она меня не понимает...»

Юрген пожал плечами. «Так и так! Доводы „за“ и „против“ можно продолжать неограниченно долго. Поскольку я не могу предпочесть одно другому, я ублажу предрассудки, совершив мужественный поступок. Мне это кажется справедливым, и, кроме того, в конце концов, это может и не получиться».

Тут он в третий раз вошел в пещеру.

Глава XLIV

В конторе управляющего

История рассказывает, что там было темно и Юрген не мог никого разглядеть. Но пещера тянулась вперед и вниз, а в дальнем конце мерцал свет. Юрген все шел и шел и так достиг того места, где в ожидании Юргена когда-то лежал Несс. Юрген вновь нагнулся и вполз в отверстие в стене пещеры и попал туда, где на высоких железных стойках горели лампы. Сейчас одна за другой эти лампы гасли, и тут не было никаких женщин. Вместо этого Юрген ступал по слою белого пепла в палец толщиной, оставляя на нем следы.

Пещера тянулась дальше, и Юрген пошел вперед. Он достиг крутого поворота, а свет ламп позади него поблек, так что тень перед Юргеном была хотя и бесспорной, но размытой. Это была тень, соответствующая заурядному пожилому ростовщику, и Юрген рассматривал ее с воодушевлением.

Затем Юрген вошел в своеобразное подземелье, с потолка которого свисал котел, а под ним плясали красные языки пламени. Перед Юргеном находился трон, а за ним ряды скамеек. Но здесь тоже никого не было. К пустому трону был прислонен треугольный белый щит. И, когда Юрген взгляделся более пристально, он увидел на нем какую-то надпись. Юрген поднес щит как можно ближе к огню, потому что сейчас зрение у него было не очень хорошее, да, кроме того, и огонь был неярким. И Юрген разобрал послание, написанное на щите черными и красными буквами.

«Ушел по важному делу, – гласило оно. – Буду через час». И подпись: «Фрагнар Р.»

«Интересно, кому король Фрагнар оставил эту записку? – подумал Юрген. – Определенно, не мне. И к тому же, интересно, оставил он ее здесь год назад или всего лишь этим вечером. И еще интересно, его ли голову я отрубил в серебряно-черном павильоне. Существует множество интересного в этой невероятной пещере, в которой, что я замечаю с беспокойством, меркнет свет. И, по-моему, становится холоднее».

Юрген посмотрел направо – на лестницу, по которой поднимались они с Гиневрой, и покачал головой. «Глатион – не совсем подходящее прибежище для всеми уважаемого ростовщика. Рыцарство – для молодых людей вроде герцога Логрейского. А мне нужно выбраться отсюда, ибо, несомненно, становится страшно холодно». Так Юрген пошел по проходу между рядами скамеек, с которых воины Фрагнара свирепо смотрели на Юргена, когда он последний раз был в этой части пещеры. В конце прохода находилась деревянная, выкрашенная белой краской дверь. На ней большими черными буквами было написано: «Контора управляющего – вход воспрещен». Юрген отворил дверь.

Он вошел в необычное помещение, освещенное шестью факелами. Они символизировали власть Ассирии, Ниневии, Египта, Рима, Афин и Византии. Тут же стояло еще шесть факелов, но они были не зажжены. Позади висела большая черная классная доска со множеством цифр, написанных красным мелом. Здесь также находился тот черный господин, который год назад благословил Юргена за то, что он почтительно говорил о силах тьмы. Сегодня на черном господине был черный халат, расшитый знаками зодиака. Он сидел за столом, крышка которого была причудливо инкрустирована тридцатью серебряными пластинками, и переписывал что-то из одной большой книги в другую. Он поднял голову от своей писанины достаточно любезно и так, словно ждал Юргена.

– Ты застал меня за звездными расчетами, – сказал он, – которые, оказывается, находятся в страшном беспорядке. Что еще я могу сделать для тебя, мой друг, замолвившего доброе слово за все, какое оно есть, и снабдившего меня парой действительно весьма приемлемых объяснений того, почему я сотворил зло?

– Я думал, Князь... – начал ростовщик.

– А почему ты называешь меня князем, Юрген?

– Не знаю, сударь. Но подозреваю, что мои поиски закончились и что вы – Кощей Бессмертный. Черный господин кивнул.

– Нечто в этом роде. Кощей, или Ардханари, или Пта, или Иалдаваоф, или Абраксас – меня здесь можно называть по-всякому. Настоящее мое имя ты никогда не слышал; ни один человек никогда не

слышал моего имени. Поэтому в данный вопрос нам едва ли стоит вдаваться.

– Разумеется, Князь. Я долго ходил кругами, чтобы добраться до вас, создавшего все таким, какое оно есть. И я лишь горю желанием узнать, почему вы создали все таким, какое оно есть.

Брови черного господина поднялись правильными готическими арками.

– И ты действительно думаешь, Юрген, что я объясню тебе, почему я создал все таким, какое оно есть?

– Я не вижу, Князь, как иначе мои странствия получили бы справедливую развязку.

– Но, мой друг, я не имею ничего общего со справедливостью. Наоборот, я – Кощей, создавший все таким, какое оно есть.

Юрген понял суть его слов.

– Ваши рассуждения, Князь, неопровержимы. Я кланяюсь вам в пояс. Я наверняка даже их предвидел. Тогда расскажите мне, чего я желаю и не могу найти ни в одном из царств, известных человеку, и даже в тех, которые человек себе вообразил.

Кощей был весьма терпелив.

– Признаюсь, я не настолько знаком с происшедшим в этой части вселенной, как следовало бы. Конечно, мне докладывают о событиях в целом, и мои люди уже какое-то время занимаются звездами в этой части неба. Но, похоже, они управляют созвездием весьма неумело. Все же я на днях сделал расчет и в конце концов не теряю надежды извлечь так или иначе из здешних светил хоть какую-то пользу. Конечно же, не то чтобы это было важное созвездие. Но я – экономист и не люблю потерь...

Тут он на мгновение умолк, не сильно обеспокоенный этой проблемой, как видел Юрген, но слегка раздраженный неспособностью сразу же предугадать ее решение. Потом же Кощей сказал:

– А между тем, Юрген, боюсь, что не смогу ответить на твой вопрос немедленно. Понимаешь ли, оказывается, огромное количество человеческих существ, как ты их называешь, появилось на... о да!, на Земле. У меня вон там есть приблизительные цифры, но они тебя вряд ли заинтересуют. И желания каждого из этих человеческих существ оказываются многочисленными и непостоянными. Однако, Юрген, по поводу розыска одной весьма очаровательной пожилой дамы ты мог бы обратиться к местным властям, ибо, насколько помню, я кого-то назначал ответственным за ее судьбу.

– Короче, вы не знаете, чего я желаю, – сказал Юрген, весьма удивленный.

– В общем, нет. Не имею ни малейшего представления, – ответил Кощей. – И все же подозреваю, что если б ты это получил, то заявил бы, что это большая несправедливость и несчастье. Так что зачем и дальше волноваться из-за этого?

Юрген же спросил почти с негодованием:

– Но разве не вы, Князь, руководили всеми моими путешествиями в течение последнего года?

– Сейчас, Юрген, я действительно вспоминаю нашу короткую встречу с приятным чувством. Тогда я сразу же постарался избавить тебя от самого назойливого источника беспокойств. Но, признаюсь, с того времени меня занимала масса других вопросов. Понимаешь ли, Юрген, вселенная – чересчур большая и управление ею отнимает уйму времени. У меня не получается следить за всем, касающимся моих друзей, так, как я хотел бы. И, вероятно, я не уделял тебе целый год своего пристального внимания – то есть не в состоянии был делать это каждое мгновение.

– Ох, Князь, вижу, вы пытаетесь щадить мои чувства, и это с вашей стороны весьма любезно. Но весь фокус заключается в том, что вы не знаете, что я сделал, и вам было наплевать, что я делал. Боже мой! Какой серьезный удар по моей гордости.

– Да, но поразмысли, насколько замечательна твоя гордость, и как я ей дивлюсь и как тщетно завидую, – я, который нигде не может созерцать ничего иного, кроме собственных изделий. Подумай, Юрген, что бы я дал, если б смог найти где-нибудь в этой своей вселенной хоть что-то, что заставило бы меня думать о себе как о ком-то важном, хотя бы в половину того, как ты думаешь о себе! – И Кощей

вздыхнул.

Но вместо этого Юрген подумал об унижительном факте, заключавшемся в том, что Кощей не надзирал за путешествиями Юргена. И внезапно Юрген понял, что этот Кощей Бессмертный не очень-то смышлен. Затем Юргену стало интересно, почему он ожидал что Кощей – смышленный малый. Кощей всемогущ, насколько люди оценивают всемогущество. Но посредством какого хода рассуждений люди поверили, что Кощей умен, насколько люди оценивают ум? Наоборот, факт, что Кощей, похоже, имел добрые намерения, но туго соображал и был излишне суетлив, объяснял уйму проблем, давно ставивших Юргена в тупик. Ум, конечно же, был одной из самых восхитительных черт характера, но ум – не превыше всего и никогда таким не был.

– Отлично! – воскликнул Юрген, пожав плечами. – Давайте перейдем к моему третьему вопросу и к третьей вещи, которую я ищу. Здесь вы должны оказаться более разговорчивы, так как я думал, Князь, что общество моей жены для вас, вероятно, слегка обременительно.

– Эх, господа, я привык к женщинам. Могу по правде сказать, что, какими я их нахожу, такими и воспринимаю. И я охотно угодил коллеге-бунтовщику.

– Но не думаю, Князь, что я когда-либо бунтовал. Наоборот, я везде приспособливался к обычаям.

– Приспособливались твои уста, но все это время твой мозг сочинял стихи, Юрген. А поэзия – бунт человека против бытия тем, кем он является.

– ...И, кроме того, вы называете меня коллегой-бунтовщиком. Как возможно, чтобы Кощей, создавший все таким, какое оно есть, был бы бунтовщиком? Если в самом деле нет некоей власти выше даже Кощей. Мне бы очень хотелось, чтобы вы, сударь, мне это объяснили.

– Без сомнения. Но почему я должен тебе это объяснять, Юрген? – спросил черный господин.

– Может, и не должны, Князь! Но – немного возвращаясь назад – я не думаю, что вы угодили мне, утащив мою жену. В смысле, конечно же, мою первую жену.

– Как, Юрген, – воскликнул черный господин в крайнем изумлении, – ты намерен сказать, что хочешь вновь превратить свою жизнь в чуму?

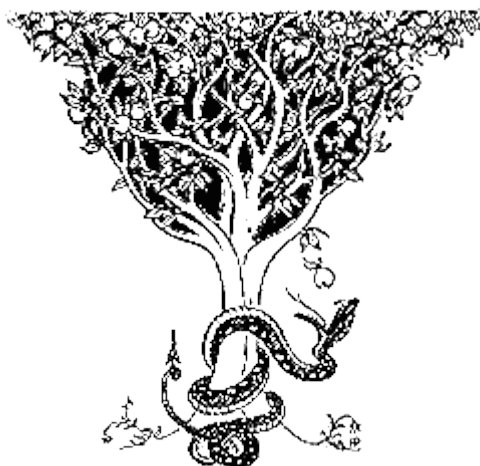
– Этого я тоже не знаю, сударь. С ней, несомненно, было тяжело. С другой стороны, я привык, что она рядом. Скорее, я скучаю по ней – сейчас, когда я вновь пожилой человек. На самом деле я считаю, что все время скучал по Лизе.

Черный господин задумался.

– Что ж, мой друг, – наконец сказал он. – Ты – поэт с несомненными заслугами. Ты проявил многообещающий талант, который при подходящей обстановке можно было бы с толком развить. Повторяю, я – экономист; я терпеть не могу потерь, а ты всегда был способен быть только поэтом. Неприятность, – и Кощей понизил голос до впечатляющего шепота, – неприятность в том, что жена тебя не понимала. Она мешала твоему искусству. Да, итог таков: она препятствовала твоему духовному развитию, твоей инстинктивной потребности в самовыражении и всему прочему. Ты превосходно избавился от этой женщины, превратившей поэта в ростовщика. Если посмотреть на вопрос с другой стороны, нехорошо человеку жить одному. Но, мой друг, у меня есть для тебя жена.

– В общем, Князь, – сказал Юрген, – я готов отведать любой напиток.

Кощей взмахнул рукой, и в мгновение ока появилась прелестнейшая дама, какую Юрген когда-либо воображал.

Глава XLV

Вера Гиневры

На вид эта женщина была прекрасна: с ясными серыми глазами и маленьким улыбающимся ротиком; ни один мужчина не мог похвастаться, что видел более прекрасную женщину. И она любезно обратилась к Юргену, которому доставляло наслаждение разглядывать ее бледно-румяные щечки.

На ней было платье из шелка цвета пламени, а на шее ожерелье из червонного золота. И она сказала ему, словно незнакомцу, что она – королева Гиневра.

– А Ланселот в Гластонбери постригся в монахи, а Артур отправлен на Аваллон, – говорит она, – я же буду вашей женой, если вы меня возьмете замуж, Юрген.

И Юрген увидел, что Гиневра его ничуть не узнала и что даже его имя для нее бессмысленно. Причиной этому могло быть многое, но он отбросил нелестное объяснение, что она просто забыла о Юргене, из-за мысли, что Юрген, которого она знала, являлся повесой двадцати одного года. Тогда как сейчас он представлял собой степенного, умудренного опытом ростовщика.

И Юргену показалось, что он в действительности никогда не любил никого, кроме Гиневры, дочери Гогирвана Гора, и ростовщика это взволновало.

– Вновь вы заставляете меня думать о себе, как о боге, – говорит Юрген. – Госпожа Гиневра, если человек признал себя наместником Небес на земле, то лишь для того, чтобы посвятить свою жизнь служению вам, прославлению и защите вас и ваших лучезарных сестер. Вы красивы и хрупки, вы наполовину богиня, а наполовину дорогая безделица. Я услышал рыцарский зов, и струны моей души откликнулись на него. Однако по бесчисленным причинам я колеблюсь, брать ли вас в жены и признать ли себя вашим защитником, ответственным перед Небесами. По некоторым причинам я не всецело уверен, что я – наместник Небес здесь, на земле. Несомненно, Бог Небесный ничего мне об этом не сказал, но я не могу не подозревать, что Всемогущий выбрал бы более компетентного представителя.

– Так предписано, мессир Юрген. Юрген пожал плечами.

– Я тоже в промежутках между делами написал много красивых вещей. Очень часто мои стихи были настолько прекрасны, что я бы отдал все на свете в обмен на менее достоверные сведения, нежели авторская правда. О нет, сударыня, желание и знание так сильно зажали меня в тисках, что я не смею вас любить и по-прежнему ничего не могу с этим поделать!

Тут Юрген картинно заломил себе руки. Его улыбка не была веселой, и, казалось, он сожалел, что Гиневра его не вспомнила.

– Сударыня и королева, – говорит Юрген, – когда-то давным-давно существовал один мужчина, поклонявшийся всем женщинам. Для него они все до единой являлись святой, прелестно пугающей красотой. Он слагал звучные стихи в честь тайны и святости женщин. Затем одна светловолосая дочка графа, которую он любил такой любовью, мысль о которой ставит меня сейчас в тупик, показала ему, кто она такая и что на самом деле даже недостойна ненависти. Богиня стояла неприкрытая и во всем являла такую посредственность, какую он боялся обнаружить в себе. Это была неудача. Он начал подозревать, что женщины тоже похожи на своих родителей: не мудрее, не утонченнее, не безупречнее отца, родившего их. Сударыня и королева, для любого мужчины недостойно подозревать в этом всех женщин.

– Несомненно, такое поведение не подобает ни рыцарственному мужчине, ни подлинному поэту, – говорит королева Гиневра. – Однако глаза у вас полны слез.

– Ха, сударыня, – отвечает он. – Меня забавляет выплакивать по мертвому человеку глаза, когда-то принадлежавшие ему. Ибо он был славным парнем до тех пор, пока не отправился буйствовать по свету с гордостью молодости и во всеоружии боли. И он слагал песни для удовольствия королей, и фехтовал для удовольствия мужчин, и нашептывал комплименты для удовольствия женщин в местах, где был знаменит и где смело наступал, доставляя всем удовольствие в те прекрасные дни. Но, несмотря на весь свой смех, он не мог ни понять своих товарищей, ни полюбить их, ни обнаружить в сказанном или сделанном ими

чего-то еще, кроме чрезвычайной глупости.

– Что ж, человеческая глупость в самом деле очень велика, мессир Юрген, и дела сего мира часто необъяснимы. И получается так, что человек может спастись одной лишь верой.

– Ох, но это тело потеряло общую искреннюю веру его товарищей в важность использования ими получаса, месяца или многих лет. И потому, что одна ветреница открыла ему глаза и те увидели слишком много, он потерял веру и в важность своих собственных поступков. Было мало времени, из которого прошлое могло бы быть сделано приемлемым, – по ту сторону зияющей непредсказуемой тьмы. А это все, что где-либо определенно существовало. Между тем ему были даны займы мозг, играющий идеями, и тело, изящно двигавшееся самыми легкими путями. Так что он никогда не был вам парой, милая Гиневра, поскольку у него не было достаточной веры вообще во что бы то ни было, даже в собственные выводы. Королева же Гиневра сказала:

– Тогда прощайте, Юрген, ибо именно я покидаю вас навсегда. Для тех, кто служил мне, я являюсь прелестным и превосходным шедевром Бога: в Карлионе, Нортгалисе и Жуаес-Гарде люди смотрели на меня с наслаждением, поскольку, как говорили, лицезреть меня значило понимать силу и доброту их Творца. Весьма красива была Изольда, и лицо Лунед искрилось, словно самоцвет; Моргана, Энио, Вивиана и проницательная Нимуя тоже прелестны; а привлекательность Эттарды восхищала смотревших на нее, словно величавая музыка; они, с достоинством разгуливающие по чертогу Артура, казались изящнейшими произведениями Небес до тех пор, пока на возвышение не поднималась королева, будто луна среди мерцающих звезд. Люди тогда подтверждали, что Бог, создавая Гиневру, трудился обеими руками. И именно я покидаю вас навсегда. Моя красота, говорили они, не человеческая бледность с румянцем, но явный знак могущества Небес. Приближаясь ко мне, люди думали о Боге, поскольку во мне, говорили они, воплощено Его великолепие. Желаемое мной ни правильно, ни неправильно: оно божественно. Именно это видели во мне рыцари. Что касается силы и доброты их великого Отца, кавалеры прежних времен осознавали, глядя на меня, залог этого и человеческую потребность быть достойным такого Отца. И именно я покидаю вас навсегда.

Юрген же сказал:

– Я не видел в вас всего этого, или увидел не совсем это, из-за тени, преследовавшей меня. Сейчас слишком поздно, и происходящее очень печально. Я становлюсь лодкой без руля, бросаемой с волны на волну. Я превращен в бесплодный прах, которым играет вихрь и который вскоре позволит ему упасть на землю. Так что прощайте, королева Гиневра, ибо происходящее очень печально и несправедливо.

Так он попрощался с дочерью Гогирвана Гора. И она мгновенно исчезла, как пламя задутый перед иконой свечи.

Глава XLVI

Желание Анайтиды

И вновь Кощей взмахнул рукой. Тут к Юргену подошла женщина, странным образом одаренная и извращенная. Ее темные глаза блестели, у нее на голове была сетка из красного коралла, ветви которого смотрели вниз, и на ней была двухцветная туника: черное причудливо переплеталось с малиновым.

И Анайтида тоже забыла Юргена, или она не узнала его в человеке сорока с хвостиком лет. Пока он слушал Анайтиду и ее речи о чудесном, в сердце Юргена вновь пробудилась уверенность в том, что это единственная женщина, которую Юрген любил по-настоящему.

Она говорила об учении Таиды, о школе Сапфо, о тайнах Родопы и об оплакивании Адониса. А рефрен всех ее речей не изменился. «Ибо нам отпущено жить очень недолго, и никто не знает свою дальнейшую судьбу. Так что человек не обладает ничем, кроме крохотного, данного ему взаймы тела. Однако человеческое тело способно на множество любопытных удовольствий», – говорила она. И яркая задумчивая женщина с античной прямоотой рассказывала о предметах, которые Юрген, уже не являвшийся повесой двадцати одного года, находил весьма смущающими. «Ну и ну! – думал он. – Это никогда не покажется провинциальным. По-моему, я действительно краснею».

Вслух же он сказал:

– Дорогая моя, существовал – всего полчаса назад! – один юноша, усердно искавший подчиняющие себе неистовства, о которых ты только что болтала. Но, откровенно говоря, он не мог найти плоть, прикосновение к которой вызывало бы сумасшествие. Позволь мне рассказать, что у юноши тоже были благоприятные возможности! Ха, даже сейчас я с нежностью вспоминаю блеск глаз и волос, пестрые одеяния и вкрадчивые голоса тех глупых, излишне доверчивых женщин. Но он переходил от одних уст к другим с пылом, являвшимся всегда наполовину напускным, и торжественными заверениями, являвшимися сознательным отзвуком той или иной любовной истории. Такие эскапады довольно приятны, но, в конце концов, они не были достаточно серьезны. Они интересовали только его тело, а я – нечто большее, нежели нагромождение яств, перемолотое моими зубами. Притворяться, что делаемое или переживаемое моим телом важно, кажется сегодня весьма глупым. Я предпочитаю рассматривать свое тело как необходимое выючное животное, на котором я еду с определенными утратами и неприятностями. Так что я больше не стану создавать вокруг него суматоху.

Но тут королева Анайтида вновь заговорила о чудесном, а он стал непредубежденно слушать. Теперь королева говорила о своих владениях, которые она с ним разделит.

– Я слышал, – сказал Юрген, – что у тебя отменная резиденция на Кокаине.

– Но это лишь захолустье, куда я порой отправляюсь летом, чтобы пожить по-деревенски. Нет, Юрген, ты должен увидеть мои дворцы. В Вавилоне у меня дворец, где живет множество людей, которые связаны веревками и жгут для аромата отруби, ожидая своей участи. В Армении у меня дворец, окруженный огромными садами, в которые имеют право входить лишь посторонние: там их встречает более чем почтительное гостеприимство. На Пафосе у меня дворец, в котором есть пирамидка из белого камня, весьма любопытная на вид; но еще более любопытно изваяние в моем дворце на Амате, изображающее бородатую женщину, выказывающую и другие черты, которыми не обладают женщины. А в Александрии у меня дворец, который содержат тридцать шесть чрезвычайно мудрых и святых мужчин и в котором всегда ночь: и там народ ищет чудовищных удовольствий, даже ценой мгновенной смерти, и достигает того и другого очень быстро. Повсюду мои дворцы стоят на возвышенностях близ моря, так что они издали видны тем, кто у меня всегда в милости, – моим прекрасным широкоплечим морякам, не боящимся меня, но знающим, что в моих дворцах они найдут замечательную работу. Должна сказать тебе о том, что встречается в моих дворцах, и о том, как приятно мы там проводим время. – И она ему рассказала.

Теперь он слушал более внимательно, чем когда бы то ни было, и глаза у него сузились, а челюсть отвисла, и вид был весьма дурацкий, но он был глубоко заинтересован. Анайтида с их последней встречи подумала о некоторых новых развлечениях, и для Юргена, даже в сорок с хвостиком, голос королевы

представлял собой жуткое, странное и прелестное волшебство. «К тому же, она в самом деле искушает очень тонко», – размышлял он, отчасти гордясь ею.

Затем Юрген зарычал и затрясся от злости. И ущипнул королеву Анайтиду за ухо.

– Дорогая, – сказал он, – ты рисуешь ослепительную картину, но ты достаточно проницательна, чтобы брать краски из грез неопытности. То, о чем ты болтаешь, совсем не такое, как в твоих описаниях. Ты забываешь, что говоришь с многократно женатым мужчиной, имеющим разнообразный опыт. Более того, я содрогаюсь при мысли о том, что могло бы случиться, если б сюда неожиданно вошла Лиза. А что касается остального, вся эта суматоха вокруг несказанных наслаждений, невыразимых ласк и других анонимных ужимок кажется весьма наивной. Мои уши, слава Богу, красноречиво защищены седыми волосами от непосредственного соприкосновения с твоим вечно привирающим язычком. Так что убирайся прочь!

На это королева Анайтида очень жестоко улыбнулась и сказала:

– Тогда прощай, Юрген, ибо именно я покидаю тебя навсегда. Впредь ты должен отгородиться от солнечного света, вечно избегая неудобств и предпочитая более прохладные отношения. Никто, кроме меня, не сможет пробудить желание, расточающее всего мужчину и ничего не теряющее, даже если после оно оставляет этого избранного навсегда подобным тусклому пеплу на солнце. А ты меня больше не интересуешь, ибо именно я покидаю тебя навсегда. Иди же к своим сидящим товарищам! И помоги им бросить вызов ясному здоровому солнцу, создавая гильдии, законы и лозунги, с помощью которых мир избавится от меня. Я, Анайтида, смеюсь, а мое сердце – волна на солнце. Нет такой власти, как моя власть, и никто из живущих не может противостоять ей. А насмехающиеся надо мной, как я хорошо знаю, лишь мертвая сухая шелуха, которую ветер носит со свистом, пока я собираю урожай под лучами солнца. Ибо я есть желание, расточающее всего человека, и именно я покидаю тебя навсегда. Юрген же сказал:

– Я не видел в тебе всего этого, или видел не совсем это, из-за тени, преследовавшей меня. Сейчас чересчур поздно, и происходящее очень печально. Я становлюсь смущенным призраком, украдкой наблюдающим за поступками громогласных румяных людей. А я – сплошная усталость и мрачные предчувствия, поскольку я больше не различаю, кто я такой или каково мое желание, и я боюсь, что я уже мертв. Так что прощай, королева Анайтида, происходящее тоже очень печально и несправедливо.

И он попрощался с дочерью Солнца. А все цвета ее прелести затрепетали и слились в подобие высокого и тонкого пламени, поднимавшегося вверх. А потом это пламя погасло.

Глава XLVII

Видение Елены

В третий раз Кощей взмахнул рукой. Теперь к Юргену подошла златовласая женщина, одетая во все белое. Она была высока, прелестна и нежна, и ее миловидность не была румяно-бледной, как у многих дам, славившихся своей красотой, но скорее имела ровный блеск слоновой кости. У нее был большой, с горбинкой, нос, а изогнутый рот – не из самых маленьких. И однако, что бы ни говорили другие, для Юргена внешность этой женщины была во всем совершенной. И, увидев ее, Юрген встал на колени. Он спрятал лицо в складках ее белого платья, и долгое время оставался в таком положении, не произнося ни слова.

– Дама моего видения, – сказал он, и голос у него сорвался, – именно вы пробуждаете старые воспоминания. Сейчас я, конечно же, считаю, что вашим отцом был не дон Мануэль, а та страстная птица, давным-давно прильнувшая к лону Леды. А все сыны Трои находятся под стражей Аида. Огонь пожрал стены Трои, и годы забыли ее могучих завоевателей. Но вы по-прежнему приносите горе этим несчастным страдальцам.

И вновь голос у него сорвался. Мир казался безрадостным и похожим на дом, в котором долго никто не жил.

Царица Елена, наслаждение богов и людей, вообще ничего не ответила, потому что в том не было нужды: ведь человек, хоть раз взглянувший на ее красоту, находится за пределами спасения и за пределами желания быть спасенным.

– Сегодня ночью, – сказал Юрген, – как когда-то посредством серого искусства Фобетора, посредством воли Кощей получилось так, что вы находитесь на расстоянии вытянутой руки от меня. Ха, милостивая государыня, будь это возможным, – а я отлично знаю о невозможности этого, что бы мне ни сообщали органы чувств, – я не способен стать парой вашему совершенству. В глубине души я уже не желаю совершенства. Мы, простые налогоплательщики, так же как и бессмертные души, должны жить политическими увертками, доктринами и лозунгами, что разъедают нашу жизнь так же, как моль портит одежду. Мы становимся нечувствительны к здравому смыслу, как к наркотику. И это отупляет и убивает в нас все бунтарское, изящное и безрассудное. Так что вы не найдете ни одного человека моих лет, жизнь с которым не казалась бы вам механизмом, стачивающим по собственному почину время. Ибо в течение этого часа я вновь стал существом установившихся обычаев. Я – лакей предусмотрительности и полумер, и я расчетливо обманул свои мечты. Но даже теперь я люблю вас больше книг, лености, лести и благотворного вина, хитроумным путем подсовывающего подходящее мнение о самом себе. Что еще может сказать старый поэт? По этой причине, милостивая государыня, я прошу вас удалиться, поскольку ваша красота – насмешка, которую я нахожу нестерпимой.

Но в его голосе ощущалась тоска, поскольку это была царица Елена, наслаждение богов и людей, глядевшая на него серьезными, добрыми глазами. Казалось, она рассматривает – так оценивают узор раскатанного ковра – каждый поступок в жизни Юргена. И казалось, она, к тому же, удивляется, без укоров и волнений, глупости мужчин и их собственному согласию завязнуть в такой трясине.

– О, я изменил своему видению! – воскликнул Юрген. – Я изменил и отлично знаю, что каждый должен изменить. И, однако, мой позор не менее ужасен. Я стал жертвой манипулирования временем! Я содрогаюсь при мысли о жизни изо дня в день со своим видением. Так что я никого из вас не возьму себе в жены.

Затем, трепеща, Юрген поднес к своим губам руку той, кто была возлюбленной всего мира.

– Так что прощай, царица Елена! Очень давно я нашел твою красоту отраженной в лице распутницы! И часто на каком-нибудь женском лице я находил ту или иную черту, напоминающую тебя, и ради этого я многословно лгал женщинам. И все мои стихи, как я теперь понимаю, были тщетным колдовством, стремящимся вызвать ту скрытую прелесть, о которой я знал по одним лишь смутным сообщениям. О, вся моя жизнь стала зашедшим в тупик поиском тебя, царица Елена, и неутоленной жадью любви. Какое-то время я служил своему видению, чтя тебя честными делами. Да, несомненно, на моей могиле нужно написать: «Царица Елена правила на этой земле, пока та оставалась достойной ее». Но это было давным-давно...

...Так что прощай, царица Елена! Твоя красота стала для меня воровкой, лишившей мою жизнь радости и печали, и я больше не желаю мечтать об этой красоте. Я стал неспособен любить кого бы то ни было. И я знаю, что именно ты мешала этому, царица Елена, в каждое мгновение моей жизни с того несчастного мгновения, когда я, по-видимому, впервые обнаружил твою прелесть в лице госпожи Доротеи. Это воспоминание о твоей красоте я видел потом отраженным на лице какой-нибудь кокетки, и оно делало меня бессильным перед такой честной любовью, какую другие мужчины дарят женщинам. Ибо Юрген никого не любил – даже себя, даже Юргена! – всем сердцем...

...Так что прощай, царица Елена! В будущем я не стану скитаться в поисках чего-либо. Вместо этого я стану лениво трудиться ради домашнего уюта, играя сам с собой в лекаря и усердно стараясь дожить до преклонного возраста. А ни одно человеческое понятие, похоже, не стоит стакана глинтвейна. И не из-за

какого понятия я бы не рискнул заведенным порядком, который мне так ужасно надоел. Я стал жертвой манипулирования временем. Я превратился в лакея предусмотрительности и полумер. А это кажется несправедливым, но ничего не поделаешь. Поэтому необходимо сейчас попрощаться с тобой, царица Елена. Я совершил измену, служа своему видению, и полностью отрицаю тебя!

И он попрощался с дочерью Лебедя, а царица Елена ушла так, как исчезает светлая дымка, но не настолько быстро, как королева Гиневра и королева Анайтида. И Юрген остался наедине с черным господином. И мир казался ему безрадостным и похожим на дом, в котором долго никто не жил.

Глава XLVIII

Откровенные мнения госпожи Лизы

– Эх, господа! – замечает Кощей Бессмертный. – Некоторым из нас определенно трудно угодить.

И теперь Юрген уже собрался, пожав плечами, скрыть свои чувства.

– При выборе жены, сударь, – указал Юрген, – нужно принять во внимание всевозможные мелочи...

Но тут его охватило недоумение. Юргену показалось, что о его предыдущем общении с тремя женщинами Кощей было явно неизвестно. Что ж, Кощей, создавший все таким, какое оно есть, – не кто иной, как Кощей, – делал сейчас для Юргена все, что в его силах. И это «все» равнялось добыванию для Юргена того, что Юрген когда-то с помощью молодости и наглости добыл себе сам. Значит, даже Кощей не мог сделать для Юргена больше, чем могло быть достигнуто молодостью, наглостью и стремлением вникнуть во все в целом, которые Юрген только что оставил как чересчур беспокойные. При таком выводе Юрген пожал плечами. Решительно, ум не был превыше всего. Однако ничто не вынуждено оповещать об этом князя Кощей, и никакой мудрости в попытках это сделать не было.

– ...Вы должны понять, сударь, – плавно продолжил Юрген, – что, каков бы ни был первый мгновенный импульс, любому здравомыслящему человеку ясно, что в прошлом каждой из этих дам есть многое, намекающее на врожденную неспособность к семейной жизни. А я люблю покой, сударь. Не соглашусь я и с моральной распушенностью – сейчас, когда мне сорок с хвостиком, – конечно, разве что в разговоре, когда это способствует общительности, и в поэзии, где она ценится в качестве общепринятого украшения. И все же, Князь, шанс я упустил! Понимаете, я говорю не о супружестве. Но какими блестящими словами мне следовало изъясняться в присутствии этих знаменитых красавиц, теперь ушедших от меня навсегда! К каким стилистическим высотам азиатской прозы мне следовало взойти по чудесной лестнице тропов, метафор и малопонятных аллюзий! Вместо этого я пустословил, будто школьный учитель. Решительно, Лиза права, и я ни на что не гожусь. Однако, – с надеждой добавил Юрген, – мне кажется, что, когда я видел ее в последний раз, год назад в этот вечер, Лиза почему-то была менее разговорчива, чем обычно.

– Эх, господа, она находилась под воздействием очень сильных чар. Я нашел это необходимым в интересах здешнего закона и порядка. Я, сделавший все таким, какое оно есть, не привык к крайностям практичных людей, склонных безжалостно переделывать своих партнеров. На самом деле одно из преимуществ моего положения состоит в том, что подобный народ не считает все таким, какое оно есть, и, следовательно, очень редко меня беспокоит. – И черный господин в свою очередь пожал плечами. – Вы меня извините, но я замечаю у себя в расчетах, что этой ночью мне непременно нужно покрасить анемоны, а это довольно крупная планетарная система. Время поджимает.

– А время неумолимо. Князь, со всем должным уважением я полагаю, что именно этот трюизм вы и проглядели. Вы бросили в решительное наступление на мои фантазии самых очаровательных женщин. Но вы забываете, что показываете их мужчине сорока с лишним лет.

– А это так уж сильно меняет дело?

– Меняет весьма печально, Князь! Пока человек живет, он во многом меняется. Он менее уверенно держит меч и копье и не берет такой тяжелый посох, каким когда-то размахивал. Его меньше интересуют разговоры, а поток его юмора истощается. Он уже не такой неутомимый математик, каким был, хотя бы только потому, что его вера в личные способности ослабевает. Он осознает свои недостатки и, следовательно, никчемность своих мнений, а на самом деле он осознает несомненную никчемность всевозможных материй. Так что он бросает попытки все рассчитать, а скипетры и свечи кажутся ему почти равноценными. И он склонен оставить философские эксперименты и позволить всему двигаться не обязательно по линейке. О да, это меняет дело. – Юрген вздохнул. – И, однако, несмотря на все это, некоторым образом наступает облегчение, сударь.

– Тем не менее, – сказал Кощей, – сейчас, когда ты проинспектировал цветок женственности, я не могу всерьез поверить, что ты предпочитаешь свою сварливую жену.

– Честно говоря, Князь, я тоже, как обычно, в нерешительности. Возможно, вы правы во всем, на чем настаивали. И, несомненно, я не могу пойти так далеко и сказать обратное. Но все же, в то же самое время!.. Послушайте, не позволите ли вы на мгновение взглянуть мне на свою первую жену?

Не успел он попросить, как просьба была выполнена: тут находилась, конечно же, госпожа Лиза. Громкость ее голоса больше не ограничивалась какой-либо изумительной некромантией. А после прохождения тех прелестных дам она выглядела на редкость невзрачной.

– Ага, негодяй! – начинает госпожа Лиза, обращаясь к Юргену. – Так ты думал от меня избавиться! Хорош гусь! Большую благодарность я получила за свой рабский труд! – И она начала браниться.

Но браниться она начала, к удивлению Юргена, почему-то заявив, что он даже хуже графини Доротеи. Потом он вспомнил, что, благодаря не самому страшному из возможных везений, последние известия из внешнего мира госпожа Лиза получила от своей сестры, жены нотариуса, двенадцать месяцев тому назад.

И весьма безотчетно Юрген стал думать о том, какими несущественными кажутся эти любопытные месяцы, посвященные другим женщинам, на фоне банальных лет, которые он и Лиза мучились в совместной жизни; об изящной и веселой девушке, которой была Лиза до замужества; о том, как хорошо она знала его вкусы в еде; и о том, как здорово она угождала ему в те редкие дни, когда ее ничто, по-видимому, не раздражало; о всех пришитых ею пуговицах и всех заштопанных носках; и о том, какая буря разыгрывалась, когда кто-то имел наглость критиковать Юргена; и о том, насколько более неприятной – все принимая в расчет – была жизнь без нее, нежели с ней. Она, бедняжка, к тому же так непривлекательна внешне, что ее можно только пожалеть. И Юргена охватила наполовину тоска, а наполовину раскаяние.

– Думаю, я ее верну, Князь, – очень покорно говорит Юрген, – теперь, когда мне сорок с хвостиком. По-моему, ей так же тяжело, как и мне.

– Мой друг, неужели ты забываешь о поэте, которым мог бы стать? Ни один рациональный человек не стал бы оспаривать, что общество и дружеская болтовня госпожи Лизы, естественно, должны являться деэидератами...

Но госпожу Лизу всегда возмущало многословие.

– Замолчи, черный безбожник, и не намекай на такие постыдные вещи в присутствии добропорядочных людей! Ибо я, чтоб ты понял, добрая христианка. А твоя репутация всем известна! И ты самый подходящий товарищ для этого бездельника! Лучше и не придумай!

Так небрежно и сравнительно терпимо госпожа Лиза отделалась от Коцея, создавшего все таким, какое оно есть, посчитав, что он просто Сатана. А к своему мужу госпожа Лиза обратилась теперь особо.

– Юрген, я всегда говорила тебе, что ты докатишься до этого, и теперь, надеюсь, ты угомонишься. Юрген, не стой с открытым ртом, словно испуганная рыба, когда я тебя вежливо спрашиваю! А отвечай, когда с тобой говорят! Да, и не нужно пытаться выглядеть по-идиотски невинным, Юрген, потому что ты мне отвратителен. Ты слышал совершенно отчетливо, что твой самый подходящий друг сказал обо мне при моем собственном муже, стоящем рядом. Нет – прошу, тебя! – не спрашивай меня, что он сказал, Юрген! Я оставляю это на твоей совести и предпочитаю больше не говорить об этом. Ты знаешь, что, когда я разочаровываюсь в человеке, для меня этого человека больше не существует. Так что, к счастью, у тебя вообще нет нужды взгромождать лицемерие на трусость, поскольку, раз уж мой собственный супруг не чувствует себя мужчиной и не может защитить меня от оскорблений и вульгарного общества, мне лучше всего пойти домой и приготовить ужин. Смею сказать, что дом похож на свинарник, и я вижу, глядя на тебя, что ты опять гробил зрение, читая в постели. И подумай, как ты ходишь на людях, пусть даже в среде таких приятелей, с оторванной пуговицей на рубашке!

На одно ужасное мгновение Лиза замолчала. Затем она заговорила, с трудом сдерживая отчаяние.

– И сейчас, смотря на эту рубашку, я честно спрашиваю тебя, Юрген, неужели ты считаешь, что человек твоего возраста имеет право разгуливать в рубашке, которую никто... в рубашке, что... в рубашке, которую я могу лишь?... Но я никогда не видела такой рубашки! Да и никто не видел! Ты просто не можешь себе представить, что у тебя в ней за вид, Юрген. Юрген, я тебя терпела, я мирилась со многим, ничего не

говоря в тех случаях, когда многие женщины вышли бы из себя. Но я просто не могу позволить тебе самому выбирать себе одежду и таким образом губить дело и вынимать у нас изо рта кусок хлеба. Короче, ты вполне можешь кого угодно свести с ума. И предупреждаю тебя, что я покончила с тобой навсегда. Госпожа Лиза с достоинством направилась к двери Кошечевой конторы.

— Так что ты можешь пойти или не пойти со мной — по своему выбору. Мне все едино, могу тебя уверить, после твоих жестоких слов и того, как ты на меня орал и подстрекал этого знатного арапа оскорблять меня в выражениях, которые лично я не повторю, чтобы не осквернить свои уста. Не сомневаюсь, ты считаешь, что все это очень умно и забавно, но теперь ты знаешь, что я об этом думаю. А в целом, если ты не чувствуешь, что такое влияние тебя погубит, тебе лучше пойти домой дальней дорогой, зайти к сестре и попросить у нее полфунта масла. Я знаю тебя слишком хорошо и предполагаю, что это ты следил за тем, как взбивается масло.

Госпожа Лиза выказала грандиозную радость, которая невообразима для незамужних женщин.

— Ты взбивал масло, пока меня не было дома!.. О нет, не ты! Вероятно, в доме не больше одного яйца. Ведь у моего повелителя и господина в его прекрасных и новых придворных нарядах были другие дела. И эта — на человеке твоего возраста с пузом, как пивная бочка, и ногами, как тростинки! — да, эта твоя постыдная рубашка — еще один повод, для твоего же собственного удобства, идти домой дальней дорогой. Предупреждаю тебя, Юрген, что из-за того, что я тебя поймала такого разодетого, я решила, прежде чем идти домой или куда-либо еще, заглянуть на пару слов к твоей надменной госпоже Доротее. Так, чтобы тебя со мной не было, потому что больше вы меня не будете водить за нос и вам обоим не нужно пытаться вновь обмануть меня в отношении своих поступков. Нет, Юрген, ты меня не одурачишь, я могу читать тебя, как книгу. А такое поведение, в твоем возрасте, вообще меня не удивляет, потому что именно этого я от тебя и ожидала.

И госпожа Лиза вышла в дверь и направилась прочь, все еще продолжая браниться. Жена Юргена распинаясь о жене гетмана Михаила, рассуждая о чертах характера, о прошлых делах и (с увеличившимся рвением) о фигуре и внешности госпожи Доротее, какими эти мерзости являются проницательному взору, и потому должны быть описаны беспристрастным языком, что представляет собой вопрос общественного долга.

Так пронеслась госпожа Лиза — не как пламя или дымка, но как глас Суда.

Глава XLIX

О компромиссах с Кощеем

– Уф! – сказал Кощей в наступившей тишине. – В любом случае тебе лучше остаться на ночь здесь. Я действительно думаю, мой друг, что тебе будет более спокойно, по крайней мере сейчас, в этой тихой пещере. Но Юрген уже взял шляпу.

– Нет! Смею сказать, мне тоже лучше уйти, – сказал Юрген. – Сердечно благодарю вас за доброту ко мне, сударь; я по-прежнему ничего не знаю, но лучше так, как есть. А нужно что-нибудь, – Юрген деликатно кашлянул, – а нужно что-нибудь платить, сударь?

– О, пустяк, разве что за годичное содержание госпожи Лизы. Понимаешь, Юрген, ты носишь ужасно красивую рубашу, она мне весьма нравится, и я полагаю, исходя из слов, пророненных только что твоей женой, что она ее не впечатлила, так как очень тебе идет. Поэтому в интересах семейного счастья, думаю, ты выкупишь госпожу Лизу за свою прекрасную рубашу?

– Что ж, охотно, – сказал Юрген и снял рубашу Несса.

– Как я понимаю, ты носил ее какое-то время, – задумчиво сказал Кощей, – и неужели ты ни разу не заметил какого-либо неудобства при ношении такой одежды?

– Ничего не обнаружил, Князь. Она шла мне и, похоже, воздействовала на всех очень благоприятно.

– Вот! – сказала Кощей. – Что я всегда и утверждал. Для сильного человека и вообще для здоровых простых людей это роковой раздражитель.

Но такие люди, как ты, могут носить рубашу Несса очень спокойно долгое-преддлгое время и вообще становиться предметом восхищения. А ты закончил, обменяв ее на общество своей жены. Но теперь, Юрген, о тебе. Ты, вероятно, заметил, что на моей двери табличка «Вход воспрещен». Знаешь, необходимы определенные правила. Часто это создает помехи, но правила есть правила. И должен сказать тебе, Юрген, никому не разрешается покидать меня неискалеченным, если уж не по-настоящему уничтоженным. Действительно, знаешь ли, необходимы правила.

– Вы отрубили бы мне руку? Или кисть? Или целый палец? Полно, Князь, вы, должно быть, шутите!

Кощей Бессмертный был очень серьезен: он сидел в задумчивости и барабанил длинными, черными, как смоль, пальцами по крышке стола, причудливо инкрустированной тридцатью серебряными пластинками. При свете лампы его острые ногти сверкали, словно язычки пламени, а глаза внезапно обесцветились и походили на маленькие белые яйца.

– Но какой же ты странный человек! – сказал Кощей спустя некоторое время; жизнь вернулась в его глаза, и Юрген рискнул свободно вздохнуть. – Я имею в виду, внутри. Вряд ли там что-нибудь осталось. Правила, конечно же, есть правила. Но ты, являющийся остатком поэта, можешь уйти без помех когда угодно, и я у тебя ничего не возьму. Действительно необходимо где-то провести черту.

Юрген обдумал такую снисходительность и с тоской в сердце, похоже, все понял.

– Да, вероятно, это правда. Я не сохранил ни веры, ни желаний, ни видений. Да, вероятно, это правда. Так или иначе, Князь, я неподдельно восхищен каждой из дам, которым вы меня довольно по-дружески представили, и весьма польщен их предложениями. Я подумал, что они более чем щедры. Но действительно не по мне сейчас сблизиться с любой из них. Понимаете ли, Лиза – моя жена. За последние десять лет, сударь, между нами много чего было. И я ее во многих отношениях мучительно разочаровывал. И я к ней привык...

Затем Юрген задумался, глядя на черного господина со смесью зависти и соболезнавания.

– Нет, вы, вероятно, не поняли меня, сударь, полагаю, из-за того, что вы не женаты. Но могу вас уверить, всегда происходит подобное.

– Мне не хватает подготовки для оспаривания твоего афоризма, – заметил Кощей, – поскольку

супружество, несомненно, не включено в мою судьбу. Тем не менее для стороннего наблюдателя ваше обоюдное поведение кажется весьма занятным. Я не мог, например, понять, как твоя жена предложила навсегда убраться с ее глаз и все же поужинать с ней вечером; ни того, почему она должна желать ужинать с таким подлецом, каким она тебя описала с необузданными едкостью и неодобрением.

– Но опять-таки, сударь, всегда происходит подобное. И эта истина, Князь, великий символ. Истина состоит в том, что мы прожили вместе так долго, что жена стала по-идиотски меня обожать. Поэтому она, если можно так выразиться, не вполне рассудочно ко мне относится. Нет, сударь. В манере женщин отказываться от вежливости в отношениях с теми, ради кого они страдают с большой охотой; и кого женщина любит – того и карает, после подходящего случая.

– Но в ее речах, Юрген, никогда не было рассудительности. Они оглушают, они пугают, они погружают тебя в бурное море поиска недостатков. Одним словом, ты мог бы с таким же результатом противостоять урагану. Однако ты хочешь ее вернуть! Разумеется, Юрген, я не очень высокого мнения о твоей мудрости, но твоей отвагой я потрясен.

– Ах, Князь, это лишь потому, что я понимаю: все женщины – поэты, хотя они творят не всегда чернилами. Поэтому в тот момент, когда Лиза освобождается из того места, на которое, сударь, так сказать, незначительные личности могли бы, совершенно бездумно, сослаться как на ужасное подземное заведение, которое, я ни на миг не сомневаюсь, управляется по системе, способствующей истинным интересам каждого, и, таким образом, отражает огромное доверие своим должностным лицам, если вы простите мою прямооту, – и Юрген заискивающе улыбнулся, – в тот самый момент мысли Лизы оформляются в самом высоком обвинительном стиле Иеремии и Амоса, бывших замечательными поэтами. В частности, ее завершающее замечание касательно графини я считаю примером непрерывной инвективы, которую редко встретишь в этот выродившийся век. Ну, а ее другой этюд в творческом сочинительстве – про мой ужин, который равным образом являлся экспромтом. Завтра она зашьет и заштопает мне некую эпическую поэму, а ее десерты продолжат быть богатейшей лирической жилой. Таковы, сударь, стихи Лизы, все до единого обращенные ко мне, дошедшему до флирта с заурядными королевами!

– Может, ты сожалеешь об этом? – спрашивает Кощей.

– О, Князь, когда я пристально рассматриваю глубину и напряженность этой преданности, которая в течение многих лет направлена на меня и выносит общество человека, который, что знаю особенно я, является самым скучным и надоедливым сожителем, я стою ошеломленный, словно перед неким чудом. И восклицаю: «О, несомненно, богиня!» И не могу думать ни о каких царицах, справедливо упоминаемых с придыханием. Ха, все мы, поэты, пишем очень много о любви. Но ни один из нас не может ухватить весь смысл этого слова до тех пор, пока не отразит того, что это страсть, достаточно сильная, чтобы побуждать женщину мириться с любым из нас.

– Даже при этом она, видимо, побуждает не совсем посредством доверия. Юрген, мне было больно видеть, как госпожа Лиза явно подозревала тебя в том, что ты в отсутствие жены бегаешь за женщинами.

– Подумайте же об этом! И сами увидите, как слабо привлекательнейшие из женщин могли меня искусить. Однако я могу понять и простить даже абсурдные представления Лизы. И опять-таки вы, вероятно, не поняли бы моего пренебрежения подобным, сударь, из-за того, что вы не женаты. Тем не менее мое прощение тоже великий символ.

Тут Юрген вздохнул и, очень осторожно пожав руку Кощей, создавшему все таким, какое оно есть, пошел из конторы.

– Я тебя немного провожу, – сказал Кощей.

Кощей снял халат и надел парадный мундир с галунами, висевший на спинке странного на вид стула с тремя ножками, каждая из которых сделана из разного металла. Рубаху Несса Кощей завернул в бумагу и отложил в сторону, сказав, что как-нибудь он ею воспользуется. Кощей приостановился у доски и задумчиво почесал голову. Юрген увидел, что доска почти вся покрыта столбиками цифр, которые еще не сложены. И эта доска показалась ему самой жуткой вещью, с которой он где-либо сталкивался.

Затем Кощей вышел вместе с Юргеном из пещеры, и они зашагали поздним вечером по Амнеранской

Пустоши и через Морвен. А пока они шли, Кощей говорил. И Юрген заметил странную вещь: луна клонилась к востоку, словно время бежало вспять. Но Юрген в присутствии Кощей, создавшего все таким, какое оно есть, не позволил себе это критиковать.

– Я устраиваю все дела наилучшим возможным образом, Юрген. Но они порой оказываются в страшном беспорядке. Эх, господа, у меня нет компетентных помощников. Мне приходится смотреть за всем, абсолютно за всем! И, конечно же, пока я некоторым образом непогрешим, то и дело будут случаться ошибки при фактическом осуществлении планов, которые в теории достаточно верны. Поэтому я действительно рад услышать, когда кто-нибудь молвит доброе слово за все, какое оно есть, поскольку, между нами, вокруг полно недовольства. И я, честно говоря, только что получил наслаждение, когда услышал, как ты высказался за зло перед этим бездельником монахом. Поэтому прими благодарности, множество благодарностей, Юрген, за свое доброе слово.

«Только что!» – подумал Юрген. Он понял, что они прошли мимо цистерцианского монастыря и приближались к Бельгарду. И Юрген заговорил, словно во сне.

– Кто вы такой и почему меня благодарите? – спрашивает Юрген.

– Мое имя большой роли не играет. Но у тебя мягкое сердце, Юрген. Да будет твоя жизнь лишена забот.

– Спаси нас от зла и вреда, мой друг, но я уже женат...

Тут Юрген решительно сбросил чары, затуманившие ему голову.

– Послушайте, Князь, вы все начинаете снова? Я действительно больше не выдержу ваших благодеяний.

Кощей улыбнулся.

– Нет, Юрген, я не начинаю все снова. Ибо теперь я никогда и не начинал, и теперь не существует ни одного правдивого слова во всем, что ты вспомнишь о прошедшем годе. Теперь ничто из этого никогда не происходило.

– Но как так может быть, Князь?

– Почему я должен тебе рассказывать, Юрген? Допусти, что желаемое мной не только происходит, но уже и произошло, за пределами древнейших воспоминаний человека и его матери. Как бы иначе я был Кощей? Так что прощай, бедный Юрген, для которого ничего особенного теперь не произошло. Я даю тебе не справедливость, а нечто бесконечно более приемлемое для тебя и тебе подобных.

– Ну разумеется! – сказал Юрген. – Полагаю, нигде никого справедливость не волнует. Так что прощайте, Князь. И при нашем расставании я не задаю вам больше вопросов, так как понимаю, что человек получает скудное утешение, расспрашивая Кощей, создавшего все таким, какое оно есть. Но мне интересно, какое удовольствие получаете из всего этого вы.

– Эх, господа, – сказал Кощей с не самой искренней улыбкой, – я созерцаю зрелище с надлежащими чувствами.

И, сказав так, Кощей навсегда оставил Юргена.

«Однако как я могу быть уверен, – тут же подумал Юрген, – что этот черный господин действительно Кощей? Он мне так сказал. Что ж, да. И Горвендил, в сущности, говорил мне, что Горвендил – Кощей. Ага, а вот что еще сказал Горвендил!.. „Вот один из самых древних приемов создателей романов“. Но был, к тому же, Смойт Глатионский, поэтому мне в третий раз всучивают объяснение, которое я вижу во сне! И так или иначе я остаюсь без доказательств».

Юрген сначала возмущился, а потом рассмеялся. «Ну конечно же! Может быть, я говорил один на один с Кощей, создавшим все таким, какое оно есть. И опять-таки, может, и нет. В этом вся суть – соль, так сказать, шутки, – в чем я никогда не смогу быть уверен. Ладно! – И тут Юрген пожал плечами. – Ладно, чего от меня можно ожидать?»

Глава I

Не идущая в счет минута

И это на самом деле вся история, за исключением той минуты, когда Юрген задержался на пути домой. Ибо Кощей (если это действительно был Кощей) оставил Юргена, когда они приблизились к Бельгарду. И когда ростовщик уже шел один погожим апрельским вечером, его окликнули с террасы. Даже в сумерках он понял, что это графиня Доротея.

– Можно поговорить с вами одну минуту? – спросила она.

– Конечно, сударыня. – И Юрген поднялся с дороги на террасу.

– Я посчитала, что близится час вашего ужина. Поэтому ждала здесь, когда вы пройдете. Понимаете ли, мне не совсем удобно беспокоить вас в лавке.

– Что вы, сударыня. Это же предрассудки, – спокойно сказал Юрген и стал ждать.

Он видел, что госпожа Доротея сдержанна, однако очень хочет побыстрее проверить свое дело.

– Вы наверняка знаете, – сказала она, – что скоро день рождения моего мужа, и я хотела бы обрадовать его одним подарком. Поэтому мне необходимо добыть немного денег, не беспокоя его. Сколько – отвратительный ростовщик! – вы могли бы дать за это ожерелье?

Юрген повертел ожерелье в руке. Это была привлекательная драгоценность, знакомая ему в качестве бывшей собственности матери гетмана Михаила. Юрген назвал сумму.

– Но это же, – сказала графиня, – крупица ее стоимости!

– Времена тяжелые, сударыня. Конечно, если бы вас интересовала его продажа, я мог бы оказаться пощедрее.

– Старое чудовище, я не могу этого сделать. Это было бы невыносимо. – Тут она заколебалась. – Это нельзя было бы объяснить.

– Что касается этого, сударыня, я мог бы сделать вам поддельное ожерелье, которое бы никто не отличил от настоящего. Вполне понимаю, что вы хотите скрыть от мужа любые жертвы, вызванные вашим чувством.

– Это мое чувство к нему, – быстро сказала графиня.

– Я и подразумевал ваше чувство к нему, – сказал Юрген, – разумеется.

Тогда графиня Доротея назвала цену ожерелья.

– Мне необходимо именно столько и ни на грош меньше.

Юрген с сомнением покачал головой и поклялся, что женщины бессознательно умеют совершать сделки. Но он согласился с ее ценой, так как ожерелье почти столько и стоило. Затем Юрген предположил, что продажу было бы более удобно завершить с помощью посредника.

– Если бы, к примеру, мессир де Нераку объяснили суть дела и он смог бы посетить меня завтра, уверен, мы смогли бы совершить этот дружеский обман, не побеспокоив гетмана Михаила, – вкрадчиво сказал Юрген.

– Значит, Нерак придет, – согласилась графиня. – А вы дадите ему деньги, будто ожерелье его.

– Несомненно, сударыня. Весьма достойный молодой человек! Жаль только, что у него так много долгов. Я слышал, он за последний месяц крупно проиграл в карты. Я весьма огорчен, сударыня.

– Он обещал мне, когда долги будут выплачены, больше не играть... Но о чем это я? Я имею в виду, господин Любопытный, что принимаю значительное участие в судьбе мессира де Нерака. И порой браню его за необузданное поведение. И это все, что я имела в виду.

– Именно так, сударыня. Значит, мессир де Нерак придет ко мне завтра за деньгами, и больше сказать

нечего.

Юрген замолчал. Луна поднялась уже достаточно высоко. Они вдвоем сидели на резной каменной скамье у балюстрады. А перед ними уходила вдаль дорога, и виднелись светлые долины и верхушки деревьев. Юрген вспомнил юношу и девушку, когда-то сидевших на этом месте и говоривших обо всех великолепных поступках, которые совершит Юрген, и о счастливой жизни, которую они проживут вместе. Затем он посмотрел на сдержанную привлекательную женщину рядом с собой и подумал, что деньги, которые надо заплатить за долги ее последнего любовника, гарантированы соответствующим уважением к внешности.

«Эта галантная дама не поддается описанию, – размышлял Юрген. – Даже при этом тридцать восемь – неопровержимое и в чем-то осеннее число, и я подозреваю, что молодой Нерак пускает кровь своей пожилой любовнице. Но в его возрасте ни у кого нет совести. Да и госпожа Доротея все еще привлекательна. И все же мой пульс вытворяет со мной странные фокусы, поскольку рядом со мной она, и у моего голоса не те интонации, к которым я стремился, поскольку рядом со мной она. И я все еще на три четверти в нее влюблен. Да, в свете такой проклятой глупости, что даже сейчас меня обуревают, у меня хороший повод поблагодарить судьбу за вновь обретенную дряхлость. Однако жизнь кажется мне расточительным и несправедливым процессом, потому что это жалкий итог для юноши и девушки, которых я помню. И, взвешивая этот итог, я чуть не плачу и даже сейчас говорю романтично».

Но он не заплакал. В действительности слез не требовалось. Юрген получил свою честную прибыль на глупости графини, и его обязанностью было пронаблюдать, чтобы это дельце было обделано без какого-либо скандала.

– Так что сказать больше нечего, – заметил Юрген, поднимаясь в лунном свете, – кроме того, что я всегда буду рад служить вам, сударыня, и вполне могу похвастаться, что заслужил себе доброе имя, честно занимаясь своим ремеслом.

И он подумал: «В сущности, поскольку несомненно, что раз она становится старше, ей требуется все больше денег на любовников, я предлагаю ей сводничество. – Тут Юрген пожал плечами. – Это одна сторона дела. Другая же состоит в том, что я занимаюсь своим законным ремеслом, – я, являющийся тем, что из меня сделали годы».

Вот так Юрген оставил графиню Доротею, которую, как вы слышали, этот ростовщик любил в своей первой молодости под именем Желанья Сердца – и которую в молодости, данной ему взаймы Матушкой Середой, он любил как царицу Елену, наслаждение богов и людей. Юрген оставлял госпожу Доротею после завершения простейшего дела, отнявшего лишь минуту, так или иначе, в действительности не идущую в счет.

И после этой, не идущей в счет минуты ростовщик возобновил свой путь и вскоре подошел к дому. Он заглянул в окно. Его взгляду предстала уютная комната и накрытый к ужину стол, а госпожа Лиза что-то шила и, судя по всему, находилась во вполне дружелюбном настроении. Тут ужас охватил Юргена, который бесстрашно смотрел в лицо кудесникам, богам и дьяволам. «Я же забыл про масло!»

Но тотчас же он вспомнил, что теперь даже сказанное ему Лизой в пещере не являлось реальным. Теперь ни он, ни Лиза никогда не были в пещере, и, вероятно, больше нет такого места и никогда не было. Это приводило в замешательство.

– Но мне нужно постараться запомнить, – сказал себе Юрген, – что я не видел Лизу с завтрака сегодня утром. Ничего не произошло. В конце концов, на меня не накладывалось требование совершить мужественный поступок. Так что я сохраняю свою жену такой, какая она есть, бедняжка! Я сохраняю свой дом. Сохраняю лавку и честное продолжение дела. Да, Кощей – если это действительно был Кощей – обошелся со мной очень справедливо. И, вероятно, его методы такими и должны быть во всем. Несомненно, я не могу зайти так далеко и сказать обратное: но все же, в то же самое время!..

Тут Юрген вздохнул и вошел в свой уютный дом.

Так было в стародавние времена.

